КОМИТЕТ ПО КУЛЬТУРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ОБОРОНЫ И БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук

ЕВРОПЕЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

«УРОКИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ (К 80-ЛЕТИЮ НЮРНБЕРГСКОГО ТРИБУНАЛА)»

TRIBUNAL MILITAIRE INTERNATIONAL · NUREMBERG ·

14-16 МАЯ 2026 ГОД

УРОКИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ (К 80-ЛЕТИЮ НЮРНБЕРГСКОГО ТРИБУНАЛА)

Сборник материалов
международной научно-практической конференции

г. Санкт-Петербург, 14–16 мая 2026

Санкт-Петербург
Наукоемкие технологии
2026

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622
У71

Организатор:
Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда»

Рецензент:
Александр Владиславович Кутузов — доктор исторических наук,
ученый секретарь Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения
культуры «Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда»;
профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Санкт-Петербургской академии Следственного комитета

У71 Уроки Второй мировой войны: прошлое и настоящее (к 80-летию Нюрнбергского трибунала): сборник материалов международной научно-практической конференции; г. Санкт-Петербург, 14–16 мая 2026 — СПб.: Наукоемкие технологии, 2026. — 134 с.

ISBN 978-5-00271-152-9

В сборнике размещены тезисы выступлений и доклады участников международной научно-практической конференции «Уроки Второй мировой войны: прошлое и настоящее (к 80-летию Нюрнбергского трибунала)».

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-00271-152-9

© Государственный мемориальный музей
обороны и блокады Ленинграда, 2026

Одна из важнейших целей конференции — сохранение исторической правды о преступлениях нацистов в противовес попыткам фальсификации истории, а также введение в научный оборот ранее неизвестных архивных документов.

Конференция объединила ведущих историков, а также молодых учёных России и Республики Беларусь.

Программа конференции предусматривала проведение пленарного заседания, заседаний тематических секций и круглых столов по следующим темам:

«Историческая память»,

«Фальсификация истории Второй мировой войны»,

«Послевоенные судебные процессы»,

«Перестройка системы руководства в послевоенный период».

В конце конференции участники подчеркнули необходимость дальнейшего развития научного и общественного диалога по вопросам сохранения исторической памяти, противодействия историческому ревизионизму и популяризации достоверного знания о событиях Великой Отечественной войны и битвы за Ленинград.

По итогам конференции был выпущен данный сборник материалов.

СОДЕРЖАНИЕ

БЕКЛЕМИШЕВА МАРИЯ МИХАЙЛОВНА, кандидат исторических наук, научный сотрудник, научный секретарь Центра по изучению истории Великой Отечественной войны Института российской истории РАН

ОБРАБОТКА И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРОФЕЙНЫХ ДОКУМЕНТОВ ГлавПУ РККА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945) 8

ГАНИН МАКСИМ АЛЕКСЕЕВИЧ, кандидат исторических наук, старший преподаватель Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого; научный сотрудник отдела «Институт истории обороны и блокады Ленинграда» Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ РАЗМЕРА УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО НАЦИСТАМИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ НАУКЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 12

ГЛЕЗЕРОВ СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела «Институт истории обороны и блокады Ленинграда» Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ПРОЦЕСС НАД НАЦИСТСКИМИ ПРЕСТУПНИКАМИ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ПРЕССЕ 16

ДЖУСЬ ДАРЬЯ ВАЛЕРЬЕВНА, студент Института промышленного менеджмента, экономики и торговли Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ИСТОРИИ МОЕЙ СЕМЬИ 20

ДОЛЖЕНКО ИВАН ДМИТРИЕВИЧ, курсант Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ: ОТ СОВНАРКОМА К СОВЕТУ МИНИСТРОВ 24

ЕЛЕНСКАЯ ИРИНА ЭДУАРДОВНА, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Полесского государственного университета Республика Беларусь

ПРОТИВОСТОЯНИЕ: ОПЫТ НЕМЕЦКО-БЕЛОРУССКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ИЗУЧЕНИИ ОБОРОНЫ БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ 29

КЛИМОВА ЛЮБОВЬ ВЛАДИМИРОВНА, заместитель начальника отдела изучения и подготовки к публикации архивных документов Российского государственного архива новейшей истории

ОТ ФЛЕНСБУРГА ДО НЮРНБЕРГА: ПОКАЗАНИЯ РЕЙХСМИНИСТРА А. ШПЕЕРА О ПОСЛЕДНИХ МЕСЯЦАХ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА..... 35

КОЛОТУШКИН ВАЛЕРИЙ ГЕННАДЬЕВИЧ, кандидат исторических наук, заведующий отделом Государственного архива новейшей истории Новгородской области, научный сотрудник отдела «Институт истории обороны и блокады Ленинграда» Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда

КАРАТЕЛЬНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ В ЮГО-ЗАПАДНЫХ РАЙОНАХ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ НОВГОРОДСКОГО СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА НАД НЕМЕЦКИМИ ВОЕННЫМИ ПРЕСТУПНИКАМИ 1947 ГОДА) 39

КРИНКО ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВИЧ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра Южного научного центра РАН; профессор кафедры Отечественной истории XX–XXI веков Южного федерального университета

ПРИВЛЕЧЕНИЕ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ НАЦИСТСКИХ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ И ИХ ПОСОБНИКОВ НА ЮГЕ РОССИИ: ЭТАПЫ, ТЕНДЕНЦИИ, РЕПРЕЗЕНТАЦИИ 44

ЛАВРЕНЧУК СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА, кандидат психологических наук

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ «ТРУДОВОГО» ЛАГЕРЯ НОЙЕНГАММЕ) 48

ЛАНКА АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ, творческая студия ИЛА

ЛАНКА ИЛОНА ЛАЙМОНОВНА, творческая студия ИЛА

КАМЕРА-ОБВИНИТЕЛЬ: ПОДВИГ ОПЕРАТОРА ВЛАДИМИРА СТРАДИНА 57

ЛАНШАКОВА СОФЬЯ ДМИТРИЕВНА, студент Института промышленного менеджмента, экономики и торговли Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

ДЕЛО МАРТИНА БОРМАНА НА НЮРНБЕРГСКОМ ПРОЦЕССЕ: СУД В ОТСУТСТВИЕ ОБВИНЯЕМОГО 62

ЛЕОНТЬЕВА НАДЕЖДА ИЛЬИНИЧНА, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российский истории РАН

ДИСКУССИИ О СУЩНОСТИ СПЕЦЛАГЕРЕЙ НКВД/МВД СССР В ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 67

МАКСИМОВ АРТЁМ АЛЕКСАНДРОВИЧ, курсант Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва

РОЛЬ ФРОНТОВЫХ ПИСЕМ В ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ..... 71

МЕДВЕДЕВ МАКСИМ ВАЛЕРЬЕВИЧ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела научно-исследовательских работ и прикладных исследований Федерального исследовательского центра Южного научного центра РАН

ПРЕСТУПНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЛЮФТВАФФЕ НА ТЕРРИТОРИИ ДОНА И ДОНБАССА В 1941–1942 гг. 74

МЕТЛУШКО ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА, кандидат филологических наук, доцент, руководитель лаборатории по изучению дискурса памяти Белорусского государственного университета иностранных языков

СПОСОБЫ ОБРАЩЕНИЯ К ПРОШЛОМУ НА ВОЕННЫХ АГИТАЦИОННЫХ ПЛАКАТАХ 1941–1945 гг. 77

ПОПРАВКО ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва

ИСТОРИЧЕСКИЙ РЕВИЗИОНИЗМ КАК ЧАСТЬ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В БЫВШИХ СТРАНАХ СЭВ И ОВД: МЕТОДЫ, СОДЕРЖАНИЕ, РЕЗУЛЬТАТЫ 84

ПРИЩЕПА АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ, кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого; научный сотрудник отдела «Институт истории обороны и блокады Ленинграда» Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ И СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ КАК ОСНОВА ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ 93

РЯБКОВ АНДРЕЙ МАРКОВИЧ, научный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге; научный сотрудник Президентской академии РАНХиГС

ФАЛЬСИФИКАЦИИ В ХОДЕ ОЦЕНКИ УЩЕРБА, НАНЕСЕННОГО ЛЕНИНГРАДУ В 1941–1944 гг. 97

САВИН АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующий сектором истории общественно-политического развития Института истории Сибирского отделения РАН

ИНСТИТУТ УПОЛНОМОЧЕННЫХ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТОВ ПРИ СОВЕТЕ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ/СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР: МЕЖДУ ТРАДИЦИЕЙ И НОВАЦИЕЙ (1943–1948 гг.) 105

САК КСЕНИЯ ВАСИЛЬЕВНА, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела новой и новейшей истории Института всеобщей истории РАН

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА: ЖЕНСКАЯ МЕДИЦИНА НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ РСФСР 109

САЛИМУРЗАЕВ ТИМУР МУРАДОВИЧ, главный специалист аппарата муниципального совета депутатов МО Смольнинское

ОРГАНИЗАЦИЯ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРГАНАМИ ПОДДЕРЖКИ МУЗЕЕВ И МУЗЕЙНЫХ РАБОТНИКОВ В БЛОКАДНЫЙ ПЕРИОД 114

ФЕДОРЕНКО АНГЕЛИНА АНДРЕЕВНА, студент Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: ВЛИЯНИЕ НА МОЛОДЕЖЬ И ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ 120

ХЕЙЛИК ОКСАНА НИКОЛАЕВНА, заведующий музеем, преподаватель Санкт-Петербургского Лицея № 280 имени М.Ю. Лермонтова

КАРАУЛОВ МИХАИЛ ВИКТОРОВИЧ, сотрудник музея «Путь поколений» Санкт-Петербургского Лицея № 280 имени М.Ю. Лермонтова

УРОКИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПОДВИГ ПЕДАГОГОВ И УЧАЩИХСЯ ШКОЛЫ № 280 В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ. К 80-ЛЕТИЮ НЮРНБЕРГСКОГО ТРИБУНАЛА 124

БЕКЛЕМИШЕВА МАРИЯ МИХАЙЛОВНА,
кандидат исторических наук, научный сотрудник, научный секретарь
Центра по изучению истории Великой Отечественной войны
Института российской истории РАН

ОБРАБОТКА И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРОФЕЙНЫХ ДОКУМЕНТОВ ГлавПУ РККА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945)

В годы Великой Отечественной войны захваченные на фронте документы противника представляли большую ценность для политорганов РККА. В первую очередь они были важнейшим источником, характеризующим морально-психологическое состояние врага, динамику его настроений, положение в Германии. Кроме того, сведения из трофейных документов можно было использовать для пропаганды как на фронте, так и среди военнопленных солдат и офицеров вермахта и личного состава советских войск. Еще в 1940 г. предусматривалось, что письма, документы и печатный материал, подобранный на поле боя, должны служить источником информации о противнике. Но какой-либо инструкции о порядке добывания и использования этих материалов вплоть до начала войны не существовало[1]. Как отмечается в историографии, в начале войны отсутствовал и обширный контрпропагандистский материал: часть ранее накопленных сведений утратила актуальность, прекратилось поступление прежних источников. Однако война предоставила широкие дополнительные возможности для изучения войск и населения противника, прежде всего благодаря проведению политических опросов военнопленных и использованию разнообразных трофейных документов [1, с. 39].

Согласно договоренности с Генштабом, документы, представлявшие интерес для политорганов, стали поступать в них из разведывательных отделов

[1] Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Ф. 32. Оп. 11306. Д. 88. Л. 64.

штабов. Впоследствии они отправлялись в ГлавПУ РККА для обработки и использования. В июле 1941 г. в управление поступили первые письма эсэсовцев на родину, попавшие в руки советских войск на Северо-Западном фронте; пачка писем, адресованных немецким солдатам и офицерам от их родных и знакомых и найденных на поле боя; немецкие газеты, брошюры, книги, портреты, «памятки» для солдат и т. д.[2] В августе 1941 г. по немецким газетам был составлен обзор германской прессы, тогда же вышел первый обзор трофейных писем немецким солдатам с родины.

Вскоре после начала контрнаступления под Москвой мешки с документами, заполненные немецкими газетами и журналами, приказами и распоряжениями командования, обращениями и воззваниями, дневниками и письмами солдат, стали поступать в ГлавПУ РККА. Немецкие солдатские письма исчислялись тысячами[3]. Для быстрого перевода их на русский язык в Москве были созданы специальные переводческие бригады. На основе писем и дневников был составлен обзор «Разгром немцев под Москвой (Признания врага)», изданный отдельной книжечкой[4]. Опубликованные в книге документы позволяют проследить эволюцию настроений солдат вермахта: от предвкушения парада в Москве до фактического признания разгрома под Москвой.

Большое значение ГлавПУ РККА придавало розыску тех трофеев, которые документально подтверждали факты зверств немецко-фашистских войск на захваченной ими советской территории[5]. Наряду с документами, характеризующими немецкий оккупационный режим, они направлялись в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Фотографии с изображением преступлений с лета 1941 г. передавались «Союзфотохронике» ТАСС и публиковались в советской и иностранной печати. Кроме того, фотоматериал использовался в листовках для войск противника, а также в иллюстрированном журнале «Фронт Иллюстрирте», издававшемся 7-м отделом.

Пока поток трофейных документов был сравнительно невелик, их обработка проводилась в 7-м отделе собственными силами. Однако по мере увеличения массы документов и недостатка сил для выявления и перевода материалов, заслуживающих внимания, пришлось привлечь работников целого ряда заинтересованных организаций. С этой целью были созданы 4 «группы по обработке трофейных документов» под руководством 7-го отдела: группа при Институте Маркса-Энгельса-Ленина (с июля 1941 г.), при Отделе печати ИККИ (с августа 1941 г.), при Издательстве литературы на иностранных языках

---

2 Там же. Л. 66.

3 Бурцев М.И. Прозрение. М.: Воениздат, 1981. С. 84.

4 Разгром немцев под Москвой: Признания врага. М.: Воен. изд-во Нар. комиссариата обороны, 1943. 96 с.

5 ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 88. Л. 65.

(с января 1942 г.), а также при Институте № 99 и Совинформбюро (с сентября 1944 г.)[6]. Они сортировали материал, вычитывали его, переводили на русский язык, составляли информационные сводки.

Трофейные газеты и журналы с 1942 г. направлялись для обработки в Отдел печати ИККИ (после его ликвидации — в Институт № 205). Они исчислялись десятками тысяч. Книги для солдатского чтения и пособия по фашистскому воспитанию армии сохранялись в библиотеке Отдела, использовались в тематических обзорах; вся остальная литература передавалась в спецфонд Государственной публичной библиотеки им. Ленина и Центральной библиотеки иностранной литературы.

Главным политическим управлением РККА был организован обмен документами с другими органами управления. Документы оперативного или технического характера, в том числе трофейные карты, приказы и распоряжения, передавались в Разведывательное управление Генштаба Красной Армии. В Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) передавались «инструкции для офицеров по национал-социалистическому руководству в войсках», о поведении на захваченных территориях и экономической эксплуатации этих территорий, иные знаковые документы — например, указания о запрете критики итальянской фашистской партии и т. д. 19 октября 1942 г. редакция «Правды» переслала на имя начальника ГлавПУ РККА А.С. Щербакова статью своего военного корреспондента из Черноморской группы войск старшего батальонного комиссара В. Верховского «О планах гитлеровцев по колонизации нашей страны», основанную на захваченном секретном документе германского правительства под названием «Папка окружного сельскохозяйственного фюрера»[7]. Оригинал документа был затребован Главным политуправлением через разведуправление Главморштаба ВМФ и получен 13 января 1943 г. Было запрошено мнение А.С. Щербакова и Г.Ф. Александрова о его использовании в целях пропаганды. Начальник 7 отдела М.И. Бурцев подчеркивал, что документ имел государственный характер и, несомненно, был утвержден Гитлером. В Управлении пропаганды и агитации было решено поместить в печати специальное сообщение Совинформбюро, в котором разоблачались бы планы гитлеровцев по завладению советским продовольствием[8]. В адрес Г.Ф. Александрова из ГлавПУ РККА направлялись и многие другие трофейные документы.

Благодаря своевременной обработке самых разных видов документов было организовано их широкое использование в интересах советского государства.

---

6 ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 88. Л. 71.

7 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 175. Л. 2.

8 Там же. Л. 3.

Документы огромного государственного, исторического и политического значения («Зеленая папка» Геринга, План «Z», архив концлагеря в Майданеке, Архив ЦК Коммунистической партии Франции и многие другие) после соответствующей обработки представлялись государственным органам и использовались в правительственных выступлениях: нотах В.М. Молотова, материалах советского обвинения на Международном военном трибунале в Нюрнберге над главными военными преступниками.

Список литературы

1. Степанова Е.Е. Деятельность 7-го отдела Главного политического управления РККА по совершенствованию специальной пропаганды в годы Великой Отечественной войны // Военный академический журнал. 2022. № 2 (34). С. 38–43.

2. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Ф. 32. Оп. 11306. Д. 88. Л. 64, Л. 66.

3. Бурцев М.И. Прозрение. М.: Воениздат, 1981. С. 84.

4. Разгром немцев под Москвой: Признания врага. М.: Воен. изд-во Нар. комиссариата обороны, 1943. 96 с.

5. ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 88. Л. 65, Л. 71.

6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 175. Л. 2, Л. 3.

ГАНИН МАКСИМ АЛЕКСЕЕВИЧ,
кандидат исторических наук, старший преподаватель Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого;
научный сотрудник отдела «Институт истории обороны и блокады Ленинграда» Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ РАЗМЕРА УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО НАЦИСТАМИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ НАУКЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

8 сентября 1941 г. началась блокада Ленинграда. На протяжении 872 дней героическим защитникам города приходилось сражаться и выживать в невыносимых условиях. 20 октября 2022 г. Санкт-Петербургский городской суд признал блокаду Ленинграда геноцидом. Было установлено, что число жертв среди населения города составило не менее 1,093 млн человек. Нанесенный материальный ущерб — более 35 млрд рублей по текущему курсу [6].

Невосполнимые утраты понесла наука города. В подготовленном в 1945 г. Ленинградской Городской Комиссией акте «о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими варварами в отношении жителей Ленинграда, и о разрушениях его хозяйства и культурно-исторических памятников за период войны и блокады» приводились сведения об ущербе, нанесенном обстрелами комплексу зданий Академии наук СССР, в которых были размещены Астрономический, Археологический институты, Институт языка и мышления, многочисленные лаборатории и специальные библиотеки. Повреждены были здания Зоологического института, Этнографии и антропологии, Литературы. Нацистами были разрушены оранжереи Ботанического института. В результате попадания фугасной бомбы погибли тысячелетние папоротники, пальмы и другие растения. Прямым попаданием авиабомбы было разгромлено правое крыло производственного корпуса типографии Академии наук, уникального учреждения, располагавшего шрифтами почти всех языков мира.

Бомбовыми ударами и артобстрелами были повреждены десятки других научных институтов и учреждений, в частности, Институт экспериментальной медицины, Естественно-научный институт им. Лесгафта, Всесоюзный институт растениеводства, Институт усовершенствования врачей им. С.М. Кирова, Научно-исследовательский дизельный институт.

Значительный ущерб был нанесен ленинградским высшим учебным заведениям. Пять институтских зданий было разрушено полностью, сто пятьдесят учебных корпусов получили повреждения. Всего было уничтожено до 41 тыс. куб. м, восстановления требовало около 1 млн куб. м. [1, л. 3–21 об.].

Отдельно стоит упомянуть, что в результате вражеских налетов и ударов артиллерии погибла Пулковская обсерватория [4, с. 52]. К счастью, часть оборудования удалось спасти благодаря предпринятым мерам в августе–сентябре 1941 г. [2, л. 18].

Жертвами нацистских злодеяний стали многие деятели ленинградской науки. К 1946 г. Ленинградской городской комиссией были собраны именные списки видных деятелей города, погибших за время войны и блокады, среди которых сотни фамилий выдающихся учёных. 31 августа 1942 г. от рака пищевода скончался выдающийся физиолог, академик А.А. Ухтомский [3, л. 27–44 об.], ранее отказавшийся эвакуироваться из города [7, с. 17]. 19 февраля при артиллерийском обстреле погиб профессор и заведующий кафедрой «Металлография» Ленинградского политехнического института им. М.И. Калинина М.Г. Окнов [3, л. 8]. 1 августа 1943 г. погиб выдающийся специалист по транспорту и строительному делу, доктор технических наук, профессор Л.П. Шишко. Артиллерийский зажигательный снаряд попал в комнату, в которой он работал. Ученый сгорел заживо [3, л. 56–58 об.].

Погибали при эвакуации. Знаменитый зоолог профессор Д.Н. Кашкаров должен был покинуть город на самолете, однако из-за пошатнувшегося здоровья он не выдержал перелета и 26 ноября 1941 г. скончался на станции Хвойная [3, л. 27–44 об.]. От дистрофии на ледовой дороге в 1942 г. погибли архитекторы А.Л. Лишневский и Б.В. Данчич (автор генерального плана города Комсомольска и города Магнитогорска) [3, л. 17–24 об.]. По пути в Елабугу скончался профессор П.П. Иванов (один из крупнейших эмбриологов мирового уровня) [3, л. 27–44 об.].

Многие учёные, которым, казалось бы, уже удалось вырваться из блокадного кольца, все равно находили свою смерть от рук нацистов. 9 августа 1942 г. немецкие войска ворвались в Пятигорск, где к тому моменту находились коллективы ряда ленинградских вузов. 5 сентября были произведены

массовые расстрелы евреев, в результате чего погибли тысячи людей. Среди погибших были и представители ленинградской науки: профессор политехнического института А.А. Добрускин, доценты кафедры математики Н.А. Розенсон, Т.Н. Блинчиков и другие учёные [8]. Все это лишь единичные примеры, которые, тем не менее, наглядно демонстрируют те кадровые потери, которые понесла наука Ленинграда.

В 1944 г. Ленинградской Городской Комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников были подготовлены обобщенные сведения об ущербе, причиненном государственным, кооперативным и общественным предприятиям, учреждениям и организациям за время войны и блокады Ленинграда и временной оккупации его пригородов. В пояснительной записке была подробно охарактеризована нормативно-правовая база, на основе которой составлялись и оформлялись первичные акты учета; кроме того, в ней давалось описание методики подсчета ущерба. Обращает на себя внимание, что в материалах также нашли свое отражение понесенные косвенные расходы и потери, вызванные условиями войны и блокады города (сооружение убежищ и укреплений, светомаскировка, пожары, порча оборудования и т. д.). Помимо прочего, сведения содержали информацию об ущербе, который был нанесен научным учреждениям города и вузам [5].

В то же время остается открытым вопрос о том, как производить оценку ущерба, понесенного СССР в результате гибели целого ряда видных деятелей советской науки, не успевших довести до конца свои изыскания, распада научных коллективов в связи с эвакуацией, утраты научно-технической базы для проведения исследований в ходе обстрелов и бомбардировок. Все это на текущий момент остается за рамками математических подсчетов, хотя ни для кого не секрет, что отдельные научные открытия и разработки способны выступить в качестве ключевых драйверов развития технологий, экономики и общества в целом, а от уровня подготовки кадров (вспомним, что именно наука и высшее образование обеспечивают подготовку кадров высшей квалификации) напрямую зависит успешность реализации крупных проектов.

Следует констатировать, что науке и системе высшего образования Ленинграда нацистами был нанесен страшный удар. Понесенные материальные и кадровые потери зачастую представляли собой невосполнимую утрату. И все же, вопреки всему, научное сообщество города в послевоенный период смогло оправиться от потерь, и в последующие годы Ленинград сохранил за собой статус ключевого образовательного и научно-технического центра СССР. Сохраняя память о страшных страницах истории блокады, о том ущербе, который был нанесен нашей науке нацистами, мы отдаем дань уважения советским ученым, которые трудились на благо

Родины в экстремальных условиях. Нельзя забывать о преступлениях оккупантов и важно помнить о том, что реальный ущерб, нанесенный врагом, не всегда возможно переложить на язык сухих цифр.

Список литературы

1. Акт, доклад, протоколы Ленгоркомиссии. 1945 г. // ЦГА СПб. Ф. 8557. Оп. 1. Д. 19.

2. Докладные записки, справки и письма Научно-исследовательских институтов по вопросу организации восстановительных работ в разрушениях немецко-фашистскими оккупантами городах и населенных местах Ленинградской области, о восстановлении Пулковской обсерватории, о представлении к правительственной награде работников Ботанического института Курнакова Н.И. и другим вопросам. (Индекс № 206) // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2В-6. Д. 6403.

3. Именные списки видных деятелей гор. Ленинграда, погибших за время войны и блокады. 1946 г. // ЦГА.Ф. 8557. Оп. 6. Д. 1066.

4. Люди русской науки: Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники / С предисл. и вступ. статьей [«Советская наука на службе Родине», с. 21–58] акад. С.И. Вавилова в 2 т. Т. 1 Москва; Ленинград: Гостехиздат, 1948. 641 с.

5. Обобщенные сведения об ущербе, причиненном Ленинграду. 1944 г. // ЦГА.Ф. 8557. Оп. 1. Д. 40.

6. Суд Петербурга признал блокаду Ленинграда геноцидом // РБК [сайт]. 2022. 20 октября. URL: https://www.rbc.ru/society/20/10/2022/63512b0c9a794773dd5e20ad?ysclid=mq0mfl0v5r228648206 (дата обращения: 01.06.2026).

7. Ученые в блокаде. Т. 1: Ленинградские ученые в годы блокады. Факсимильное издание корректуры 1946 г. / отв. ред. И.В. Тункина; авторы глав вступительной части: И.В. Тункина, Е.Ю. Басаргина, Л.Д. Бондарь, Н.В. Крапошина; СПбФ АРАН. Санкт-Петербург: Реноме, 2025. 390 с.

8. Чепарухин В.В. Малоизвестные эпизоды истории института // Политехнический институт в годы блокады и эвакуации: сборник статей [Электронный ресурс]. СПб., 1997. URL: http://elib.spbstu.ru/dl/743.pdf (дата обращения: 01.06.2026).

ГЛЕЗЕРОВ СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ,
кандидат филологических наук,
научный сотрудник отдела «Институт истории обороны
и блокады Ленинграда» Государственного мемориального музея
обороны и блокады Ленинграда

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ПРОЦЕСС НАД НАЦИСТСКИМИ ПРЕСТУПНИКАМИ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ПРЕССЕ

После войны Военным трибуналом Ленинградского фронта в открытых процессах было рассмотрено три уголовных дела в отношении немецких военных преступников, обвиняемых в совершении насильственных действий против мирных советских граждан (в Ленинграде, Великих Луках и Новгороде).

Первый открытый Ленинградский уголовный процесс начался 28 декабря 1945 г. и закончился 4 января 1946 г. оглашением приговора Военного трибунала Ленинградского военного округа. В научной исторической литературе используется название «Ленинградский судебный процесс над немецкими военными преступниками».

Одновременно в Брянске проходил судебный процесс о зверствах фашистов в Орловской, Брянской и Бобруйской областях. И одновременно шёл главный мировой процесс над нацистами — Нюрнбергский, открывшийся 20 ноября 1945 г.

На Ленинградском процессе, проходившем в Выборгском Доме культуры, строго говоря, не шла речь непосредственно о виновниках блокады Ленинграда. Самым старшим среди подсудимых, как по возрасту, так и по званию и должности, был 63-летний генерал-майор Генрих Ремлингер, бывший комендант Пскова. Он был обвинён в организации массовых убийств, карательных экспедиций и жестоких истязаний мирного советского населения, а также в массовом уничтожении и разграблении городов и сёл.

Остальные десять человек обвинялись в том, что имели непосредственное отношение к карательным отрядам вермахта, действовавшим на территории Ленинградской области. Самым младшим из них был 24-летний Гергард Янике, солдат батальона «особого назначения».

28 декабря 1945 г. в «Ленинградской правде» было опубликовано «Обвинительное заключение по делу о злодеяниях бывших военнослужащих германской армии — Ремлингер Г., Штрюфинг К., Энгель, Янике и др. в Ленинградской области в период её оккупации немцами».[1]

Ход процесса подробно освещался в ленинградских газетах. «52 355 мирных жителей Ленинградской области расстреляли, повесили, сожгли в огне и замучили в тюрьмах немецкие оккупанты. Почти полмиллиона тружеников нашей области было угнано ими в немецкое рабство. И немалая толика этих злодейских дел лежит на совести Ремлингера и его банды. Сейчас гитлеровских палачей судят. <...> Пусть же будет уделом фашистских злодеев заслуженная ими кара. Таково требование всех трудящихся Ленинграда», — говорилось 29 декабря 1945 г. в «Ленинградской правде».[2]

Восемь осуждённых были приговорены к смертной казни, трое — к каторжным работам. Приговор был опубликован, в частности, в «Ленинградской правде» 5 января 1946 г. Указывалось: «Приговор окончательный и обжалованию не подлежит» [3].

Резонанс этого процесса был связан в первую очередь с его финалом — открытой публичной казнью через повешение, состоявшейся 5 января 1946 г. на том месте, где сейчас находится площадь Калинина, возле кинотеатра «Гигант». На площадь в тот день пришли тысячи ленинградцев.

О публичной казни газеты сообщали крайне лаконично. Вечером того же дня, 5 января 1946 г., информационное сообщение ЛенТАСС о казни фашистских карателей на площади у кинотеатра «Гигант» появилось на страницах газеты «Вечерний Ленинград». Приговор был приведён в исполнение в 11 часов утра. «Тысячи трудящихся, присутствовавших на площади, встретили приведение приговора в исполнение единодушным одобрением».[4]

«На крепкой перекладине повисли вчера в Ленинграде восемь военных преступников. В последние минуты они снова встретились с ненавидящими глазами народа. Они снова услышали свист и проклятия, провожавшие их на позорную смерть. Тронулись машины... Последняя точка опоры ушла из-под ног осуждённых. Приговор был приведён в исполнение», — сообщалось в «Ленинградской правде».[5]

В истории нашего города это была последняя публичная смертная казнь.[6]

Важно и то, что после завершения процесса в прессе к нему больше не возвращались. О процессе в последующие годы не вспоминали ни слова, и так продолжалось в целом до 1990-х годов.

Причина, возможно, крылась в том, что, несмотря на всю несомненную справедливость наказания, многие ленинградцы в действительности были шокированы публичной казнью. И хотя за годы войны и блокады им пришлось пережить немало жестоких и трагических событий, увиденное на площади у кинотеатра «Гигант» оставило психологическую травму. Это было событием, вспоминать которое не хотелось. После окончания войны люди действительно ждали «эру милосердия», искренне верили, что после выпавших на их долю испытаний наступит светлое время гуманизма, покоя и справедливости.

Кроме того, приведение в исполнение приговоров в 1930-х годах, даже несмотря на массовый характер репрессий, не носило публичного характера. Следует также отметить, что к 1946 году со времени последней публичной казни в нашем городе (3 апреля 1881 г. были казнены «народовольцы» на Семёновском плацу) прошло более 60 лет.

В газетных публикациях, освещавших Ленинградский судебный процесс над немецкими военными преступниками, разумеется, не сообщалось о тех, кто занимался его организацией. Одним из них был офицер госбезопасности Леонид Дединский, с которым автору этих строк довелось общаться в начале 2000-х годов.

Леониду Сергеевичу было уже за восемьдесят, но он обладал феноменальной памятью и был прекрасным рассказчиком. При этом всякий раз заверял, что в его рассказах нет ни грамма вымысла. «Это чистая правда», — сказал он, но тут же добавил: «Многого я и сегодня рассказать не могу».

В 1946 г. он был самым молодым оперативным работником среди сотрудников управления НКВД в Ленинграде — ему шёл 21-й год. Однако, несмотря на юный возраст, за плечами Дединского было уже немало — боевое крещение осенью 1941 г. на Невском пятачке, контузия, учёба в Высшей Всеукраинской школе НКВД СССР в Киеве, борьба с националистическим подпольем на Западной Украине, ранение в бою 23 августа 1945 г. Затем — работа в отделе «ББ» (борьбы с бандитизмом) Ленинградского управления МГБ.

«После трёх месяцев борьбы с преступным миром меня направили на должность оперуполномоченного во вновь организованное Управление по делам военнопленных и интернированных (УПВИ) в Ленинграде, — рассказывал Леонид Дединский. — Требовалось выявить тех, кто был причастен к зверствам над советскими людьми, а также агентов немецкой

разведки. Я был заместителем начальника лагеря по оперативной работе, который находился в самом центре Ленинграда — в помещениях бывшего Конюшенного двора на Конюшенной площади. Каждое утро пленных возили работать на ленинградские предприятия».[7]

Именно тогда Леонид Дединский и получил задание участвовать в подготовке Ленинградского уголовного процесса.

«Требовалось продемонстрировать, что все преступления должны быть наказуемы, — отмечал Леонид Дединский. — Мне пришлось непосредственно допрашивать Ремлингера, Янике и обер-лейтенанта Визе. Все показания пленных мы должны были подтвердить документами. Я лично работал с документами Ленинградского штаба партизанского движения и нашёл данные, подтверждавшие факты злодеяний обвиняемых.

Визе и Янике были мне антипатичны, а к Ремлингеру я испытывал даже уважение — за честность. Он честно во всём признался, но говорил, что выполнял приказы. Однако отвечать ему пришлось за всё, что он совершил. На казни он держался очень достойно: ни один мускул на его лице не дрогнул. Янике тоже уверял, что лишь выполнял приказы. Хотя потом мы доказали, что он проявлял инициативу ещё больше, чем Ремлингер. Он был маленький, щуплый, ему доставляло удовольствие уничтожать здоровых людей».[8]

Список литературы

1. Ленинградская правда. 1945. 28 дек. С. 3–4.
2. Карп В., Рискин А. Идет возмездие // Ленинградская правда. 1945. 29 дек. С. 3.
3. Судебный процесс по делу о немецко-фашистских зверствах в Ленинградской области. Вечернее заседание 4 января // Ленинградская правда. 1946. 5 янв. С. 4.
4. Приговор приведён в исполнение // Вечерний Ленинград. 1946. 5 янв. С. 4.
5. Ланской М. Приговор народа // Ленинградская правда. 1946. 6 янв. С. 4.
6. Шерих Д.Ю. Город у эшафота. За что и как казнили в Петербурге. — М.: Центрполиграф, 2014. — С. 252.
7. Глезеров С.Е. От ненависти к примирению (Неизвестная война под Ленинградом). — СПб.: Остров, 2006. — С. 86.
8. Там же. — С. 86.

ДЖУСЬ ДАРЬЯ ВАЛЕРЬЕВНА,
студент
Института промышленного менеджмента, экономики и торговли
Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ИСТОРИИ МОЕЙ СЕМЬИ

Помнить родных всегда, вне зависимости от даты — самая важная и ценная задача, которой должны следовать представители новых поколений в любом возрасте. Каждая незаписанная дата, каждый отложенный звонок или прерванный разговор, каждая забытая история, каждый утерянный документ — все это маленькими шагами стирает не абстрактные факты или сухие даты, но настоящих, ещё совсем недавно живших людей. Стирает их переживания и стремления; смех от шутки, рассказанной в компании друзей, и слезы от первой двойки; восторг от первой прочитанной книги и бессонные ночи выхаживания заболевшего ребенка; стирает все то, из чего состоит сама жизнь. А народы и страны, забывающие или даже намеренно вымарывающие свое прошлое, обречены на повторение самых жестоких уроков истории, сводя к нулю все те неоценимые, неоплатные усилия, положенные предками на алтарь безопасного и мирного будущего, лишенного ужасов, с которыми им пришлось столкнуться лицом к лицу.

Но иногда даже памяти одного человека бывает недостаточно для того, чтобы в полной мере высказать благодарность и уважение. Тогда приходит время делиться историями своей семьи и слушать о других.

Большинство данных, использованных в этой статье, были получены из семейных архивов, историй и рассказов родственников.

Я бы хотела рассказать о своем прадедушке, которого звали Лука Ильич Зима. Он родился 15 октября 1919 года в Украинской Советской Социалистической Республике, Запорожской области, Гуляй-Польского района, в селе Успеновка. Его боевой путь начался в двадцать лет, когда 3 ноября 1939 года он был

призван на военную службу и начал служить матросом на тральщике во второй бригаде речных кораблей на Краснознаменном Балтийском флоте. В те времена тральщики занимались уничтожением некоторых видов мин, сопровождением боевых судов и поиском для них безопасных путей через минные заграждения. Эти задачи были столь же критически важными для флота, сколь и невероятно опасными и требующими от экипажей героизма, самоотверженности и профессионализма.

Незадолго до начала блокады Ленинграда весь состав судна был снят с тральщика и направлен для защиты города в форт «Серая лошадь». За все время войны прадедушка был дважды ранен. Во время одного из ранений был направлен в ленинградский госпиталь, где его и застала блокада. Его экипаж был переброшен на другие участки фронта, а Лука Ильич оказался «запертым» в кольце блокады.

Время было невероятно тяжелое. Раненые в военном госпитале терпели такие же лишения, голод и холод, как и все ленинградцы. Одна из историй, рассказываемых в нашей семье, повествует о том, как в одну из ночей, пока прадедушка спал, товарищи по госпитальной палате сварили и буквально съели его флотские кожаные ботинки. Сейчас в это почти невозможно поверить, но эту историю прадедушка рассказывал сам.

Зима Лука Ильич

Лука Ильич смог пережить блокаду. И после её снятия, в составе Днепровской флотилии, будучи замполитом на катере, дошел до Берлина и участвовал в его взятии. Во время одного из сражений пулеметчик катера, на котором служил прадедушка, был убит, и тогда Лука Ильич отважно занял место убитого и довольно долго и успешно отстреливался из пулемета, отражая

атаки врага. Об этом даже появилась заметка во фронтовой газете, которая долго хранилась у его жены, моей прабабушки Марии Леонтьевны.

За весь период военной службы Луке Ильичу Зима довелось повоевать в разных местах, на разных фронтах, а окончание войны он встретил 9 мая в Берлине младшим лейтенантом. Он даже смог расписаться на развалинах Рейхстага, как делали многие солдаты и офицеры, бравшие город.

Впоследствии дослужил до звания капитана второго ранга. В послевоенное время прадедушка служил на Дальнем Востоке, в городе Советская Гавань, затем проходил учебу в академии в Ленинграде. А после с семьей был направлен в город Севастополь, где служил заместителем начальника Дома офицеров флота. В Севастополе мой прадедушка провел остаток жизни, а спустя годы там же родилась и я.

Зима Л.И. после войны

Он имел множество наград, до сих пор хранящихся в нашей семье, среди которых:

- Орден Отечественной войны II степени (31.08.1945).

К большому сожалению, большая часть документов, касающихся передвижений и награждений прадедушки, не была найдена, однако до нас дошел наградной лист с описанием подвига, послужившего причиной награды:

«... Парторг дивизиона младший лейтенант ЗИМА Лука Ильич во Время боевых операций на ближних подступах к Берлину всегда находился среди личного

состава, мобилизуя коммунистов и беспартийных на успешное выполнение боевых приказов командования. Тов. ЗИМА под воздействием авиации противника неоднократно участвовал в погрузке и подвозке боезапаса в р-н боевых действий на Кюстринском направлении для кораблей бригады. Во время подготовки прорыва вражеской обороны немцев на реке ОДЕР т. ЗИМА провел большую партийно-политическую работу среди личного состава, правильно разъяснял задачу, стоявшую перед дивизионом. После боя организовал отправку раненых в госпиталь. Благодаря правильной постановке партийной работы коммунисты дивизиона во всех операциях занимали авангардную роль. После окончания войны тов. ЗИМА первый шел в разведку по обнаружению мин в районе Штеттинской бухты. Во время боевого контрольного траления на реке ОДЕР от Гросс-Легенорда до Форстенберга тов. ЗИМА правильно нацелил работу парторганизаций на выполнение этого задания и сам непосредственно участвовал на тралении до последнего дня...».

- Орден Красной Звезды (03.11.1953).
- Медаль «За боевые заслуги» (15.11.1950).
- Медаль «За оборону Ленинграда».
- Медаль «За взятие Берлина» (01.01.1946).
- Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Я считаю, что в каждой семье есть свой герой, вне зависимости от количества подвигов или информации о нем. И наша, их потомков, задача теперь состоит в том, чтобы помнить, чтить и передавать сохранившиеся знания будущим поколениям, не допуская их «стирания» из памяти человечества и истории каждой семьи.

ДОЛЖЕНКО ИВАН ДМИТРИЕВИЧ,
курсант
Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета Российской Федерации

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ: ОТ СОВНАРКОМА К СОВЕТУ МИНИСТРОВ

После окончания Великой Отечественной войны перед советским государством встала задача не только восстановить разрушенное хозяйство, но и перестроить систему управления в новых мирных условиях. Именно в послевоенные годы особенно заметно проявились изменения в организации исполнительной власти, связанные с переходом от Совета Народных Комиссаров к Совету Министров СССР. Этот переход отражал не просто обновление названия высшего органа управления, а более глубокую трансформацию всей системы государственного аппарата, ориентированной теперь на решение задач восстановления, централизации и укрепления административного контроля.

К 1945 году на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 сентября 1945 года «Об упразднении Государственного Комитета Обороны» все дела ГКО передавались СНК СССР [4]. Так, Совет Народных Комиссаров СССР стал вновь центральным звеном исполнительной власти, через которое проходило основное управление страной. Совнарком не просто оформлял решения высшего руководства, а обеспечивал их практическое проведение, связывая политические установки с работой отраслевых наркоматов и местных органов. Так, согласно закону СССР от 23 июня 1945 года «О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии», Совет Народных Комиссаров (СНК) СССР был обязан выполнить ряд мероприятий, связанных с демобилизацией военнослужащих и их адаптацией к мирной жизни [1].

К середине 1940-х годов структура Совнаркома во многом сохраняла черты, сформировавшиеся в предвоенный и военный периоды: высокую централизацию управления, жёсткое подчинение отраслевых органов и ограниченную самостоятельность на местах. Такая система обеспечивала оперативность принятия решений и концентрацию ресурсов, однако в условиях мирного времени всё чаще демонстрировала свою громоздкость и недостаточную гибкость.

На этом фоне реорганизация Совнаркома в Совет Министров СССР выглядела закономерным шагом, но наравне с объективными причинами преобразования есть ряд противоречивых моментов, связанных с данной реформой:

Во-первых, существует мнение, что данная реформа является инструментом передела власти между членами Политбюро.

В дневниковых записях Л.П. Берии «С атомной бомбой мы живем!» содержится фраза Сталина о «подарке ко дню рождения» после назначения Берии председателем Бюро Совета Министров СССР [7].

Данная фраза имеет место в историческом контексте: при создании Совета Министров произошло формирование единого Бюро Совмина вместо двух оперативных бюро, существовавших при Совнаркоме. Изначально одно из них курировали Вячеслав Молотов и Николай Вознесенский, а другое — Лаврентий Берия и Георгий Маленков. По выражению Берии, целью реформы было заменить эту систему «одним большим Бюро». 25 марта 1946 года Сталин лично сообщил Берии, что тот назначен председателем Бюро и руководителем двенадцати министерств: «*Коба наваливает на меня двенадцать Министерств, это не считая Спецкомитета. Только сейчас обрадовал. Сказал, это тебе к дню рождения подарок*»[9]. Это показывает, что реорганизация была не просто бюрократической процедурой, а инструментом передела власти между членами Политбюро.

Вторым не менее важным противоречивым обстоятельством стал факт того, что Совмин СССР почти год работал без формальной конституционной «прописки» и четкой правовой регламентации функций.

Несмотря на то что переход от СНК к Совету Министров произошел **15 марта 1946 года** на основании закона СССР «О преобразовании Совета Народных Комиссаров СССР в Совет Министров СССР и Советов Народных Комиссаров союзных и автономных республик — в Советы Министров союзных

[9] Берия Л.П. «С Атомной бомбой мы живем!» Секретный дневник 1945–1953 / Л.П. Берия; сост. и коммент. С. Кремлёв. М.: Яуза-пресс: Эксмо, 2011. 448 с.

и автономных республик», а поправки в Конституцию СССР в связи с этим были внесены только год спустя, закон от 25 февраля 1947 года «Об изменении и дополнении текста Конституции СССР» [5], [2]. Более того, регламентирующее документооборот совместное постановление ЦК и Совмина «Об организации работы Совета Министров СССР» было издано лишь 8 февраля 1947 года [3]. Этот документ был уникален тем, что впервые прописал раздел полномочий: все вопросы обороны, госбезопасности, внешней политики и валютного обращения официально отходили Политбюро, а не правительству. Это означает, что почти год высший орган исполнительной власти работал без формальной конституционной регламентации и четких разграничений функций и полномочий, что говорит о вторичности юридических формальностей по сравнению с политической волей.

Важную роль сыграли и политические причины. Советское руководство стремилось подчеркнуть укрепление международного статуса СССР после Победы во Второй мировой войне. Название «Совет Министров» воспринималось более привычным и понятным для зарубежных государств, чем революционный термин «Совет Народных Комиссаров». Так, Иосиф Виссарионович Сталин в 1946 году на Пленуме ЦК ВКП(б) предложил: «*Народный комиссар или вообще комиссар отражает период неустоявшегося строя, период гражданской войны, период революционной ломки… Этот период прошел… Уместно перейти от названия «народный комиссар» к названию «министр». Это народ поймет хорошо, потому что* ***комиссаров чертова гибель. Путается народ. Бог знает, кто выше. Кругом комиссары, а тут — министр, народ поймет»*** [8].

Кроме того, к этому моменту усиливалась тенденция к дальнейшей централизации власти. Государственный аппарат становился всё более масштабным, а количество наркоматов и ведомств постоянно росло. В таких условиях требовалось упорядочить систему подчинения и повысить эффективность координации между различными органами.

Усилилась вертикаль подчинения, а контроль над деятельностью ведомств стал ещё более жёстким. Так, 28 марта 1946 года Совет Министров СССР принял постановление № 674 «О распределении обязанностей в Совете Министров СССР между Председателем и заместителями Председателя Совета Министров по наблюдению за работой министерств, комитетов и главных управлений» [6]. Согласно этому документу, обязанности по контролю за деятельностью различных ведомств были распределены между заместителями председателя Совета Министров. Совет Министров получил широкие координационные функции, позволяющие направлять работу различных отраслей экономики и административного аппарата. В марте 1946 года на базе военных наркоматов создавались новые отраслевые органы. Например, наркомат

боеприпасов был преобразован в министерство сельскохозяйственного машиностроения, а наркомат танковой промышленности — в министерство транспортного машиностроения.

Это было особенно важно в условиях послевоенного восстановления, когда государству требовалось одновременно решать большое количество хозяйственных задач.

Послевоенный период стал одним из ключевых этапов в развитии советской государственности. В это время были заложены основы той модели исполнительной власти, которая определяла управление страной в последующие десятилетия. Рассмотрение этих процессов позволяет лучше понять, как менялись принципы работы высших органов власти, какие политические и организационные причины стояли за реформой 1946 года и как она повлияла на дальнейшее развитие советской системы управления.

Список литературы

1. О демобилизации старших возрастов личного состава Действующей Армии. Закон СССР от 23 июня 1945 г. (с изм. от 6 сент. 1945 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1945. № 36.

2. Об изменении и дополнении текста Конституции (Основного Закона) СССР. Закон СССР от 25 февр. 1947 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. № 9.

3. Об организации работы Совета Министров СССР. Постановление ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР от 8 февр. 1947 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. документов: в 5 т. Т. 3. М.: Политиздат, 1968. С. 184–190.

4. Об упразднении Государственного Комитета Обороны. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 сент. 1945 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1945. № 61 (388).

5. О преобразовании Совета Народных Комиссаров СССР в Совет Министров СССР и Советов Народных Комиссаров союзных и автономных республик — в Советы Министров союзных и автономных республик. Закон СССР от 15 марта 1946 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1946. № 10.

6. О распределении обязанностей в Совете Министров СССР между Председателем и заместителями Председателя Совета Министров по наблюдению за работой министерств, комитетов и главных управлений. Постановление Совета Министров СССР № 674 от 28 марта

1946 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 275. Л. 121–124.

7. Берия Л.П. «С Атомной бомбой мы живем!»: секретный дневник 1945–1953 / Л.П. Берия; сост. и коммент. С. Кремлёв. М.: Яуза-пресс: Эксмо, 2011. 448 с.

8. Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя [Сведения о переименовании СНК в Совет Министров и цитата из выступления Сталина на Пленуме ЦК ВКП(б) 14 марта 1946 г.]. М.: АСТ: Corpus, 2015. — Сведения о переименовании СНК в Совет Министров и цитата из выступления Сталина на Пленуме ЦК ВКП(б) 14 марта 1946 г

ЕЛЕНСКАЯ ИРИНА ЭДУАРДОВНА,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Полесского государственного университета Республика Беларусь

ПРОТИВОСТОЯНИЕ: ОПЫТ НЕМЕЦКО-БЕЛОРУССКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ИЗУЧЕНИИ ОБОРОНЫ БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ

В 2016 г. был издан сборник документов и материалов о начале Великой Отечественной войны «Брест. Лето 1941 г. Документы. Материалы. Фотографии», что стало результатом совместной работы немецких и белорусских исследователей. Руководителем коллектива составителей являлся представитель ФРГ Кристиан Ганцер, привлекший к проекту группу брестских историков [1]. Цель проекта состояла в подготовке научного издания, в котором будут представлены разнообразные документы, нарративные и иллюстративные источники о первых неделях Великой Отечественной войны в г. Бресте. Значительная часть сборника посвящалась освещению событий, связанных со штурмом и обороной Брестской крепости. Изначально ставилась задача представить в сборнике комплекс наиболее важных, исторически значимых материалов, ввести в научный оборот новые, ранее не публиковавшиеся источники, провести сложную, трудоемкую работу по их научному комментированию. В сборник включены материалы немецкого, советского и польского происхождения; тексты немецких и польских источников приведены на языке оригинала и в переводе на русский язык. Материалы для сборника были выявлены в архивах и музеях Австрии, Беларуси, Германии, Израиля, Польши и России, а также взяты из личных архивов и коллекций. Часть материалов, включенных в сборник, были опубликованы ранее, в том числе ряд документов вермахта [2].

Оговаривая принципы составления сборника, немецкая и белорусская сторона пришли к определенным договоренностям: объективно проводить подборку материалов, придерживаться высоких стандартов в археографической

подготовке их к публикации, совместно обсуждать спорные моменты и согласовывать комментарии. Кроме того, изначально планировалось, помимо предисловия, подготовить две вступительные статьи к сборнику, отражающие видение событий лета 1941 года: одна статья представлялась немецкой стороной, вторая — белорусскими исследователями.

На начальном этапе работы над сборником в немецко-белорусском коллективе установилось взаимопонимание. Проект был интересным, открывающим новые возможности реконструкции и оценки исторических событий как для профессионалов, так и для любителей истории. Белорусские исследователи согласились с предложением К. Ганцера не включать в сборник те воспоминания и свидетельства защитников Брестской крепости, которые были записаны в 1950–1960-е годы [3]. Ставка была сделана на исторические источники максимально близкие по времени создания к событиям трагического лета 1941 г. Такой подход значительно усложнял задачу, стоявшую перед белорусской частью коллектива составителей сборника. По понятным причинам комплексы документов немецкого и советского происхождения, связанные с темой штурма и обороны Брестской крепости, несопоставимы по количеству и объему. В разделе сборника, посвященном этой теме, опубликовано 125 документов, к которым составлено 592 комментария. По происхождению 106 документов — это тексты, представляющие документооборот военного аппарата вермахта, а также дневники и письма немецких солдат и офицеров, 17 — источники советского происхождения, 2 — польского. Ситуация диспропорции еще более очевидная на примере фотоматериалов. Все фотографии, иллюстрирующие события в Брестской крепости в изучаемый период, сделаны военнослужащими вермахта. В связи с этими обстоятельствами возникала опасность перекоса в восприятии темы. Немецкий взгляд на события, безусловно, претендует на доминирование. Однако ассортимент и, главное, содержание немецких и советских источников позволяют провести верификацию информации, дополнить и уточнить панораму событий.

Пока работа велась на уровне подготовки к публикации отдельных документов и их научного комментирования, разногласий в коллективе составителей сборника практически не было. Но на определенном этапе работы над проектом появились первые тревожные признаки конфронтации, связанные с пониманием миссии издания и сути событий лета 1941 года. Ряд противоречий удавалось снять путем длительных дискуссий. Однако ближе к финалу работы над проектом явная идеологическая несовместимость в коренных представлениях о событиях в Брестской крепости разделила коллектив на две противоборствующие стороны: с одной стороны был Кристиан Ганцер и другие немецкие участники проекта, с другой — брестские историки.

На этапе верстки сборника белорусскую часть коллектива составителей уведомили, что из сборника будут исключены подготовленные к публикации надписи на стенах Брестской крепости, оставленные защитниками в ходе обороны. Это совершенно особая группа источников. После войны, в период с 1949 по 1958 гг., на стенах крепости было выявлено 12 текстов, из которых семь сохранились в виде оригиналов или снятых копий (в том числе фотокопии). Среди них знаменитые надписи «Умрем, но из крепости не уйдем» и «Я умираю, но не сдаюсь! Прощай, Родина. 20/VII-41». В сборнике документов все надписи шли под одним заголовком.

Аргументы, приведенные немецкой стороной для обоснования решения об исключении из сборника надписей, оставленных защитниками крепости, были следующие: во-первых, тексты надписей слишком краткие, что не позволяет их считать полноценными источниками; во-вторых, они малоинформативные; в-третьих, чрезмерно депрессивные; в-четвертых, сомнительны с точки зрения подлинности. По каждому пункту состоялся «консилиум». Белорусская сторона представила свое понимание особенностей и значения этой группы источников. Ценность надписей на стенах в том, что тексты создавались непосредственно в эпицентре событий, в них нет ретроспективности, т. е. временного разрыва между пережитым и изложением пережитого в письменной форме (временной разрыв в источниках личного происхождения может составлять десятилетия, если речь идет о мемуарах). Это уникальный источник высокой степени достоверности: каждая надпись — это словесный автопортрет того сознательного и бессознательного, логического и эмоционального концентрата мышления, идеологии и веры, который редко в столь неразбавленном виде встречается в других, более многословных источниках личного происхождения. Краткие надписи на стенах Брестской крепости заключают в себе многозначную информацию: о принятом решении сражаться до последнего, об отказе от сдачи в плен, о понимании неизбежности гибели. Надписи содержат эмоциональную составляющую: в них запечатлены патриотические чувства, преодоление страха, героический пафос, стремление с честью выполнить воинский долг. Эти послания отражают желание авторов не быть забытыми, оставить о себе память. И, наконец, это ярчайшее свидетельство беспрецедентного мужества защитников Брестской крепости [4].

В ситуации, когда численное превосходство немецких материалов в сборнике «заглушало» советские материалы, исключить столь феноменальный источник из сборника, не позволить читателям услышать последние слова погибающих защитников Брестской крепости означало еще раз обречь героев на гибель, предать память о них. Когда дискуссия о публикации надписей на стенах Брестской крепости зашла в тупик, белорусская сторона предъявила ультиматум и потребовала вместе с надписями убрать фамилии белорусских

исследователей из числа составителей сборника. Принципиальность брестских историков вернула на страницы сборника надписи, но взаимопонимание в коллективе было окончательно утрачено. В ходе обсуждения надписей обнаружились непримиримые противоречия в позициях немецкой и белорусской стороны.

Итогом идеологического противостояния стал отказ предоставить белорусской стороне возможность опубликовать вступительную статью к сборнику. Для внимательных читателей, безусловно, странной покажется ситуация наличия в сборнике двух вступительных статей, авторами которых являются представители немецкой стороны, при том, что в числе составителей значатся две группы исследователей — немецкая и белорусская.

Название вступительной статьи Кристиана Ганцера в сборнике концептуально представляет его понимание исторических событий в Брестской крепости: «Сталина длинная тень. Плен как ключевая проблема историографии обороны Брестской крепости». В статье и в публичных выступлениях после издания сборника документов руководитель проекта отказывается признавать факт героической обороны Брестской крепости, утверждая, что главным событием того периода стало массовое пленение гарнизона крепости. К. Ганцер выстраивает простую схему: большинство красноармейцев в Брестской крепости сдались в плен, задержка 45-й немецкой дивизии у стен Брестской крепости является незначительным эпизодом войны, после войны советская пропаганда создала миф о героической обороне крепости, в честь чего был создан мемориальный комплекс. Вывод немецкого исследователя: в современной Республике Беларусь продолжают поддерживать фальсификацию прежних времен.

Поразительно, что, обвиняя советских и современных историков, а также сотрудников музейного комплекса в приверженности фальсификации советского времени, К. Ганцер игнорирует многочисленные свидетельства о героизме и мужестве защитников Брестской крепости, которые содержатся в дневниках и письмах военнослужащих вермахта, участвовавших в штурме Брестской крепости, впервые опубликованных в том самом сборнике, на страницах которого он рассуждает о длинной тени Сталина. В общей сложности в сборнике опубликованы 14 текстов 9 авторов, запечатлевших практически в режиме онлайн исключительно важные личные наблюдения и оценочные суждения штурмующих крепость о действиях красноармейцев (наибольший интерес представляют фрагменты дневников солдат 2-й роты 135-го пехотного полка Хайнриха Эбенсэдера и Йосефа Арнрайтера, офицера штаба 130-го пехотного полка Людвига Хаусведелля, капитана Эрика Мареша, служившего в службе снабжения, а затем в штабе 45-й пехотной дивизии, фрагмент дневника и три письма командира 5-й, а позднее — 14-й роты 133-го пехотного полка Михаэля В.).

Описывая первый и последующие дни боев, солдаты и офицеры вермахта дружно отмечают отличную маскировку защитников крепости, прятавшихся на деревьях и в укрытиях, меткость стрельбы, разнообразие способов ведения боя, дерзость предпринимаемых попыток прорваться, изобретательность защитников крепости в организации ночных вылазок. Авторы эго-документов, имевшие опыт участия в военных действиях в Польше и Франции, единодушно высказывались, что ранее дивизии не приходилось нести столь тяжелые потери и встречать настолько серьезного противника: *«26 июня 1941 г. Русские оказывали отчаянное сопротивление»* (Йосеф Арнрайтер); *«27 июня 1941 г. Русский солдат чертовски стойкий»* (Хайнрих Эбенсэдер); *«Среди них железные ребята»* (Людвиг Хаусведелль); *«30 июня — 1 июля 1941 г. Теперь уже вся крепость, кроме одного бункера, где отчаянно обороняются офицеры и политкомиссары, в наших руках. За последние дни я несколько раз проезжал по полю нашего боя. Оно выглядит ужаснее самых худших мест сражения в Польше и Франции. Русский самоотверженно оборонялся. За каждый метр земли приходилось ожесточенно сражаться [...]»* (Михаэль В.) [5].

Опубликованные в сборнике «Брест. Лето 1941 г.» дневники и письма немецких солдат и офицеров полностью согласуются с историческими источниками советского происхождения в оценках храбрости, стойкости, воинской доблести и умения воевать защитников Брестской крепости. Солдат и офицеров вермахта, штурмовавших Брестскую крепость в 1941 году, невозможно обвинить в трансляции мифов «послевоенной советской пропаганды». На дневниках и письмах, написанных летом 1941 года на немецком языке непосредственными участниками событий, не лежит «длинная тень Сталина». И благодаря их свидетельствам спустя десятилетия мы получаем важнейшие подтверждения достоверности воспоминаний уцелевших защитников крепости о её героической обороне.

Опыт совместной работы с немецкими исследователями над проектом по изданию сборника документов, материалов и фотографий о событиях в Брестской крепости и г. Бресте в первые дни и недели Великой Отечественной войны показал, что подобное сотрудничество, безусловно, имеет огромное значение. В результате совместной работы был издан превосходный сборник исторических источников, относящийся к разряду научных изданий. Можно смело утверждать, что данный сборник является лучшим на сегодняшний день опубликованным комплексом материалов по теме и длительное время будет являться источниковедческим фундаментом для историков, занимающихся изучением событий начала Великой Отечественной войны. При этом работа над сборником выявила, что даже спустя многие десятилетия после завершения Великой Отечественной войны возможности сблизить позиции в понимании событий начала войны со стороны немецких и белорусских исследователей ограничены. Белорусские

историки придерживались и продолжают придерживаться объективно и научно обоснованного взгляда на события: значительная часть гарнизона Брестской крепости сдалась в плен в тяжелейших обстоятельствах ведения боев и безусловного военного преимущества вермахта, что не скрывалось, но и не выпячивалось советской историографией и отражено в экспозициях мемориального комплекса «Брестская крепость-герой». В критически сложной ситуации многие бойцы и командиры Красной армии сумели оказать достойное сопротивление врагу, вызвав уважение противника своей стойкостью и военной подготовкой. Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой» создан в честь мужества и героизма красноармейцев, ставших символом воинского долга, достойных памяти потомков. Изучение всех обстоятельств, включая гибель и сдачу в плен товарищей по оружию, на еще большую высоту поднимает подвиг защитников.

Список литературы

1. Брест. Лето 1941 г. Документы. Материалы. Фотографии / Авт.-сост. К. Ганцер (рук. группы), И.Э. Еленская, Е.И. Пашкович, Е.С. Розенблат, С.В. Струнец. Смоленск: Инбелкульт, 2016. 723 с.

2. Алиев Р.В. Брестская крепость. Воспоминания и документы. М.: Вече, 2010. 442 с.

3. Героическая оборона: сб. воспоминаний об обороне Брестской крепости в июне-июле 1941 г. / Ин-т истории Акад. наук БССР, Музей героической обороны Брестской крепости; сост. М.И. Глязер [и др.]; редкол. И.С. Кравченко [и др.]. Минск: Государственное издательство БССР, 1963. 598 с.

4. Еленская И.Э. Надписи на стенах Брестской крепости как источник личного происхождения // Личность в истории: героическое и трагическое: сб. материалов VII междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти В.И. Никитенкова, Брест, 7–8 декабря 2018 г. / Брест. гос. ун-т им. А.С. Пушкина; редкол.: Е.А. Бурик [и др.]. Брест: БрГУ им. А.С. Пушкина, 2019. С. 59–65.

5. Еленская И.Э. Среди них железные ребята: немецкие нарративные источники о героизме защитников Брестской крепости // Роль мемориалов, музеев, архивов в сохранении исторической памяти о Второй мировой и Великой Отечественной войне, современные подходы и музеефикация объектов к 75-летию Победы: сб. материалов международной научно-практической конференции, г. Брест, 25 сентября 2020 г. / Редкол. Г.Г. Бысюк [и др.]. Брест: Альтернатива, 2020. С. 46–61.

КЛИМОВА ЛЮБОВЬ ВЛАДИМИРОВНА,
заместитель начальника отдела изучения
и подготовки к публикации архивных документов
Российского государственного архива новейшей истории

ОТ ФЛЕНСБУРГА ДО НЮРНБЕРГА: ПОКАЗАНИЯ РЕЙХСМИНИСТРА А. ШПЕЕРА О ПОСЛЕДНИХ МЕСЯЦАХ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Альберт Шпеер был среди 24 главных нацистских преступников, представших перед Международным военным трибуналом в ноябре 1945 г., и одним из тех, кто сумел избежать смертной казни. Бывшего рейхсминистра вооружений и военного производства приговорили к 20 годам заключения, которые он провел в тюрьме Шпандау в Берлине. По мнению историков, относительно мягкий приговор был связан с тем, что Шпеер сумел произвести гораздо более приятное впечатление на судей, чем его соседи по скамье подсудимых, искусно вплетая самооправдания и раскаяние в создаваемый им самим миф о «хорошем нацисте» [1, 2, 3, 4]. Этот миф строился прежде всего на создании образа аполитичного технократа, выполняющего приказы и просто хорошо делающего свою работу. Шпеер отрицал, что был осведомлен о холокосте, и подчеркивал свою непричастность к нацистской идеологии и политике. Однако его биография говорит об обратном.

Шпеер вступил в НСДАП в 1931 г. и, сделав стремительную карьеру, после прихода Гитлера к власти принимал активное участие в создании яркого публичного образа нацистского режима. Архитектор руководил техническим и художественным оформлением демонстраций, митингов и съездов НСДАП, занимался проектами спортивных сооружений на летних Олимпийских играх 1936 г. и немецкого павильона на Всемирной выставке в Париже в 1937 г.; в 1938 г. он спроектировал новое здание рейхсканцелярии, величие которого должно было отражать господство нацистского режима.

После начала Второй мировой войны, развязанной Германией, Шпеер стал получать заказы на строительство и перестройку объектов военной промышленности и ПВО, а также восстановление фабрик и железнодорожных путей. В феврале 1942 г. он был назначен Гитлером на должность министра вооружений и боеприпасов (с сентября 1943 г. — министр вооружений и военного производства). Именно в этой должности Шпеер начал формировать не только внутри страны, но и за ее пределами представление о себе как о спасителе военной мощи Германии, что было отчасти правдой, но во многом базировалось на манипулировании общественным мнением.

В Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ) хранятся документы, проливающие свет на некоторые аспекты функционирования немецкой военной экономики последних военных месяцев и показывающие роль А. Шпеера в ее поддержании: доклад рейхсминистра от 27 января 1945 г. о состоянии военной промышленности и экономики Германии на конец 1944 г. и протоколы допросов Шпеера в мае 1945 г. американскими специалистами по стратегическим бомбардировкам.

В своем отчете по итогам 1944 г. Шпеер пытался выполнить сложную задачу: совместить анализ реальных показателей производства и необходимость поддержки морального духа немецкого народа наряду с собственным имиджем успешного функционера. Поэтому его текст наполнен различными оговорками и экивоками. «Этот год, несмотря на всё увеличивающиеся постоянные воздушные налеты противника, был годом больших успехов», — с такой оптимистичной ноты начинается доклад. Но дальше мы видим следующую картину, представленную в цифрах: к концу 1944 г. произошло снижение добычи бурого угля на 16 % и каменного угля — на 28 %; производство синтетических нефтепродуктов снизилось до 33 % от уровня, предшествующего налетам; производство взрывчатых веществ снизилось на 17 %; общая потеря производственной мощности электростанций — 32,8 %; снижение производства автомашин, танков, самолетов произошло в среднем на 30–40 %. Строительная промышленность переключилась со строительства новых предприятий на восстановление разрушенных, а его объемы сильно сократились с целью освобождения электроэнергии и транспортных средств для военного производства [5].

Шпеер предпринимает довольно неловкие попытки сгладить негативное впечатление от доклада, периодически обращаясь то к более благополучному прошлому, то к не случившемуся будущему: «Пока оккупированные области были в нашем распоряжении, наблюдался постоянный рост запасов почти всех редких металлов», «запасов металлов при нормальном развитии производства стали хватило бы на весь 1945 г.», «без воздушных налетов продукция синтетического горючего за декабрь 1944 г. достигла бы уровня, превышающего уровень январского производства 1944 г. на 22 %» и т. д.

О последствиях воздушных налетов на Германию говорится также в протоколах допросов Шпеера американцами, добытых советскими спецслужбами агентурным путем и представленных И.В. Сталину в марте 1946 г. [6].

В ноябре 1944 г. по приказу президента США Ф.Д. Рузвельта была создана Комиссия по изучению стратегических бомбардировок США. Ведущую роль в Комиссии играли гражданские специалисты — экономисты, статистики, социологи, чья задача заключалась в объективной оценке ущерба, нанесенного бомбардировками союзников экономике Германии. Основной целью исследования была оценка ущерба, нанесенного Германии, и выводы об эффективности стратегических бомбардировок, которые можно было бы использовать в дальнейших боевых действиях.

После самоубийства Гитлера 30 апреля 1945 г. в соответствии с его желанием Третий рейх возглавил гросс-адмирал Карл Дёниц, обосновавшийся вместе со своим правительством в портовом городе Фленсбург, расположенном на границе с Данией. Шпеер вошел в новое правительство в качестве министра экономики и вооружений. В середине мая американские специалисты нашли А. Шпеера во Фленсбурге. Они регулярно встречались с ним с 15 по 22 мая 1945 г., задавая вопросы преимущественно о последствиях бомбардировок союзников для военной экономики Германии.

Во время бесед с американцами Шпеер рассказал не только о том, как влияли бомбардировки на военную промышленность, но и о том, какими способами и средствами немцам удавалось поддерживать военное производство на необходимом уровне. В том числе он рассказал об использовании иностранной рабочей силы: «Наиболее благоприятное время было в начале оккупации русских территорий, когда количество рабочих почти удовлетворяло наши нужды. В то время мы вынуждены были распределять именно русских рабочих. После этого, я бы сказал, в середине 1943 г. количество рабочих, выделенных Заукелем[10] общей экономике, стало намного меньше, потому что из России поступало их значительно меньше, особенно из Украины, да и действия партизан в то время значительно активизировались. Тогда Заукель выдвинул программу получения большого количества рабочих для Германии из других оккупированных стран, главным образом из Франции, Голландии, Бельгии, а также из Италии. В России у меня нигде не было никаких особых интересов, кроме Донецкого бассейна, в значительной мере находящегося под контролем Заукеля. Однако здесь

[10] Заукель Эрнст Фридрих Кристоф «Фриц» (1894–1946) — генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы в Германии. Казнен по приговору Международного военного трибунала за организацию принудительного труда.

я был очень сильно заинтересован в рабочей силе, и мы непрерывно вступали в конфликты» [6, Л. 36].

Архивные документы иллюстрируют нацистские практики по эксплуатации и разорению захваченных территорий, а также показывают, что приписываемое организаторским талантам А. Шпеера «военно-экономическое чудо», позволявшее Германии длительное время вести разрушительную и истощающую войну, основывалось на грабеже и использовании рабского труда военнопленных и гражданского населения оккупированных территорий. Относительные успехи военного производства Германии в 1942–1943 гг. позволили ей оттянуть неизбежное поражение, но ненадолго.

Список литературы

1. Schmidt M. Albert Speer: The End of a Myth. London, 1984.
2. Sereny G. Albert Speer: His Battle with Truth. London, 1995.
3. Brechtken M. Albert Speer: Eine deutsche Karriere. München, 2017.
4. Туз А. Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019.
5. РГАНИ.Ф. 3. Оп. 58. Д. 460. Л. 96–124.
6. РГАНИ.Ф. 3. Оп. 58. Д. 523. Л. 1–211.

КОЛОТУШКИН ВАЛЕРИЙ ГЕННАДЬЕВИЧ,
кандидат исторических наук, заведующий отделом
Государственного архива новейшей истории Новгородской области,
научный сотрудник отдела «Институт истории обороны и блокады Ленинграда»
Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда

КАРАТЕЛЬНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ В ЮГО-ЗАПАДНЫХ РАЙОНАХ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ НОВГОРОДСКОГО СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА НАД НЕМЕЦКИМИ ВОЕННЫМИ ПРЕСТУПНИКАМИ 1947 ГОДА)

Одной из форм борьбы гитлеровских захватчиков с партизанским движением на временно оккупированной территории Ленинградской области в 1941–1944 гг. стали карательные экспедиции. Первые крупные операции против партизан были предприняты нацистами уже осенью 1941 г. Антипартизанские акции, сопровождавшиеся уничтожением населённых пунктов и гибелью мирных жителей, продолжались вплоть до последних дней оккупации в феврале 1944 г. Их жертвами стали тысячи советских граждан.

С 7 по 18 декабря 1947 г. в Новгороде проходил судебный процесс над немецкими военными преступниками. На нём перед открытым судебным заседанием Военного трибунала Ленинградского военного округа предстали 19 подсудимых, обвиняемых в злодеяниях, совершённых на территории Новгородской, Псковской, Великолукской областей, а также Белорусской и Латвийской ССР. Материалы к заседанию суда готовила специальная оперативно-следственная группа МВД СССР. Документы, отложившиеся в работе группы и в ходе судебного процесса, находятся на хранении в архивах Федеральной службы безопасности России, Государственном архиве Новгородской области (в составе фонда № Р-2025) и других учреждениях.

Документы по истории Новгородского процесса публиковались в книге «Тайная война на новгородской земле» [1], новгородском региональном томе серии сборников документов «Без срока давности» [2], издании «Нацистский режим на Северо-Западе России. Оккупация. Сопротивление. Возмездие» [3], были представлены в федеральном архивном проекте «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» в сети «Интернет».

В материалах Новгородского судебного процесса 1947 г. находятся свидетельства преступлений гитлеровцев, принимавших непосредственное участие в организации карательных экспедиций в юго-западных районах Ленинградской области (в границах до 1944 г.). 14 декабря 1941 г., как сообщал в своих показаниях от 13 ноября 1947 г. бывший оберфельдфебель 402-го жандармского взвода 2-го армейского корпуса вермахта Вилли Моль, взвод получил приказ, исходивший из штаба корпуса, — принять участие в карательной экспедиции против мирного населения. Поводом стало успешное нападение партизан на немецкую колонну на дороге Молвотицы — Бор: по разным данным, было уничтожено от 8 до 12 гитлеровцев. «Как нам было объяснено, мы должны были по приказу сжечь 14 населённых пунктов и расстрелять все без исключения мужское население в возрасте от 15 до 55 лет», — признавался Моль спустя шесть лет [1, с. 189]. Группа карателей, в которую вошло до 60 человек от разных подразделений корпуса, была вооружена ручными гранатами, карабинами и пистолетами; специальное сапёрное отделение имело бензин для поджога строений. Всеми карательными действиями руководили офицеры 402-го жандармского взвода Гофман и Цирong.

За четыре дня каратели полностью сожгли 12 населённых пунктов в южной части Залучского района Ленинградской области, в том числе Большой Остров, Лужки, Лебединец, Громково. Число жертв Моль оценивал в «примерно 150 человек» [3, с. 394]. Командир 3-й Залучской партизанской бригады И.И. Иванов докладывал, что карателями было расстреляно 72 человека, среди которых — 13-летний мальчик Васильев из деревни Лужки [2, с. 51]. Моль участвовал в отборе мужчин в двух деревнях и лично расстреливал людей, убив до 8 человек. В дальнейшем он был привлечён к оцеплению деревень, намеченных к сожжению.

Крупные карательные экспедиции с конца ноября 1941 г. предпринимались немцами против Ленинградского партизанского края, возникшего в юго-западной части области. В начале августа 1942 г., создав более чем пятикратное превосходство в живой силе, используя танки, артиллерию и авиацию, немцы начали наступление на северной и северо-восточной границах партизанского края [4, с. 247]. Активным участником карательной

экспедиции стал полковник Вернер Финдайзен, который командовал крупным карательным отрядом.

Будучи фигурантом Новгородского процесса, Финдайзен дал важные показания об участии в экспедиции. Бывший полковник немецкой армии сообщал, что карательные части, действовавшие южнее города Дно, подчинялись коменданту тыла 584-й тыловой области «Корюк» 16-й армии вермахта генерал-лейтенанту Земану. Штаб Земана находился в 20 км южнее Порхова, в одной из бывших усадеб. В августе 1942 г. Финдайзен по приказу командующего армией генерал-полковника Буша был назначен командиром карательного отряда по борьбе с партизанами в районе южнее Дно. Его отряд, или «боевая группа», включал более тысячи человек. Штаб отряда располагался в деревне Костры в 30 км восточнее посёлка Дедовичи. Финдайзен руководил отрядом до апреля 1943 г., когда в связи с переломом ноги уехал на родину.

В отряд Финдайзена входили: батальон пехоты, или «воздушно-боевой батальон» (до 800 человек), и батальон «Восток» (до 700 человек), а также разведывательная рота (до 300 человек), противотанковая егерская рота (до 70 человек), танковая рота (8–10 танков марки Т-26), которые в протоколе допроса объединены определением «остатки частей ранее разбитой 18-й мотопехотной дивизии»[11]. На вооружении карателей находились карабины, пулемёты, гранатомёты. На тех участках, где партизаны действовали особенно активно, отряду придавались дополнительные воинские части, состоявшие как из немцев, так и из «русских добровольцев».

Как командир-единоначальник группы, Финдайзен предоставил командирам подчинённых частей широкие права действий, которые ранее сам получил от генерала Земана. По данным Финдайзена, в августе–сентябре 1942 г. им было проведено четыре карательные операции против партизан: 1) в начале августа 1942 г. — операция против партизан небольшого масштаба; 2) в августе 1942 г. — около деревни Алексино проведена крупная карательная экспедиция, в которой участвовала вся подчинённая Финдайзену боевая группа; 3) в сентябре 1942 г. — вторая крупная карательная экспедиция против партизан, в которой, кроме боевой группы, принимали участие части 21-й воздушно-полевой дивизии и «дивизии, расположенной у гор. Холм» (после этой экспедиции партизаны вынуждены были отступить из этого района); 4) карательная экспедиция против партизан, которые сосредоточили свои силы в лесу у деревни Серболово (после непродолжительных боев партизаны вынуждены были отступить).

[11] Центральный архив Федеральной службы безопасности (ЦА ФСБ) России. Ф. К-72. Оп. 1. Пор. 4. Л. 117. URL: https://victims.rusarchives.ru/24-12-1945-protokol-doprosa-nemeckogo-voennoplennogo-findayzena-komandira-karatelnogo-otryada. (Дата обращения: 10.05.2026).

Говоря о тактике действий своего отряда в ходе этих экспедиций, Финдайзен констатировал, что «оцеплялись целые населённые пункты, в результате чего путём обстрелов уничтожению подвергались не только партизаны, но и местное мирное населения, в том числе беззащитные женщины, старики и дети» [1, с. 165]. Если кто-то ещё оставался в населённом пункте после обстрела, то эти люди уничтожались тогда, когда в деревню входил гарнизон из числа войск карательного отряда. Финдайзен практически не брал в плен партизан, руководствуясь, как он позднее подчёркивал, приказом верховного командования германских вооружённых сил. На допросе Финдайзен пытался оправдать себя тем, что подчинённые ему батальоны не всегда выполняли приказания командира: «Руководимые <...> части сжигали целые деревни. В одном районе около г. Дедовичи были полностью сожжены 4 или 5 деревень, названия которых не помню»[12]. При этом командиры подчинённых частей имели право расстреливать местных жителей по своему усмотрению и не отчитываться об этом перед Финдайзеном [1, с. 166].

Как установило следствие при подготовке Новгородского процесса, за период августа — сентября 1942 г. отряд Финдайзена сжёг на территории Дедовичского и Белебелковского районов 53 населённых пункта [2, с. 410]. Трудоспособное население общей численностью не менее 2 тысяч человек было согнано в деревню Костры, а затем направлено в западную часть территории «Корюк» для использования на физических работах.

Документы Новгородского процесса (показания обвиняемых и свидетелей, обвинительное заключение и другие) свидетельствуют, что карательные экспедиции, целью которых публично заявлялась борьба с партизанами, были направлены главным образом против мирного населения. В экспедициях участвовали различные подразделения гитлеровских войск, в том числе специальные (танковые, противотанковые, сапёрные). Общим местом была безнаказанность карателей, получавших от своих командиров право расстреливать людей и сжигать населённые пункты.

Список литературы

1. Петров М.Н. Тайная война на новгородской земле. Великий Новгород, 2005. 911 с.

2. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Новгородская область: сборник

[12] ЦА ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Пор. 4. Л. 118. URL: https://victims.rusarchives.ru/24-12-1945-protokol-doprosa-nemeckogo-voennoplennogo-findayzena-komandira-karatelnogo-otryada. (Дата обращения: 10.05.2026).

документов / отв. ред. серии Е.П. Малышева, Е.М. Цунаева. Москва: Фонд «Связь Эпох», Кучково поле Музеон, 2020. 496 с.

3. Асташкин Д.Ю., Ковалев Б.Н., Кулик С.В. Нацистский режим на Северо-Западе России. Оккупация. Сопротивление. Возмездие / под ред. Б.Н. Ковалева. Санкт-Петербург: Изд-во Политехн. ун-та, 2018. 420 с.

4. Петров Ю.П. Партизанское движение в Ленинградской области. 1941–1944. Ленинград: Лениздат, 1973. 454 с.

КРИНКО ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВИЧ,
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра
Южного научного центра РАН;
профессор кафедры Отечественной истории XX–XXI веков
Южного федерального университета

ПРИВЛЕЧЕНИЕ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ НАЦИСТСКИХ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ И ИХ ПОСОБНИКОВ НА ЮГЕ РОССИИ: ЭТАПЫ, ТЕНДЕНЦИИ, РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Оккупация южных регионов РСФСР в годы Великой Отечественной войны сопровождалась декларациями руководителей Третьего рейха о необходимости модернизации «восточной политики», привлечении к сотрудничеству казачества, народов Крыма, Северного Кавказа и Нижнего Поволжья. Однако, как и в других регионах СССР, политика захватчиков сопровождалась здесь массовыми военными преступлениями, в первую очередь казнями, избиениями, изнасилованиями и грабежами гражданского населения, уничтожением советских военнопленных, использованием жителей на принудительных работах, материальными потерями и разрушениями. В Крыму за время оккупации погибли 90 243 жителя и 44 934 военнопленных, в Третий рейх были угнаны 85 447 человек. В Ростовской области погибли 96 781 житель и 21 992 военнопленных, на работы в Германию были направлены 84 030 человек. В Краснодарском крае оккупанты убили и замучили 48 560 мирных граждан, 6570 военнопленных, угнали на работу 48 464 человека. В Орджоникидзевском (Ставропольском) крае было уничтожено 31 645 жителей, угнаны в Германию 990 человек. В Сталинградской области были уничтожены 44 649 человек, угнаны на работы 64 224 человека. В Кабардино-Балкарской АССР были уничтожены 2168 жителей и 1976 военнопленных. В Северо-Осетинской АССР погиб 1451 человек, на работу в Германию угнали 1659 человек. В Калмыцкой АССР

были убиты и замучены 1276 граждан, 546 человек угнаны в Германию. Всего на юге РСФСР, по предварительным данным, собранным в первые месяцы после освобождения, в период оккупации погибли 316 773 жителя, на принудительные работы были угнаны 602 133 человека. Но источники свидетельствуют, что указанные данные неполные. Например, в документах переселенческого отдела Краснодарского крайисполкома фигурировала заметно большая цифра угнанных на работу в Германию — 129 335 человек [1].

Расследование совершенных нацистами и их пособниками преступлений началось уже после первого освобождения городов Ростова-на-Дону и Керчи в конце 1941 г. На этот период приходится и первый опыт репрезентации данных событий в средствах массовой информации (СМИ) и других формах, включая написанные в начале 1942 г. сочинения ростовских школьников «Мои впечатления об оккупации». Арестам подвергались лица, обвинявшиеся в пособничестве оккупантам. Однако указанные факты и собранные сведения носили фрагментарный характер. Последующая оккупация большей части южных регионов прервала эту работу, продолженную уже после их полного освобождения в 1943–1944 гг.

При этом в ходе боевых действий сотрудники особых отделов и военнослужащие Красной армии могли без суда и следствия расстреливать военнослужащих вермахта, их союзников и коллаборационистов, подозревавшихся в преступлениях на советских территориях. На оккупированной территории они нередко становились объектами нападений и убийств со стороны диверсантов Красной армии, НКВД и НКГБ, подпольных организаций, подвергались казням по приговорам партизанских судов. Принятый 19 апреля 1943 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников» создал необходимую правовую основу для наказания нацистов, их союзников и пособников врага. Этому способствовало также создание Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК). В освобожденных регионах юга РСФСР действовали республиканские, краевые и областные комиссии содействия ЧГК.

С весны 1943 г. в освобожденных регионах юга РСФСР проводились заседания военно-полевых судов над пособниками врага, завершившиеся их публичными казнями. Наибольшую известность получил первый открытый Краснодарский процесс (14–17.07.1943) над 11 пособниками оккупантов, служившими в зондеркоманде 10а, уничтожавшей жителей в Ростове-на-Дону,

Краснодаре и других местах. Благодаря широкому освещению в СМИ он приобрел не только юридическое, но и политическое значение, фактически заложив модель для проведения других судебных процессов в отношении нацистов и их пособников в освобожденных регионах СССР [2].

Окончание войны сопровождалось выдачей в СССР и наказанием коллаборационистов. Вплоть до 1949 г. продолжались судебные процессы над иностранными военнослужащими, обвинявшимися в военных преступлениях на оккупированных советских территориях, материалы о которых публиковались в СМИ. Единственным из них на юге РСФСР стал судебный процесс в Севастополе (12–23.11.1947), на котором были осуждены 12 немецких военнопленных во главе с генерал-полковником Э. Йенеке, служивших в 11-й и 17-й армиях вермахта, по обвинению в совершении военных преступлений в Крыму, на Дону, Северном Кавказе и в других регионах страны [3].

Привлечение к ответственности иностранных военнослужащих и коллаборационистов за преступления, совершенные на советских территориях, эволюционировало в военные и первые послевоенные годы от внесудебных практик к судебным процессам, на проведении которых сказывались различные обстоятельства внутренней и внешней политики. Они нередко отличались слабой доказательной базой, связанной с низкой квалификацией следователей, а публичный характер заседаний и наказаний придавал им пропагандистский характер.

В период «оттепели» началось освобождение бывших коллаборационистов, если они не обвинялись в убийствах советских людей на оккупированных территориях. Иностранные военнопленные также вернулись на родину в ФРГ, Италию, Венгрию и другие страны.

В последующие годы работу по привлечению к ответственности пособников врагу за совершение военных преступлений продолжали сотрудники органов государственной безопасности. На судебных процессах в Ростове-на-Дону (1959, 1968, 1969, 1975–1976, 1978, 1982), Краснодаре (1959, 1962, 1963, 1965), Пятигорске (1961, 1972), Минеральных водах (1966), Симферополе (1972, 1974, 1977) были осуждены члены айнзатцкоманд 10а и СД 6С, Радомской команды СС, ГФП-312, ГФП-721, городской полиции Пятигорска, вахманы и другие пособники врага. Их проведение характеризует более тщательная подготовка, по сравнению с процессами военных и первых послевоенных лет, при этом поиск свидетелей и сбор необходимых доказательств мог продолжаться десятилетиями. И все же не все факты преступлений удавалось доказать вследствие прошедшего времени, а также стремления многих преступников скрыться. Взаимосвязь рассматриваемых событий с внешнеполитическими факторами отразили обвинения в совершении военных преступлений

на оккупированных территориях СССР, в том числе и на Северном Кавказе, Т. Оберлендера, командовавшего в годы войны батальоном особого назначения «Бергман» («Горец»), а в 1953–1960 гг. являвшегося министром по делам перемещенных лиц, беженцев и жертв войны ФРГ.

Кардинальные изменения, произошедшие после распада СССР на постсоветском пространстве, задали новые условия привлечения к ответственности нацистских военных преступников и их пособников. Первоначально они сочетались с попытками реабилитации в 1990-х гг. некоторых из них, в том числе и на юге России. Однако кардинальные изменения в политике памяти последних лет и реализация проекта «Без срока давности» привели к принятию 21 апреля 2025 г. Федерального закона «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов». Он закрепил на законодательном уровне недопустимость «публичного оправдания геноцида советского народа и нацистской идеологии». Необходимыми предпосылками данного решения стали судебные процессы, состоявшиеся в 2022–2025 гг. в российских регионах, подвергавшихся оккупации в годы Великой Отечественной войны, признавшие преступления нацистов и их пособников геноцидом. Среди них и судебные процессы на юге России: в Ростовской области (10.02–15.03.2022), Республике Крым (27.06–7.07.2022), Краснодарском крае (25.07.2022), Ставропольском крае (14.12.2022–20.01.2023), Волгоградской области (1–23.08.2023), Кабардино-Балкарской Республике (12.11–17.12.2024), Республике Адыгея (19–26.09.2024), Республике Калмыкия (22.01–4.02.2025) и Республике Северная Осетия — Алания (13.03.2025).

Список литературы

1. Войны и население Юга России в XVIII — начале XXI в.: демографические процессы и последствия. М.: РОССПЭН (Политическая энциклопедия), 2019. С. 550.

2. Тажидинова И.Г. Медиатизация темы преступлений немецко-фашистских захватчиков и их пособников (на примере Краснодарского процесса 1943 г.) // Наследие веков. 2019. № 3. С. 80–90.

3. Волков Е.В., Сибиряков И.В. Севастопольский судебный процесс 1947 года по делам о военных преступлениях: символические практики власти // Новый исторический вестник. 2020. № 4 (66). С. 42–44.

ЛАВРЕНЧУК СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА,
кандидат психологических наук,

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ «ТРУДОВОГО» ЛАГЕРЯ НОЙЕНГАММЕ)

Международный Военный Трибунал рассматривал использование принудительного труда в военной экономике Германии как один из существенных пунктов обвинения [1, с. 314]. Согласно ст. 6 его Устава, жестокое обращение с населением и угон на рабский труд с оккупированных территорий считается военным преступлением. Было установлено, что рабочие посылались в Германию под стражей, причем их часто грузили в поезд без соответствующего отопления, не давали им необходимой пищи, одежды и санитарного обслуживания, а обращение с ними в Германии во многих случаях было жестоким и унизительным [2, с. 627, 629]. Немецкие исследователи отмечают: «Хотя вывоз на принудительные работы был осужден как военное преступление, потребовалось более четырех десятилетий, чтобы общественность Германии обратила внимание на эту тему — со всеми вытекающими политическими, законодательными и финансовыми последствиями» [1, с. 314].

Центральный концлагерь в северо-западной Германии до 1945 года — Нойенгамме (Neuengamme) — включал 16 филиалов в Гамбурге, где каждая верфь его порта имела собственный концлагерь[13]. На площадке «Дойче верфи» размещались охраняемые бараки с людьми из восточной Европы. Наряду с работой на верфи заключенные и принудительные работники должны были очищать город от руин после бомбардировок. Наряду с 12-часовым рабочим днем они «испытывали постоянную угрозу жизни через унижения, голод, холод и отсутствие гигиены»[14]. Декларируя наличие

[13] Концентрационный лагерь Нойенгамме в 1938–1945 гг. Lernwerkstatt Neuengamme.

[14] Буклет к мероприятию, проведенному 09.11.2003 Финкенвердерским обществом, открытым «с целью воссоздания истории этого местечка в те времена», получен бывшей несовершеннолетней

непосредственного контакта с бывшими принудительными рабочими, Финкенвердерское общество достаточно вольно трактует их биографии как в письменном, так и в визуальном отображении. Так, описывая историю несовершеннолетнего подневольного работника Ивана Сорокотяги, угнанного вместе с братом в августе 1943 г. с Украины в Германию и размещенного в лагере для молодых принудительных работников (до 18 лет) на площадке верфи, подчеркивается, что до прохождения обучения он «вынужден был сначала подсобным работником, а затем, после обучения, работать сварщиком на „Дойче верфт“». Также делается акцент на бомбардировке союзниками 9 апреля 1945 года, которую «братья пережили лишь чудом», и на их судьбе после освобождения: «они должны были сначала отслужить, прежде чем они после 5-летнего отсутствия наконец оказались в их родной деревне»[15]. Служба в рядах Советской армии — почетная обязанность гражданина согласно статье 132 Конституции СССР 1936 года — здесь представлена как своего рода дискриминация.

Описание случая представителями Финкенвердерского общества существенно отличается от того, которое дает сама несовершеннолетняя подневольная работница, содержавшаяся в том же лагере в то же время: «Хотя я была еще ребенком, уже в феврале 1942 г. я была принудительно загнана немецкими солдатами в товарный вагон и отправлена в Германию на тяжелые принудительные работы. Здесь нас разместили в лагере для подневольных работников. Лагерь был обнесен высокой изгородью из колючей проволоки и тщательно охранялся полицейскими. Нам приходилось спать на двухэтажных нарах, где из подстилки была только солома… Каждое утро нас, 14-летних детей, без завтрака грузили на буксировочные баржи и перевозили на берег реки Эльбы, где мы большими лопатами грузили щебень в вагоны, перетаскивали железнодорожные шпалы и укладывали их в штабеля. Мы находились под постоянным наблюдением, и за малейшую провинность нас били палками… Не позавтракав, озябшие, мы должны были весь день выполнять тяжелую работу в порту.

Медицинской помощи для нас не было, несмотря на то, что многие болели из-за тяжелого рабского труда. Несмотря на болезнь и слабость, и на то, что многие из нас от голода едва держались на ногах, нас все равно заставляли работать. Нам давали поесть только один раз в день. Как и все остальные дети, я работала в обносках; подошвы сапог были так изношены, что мне приходилось подвязывать их бечевкой, чтобы не остаться босиком.

узницей концлагерей, гетто и других мест принудительного содержания, созданных фашистами в период Второй мировой войны, в личной переписке в 2003 году.

15 Там же.

Во время постоянных и частых бомбежек Гамбурга, продолжавшихся 7 дней и 7 ночей, нас погрузили на баржи и отправили вдоль по Эльбе в надежде, что бомбы попадут в наши баржи. Мне и сегодня слышится этот свист и грохот, и картины трясущихся от страха детей стоят перед глазами. Но бог услышал наши детские молитвы и спас нас. Слава богу! После бомбежек нас возвращали обратно в лагерь». Рассказ был сначала опубликован в немецком издании «В путь с чемоданом и плюшевым мишкой. Дети и Вторая мировая война», а в затем голландской его версии «Ребенок в военное время. 13 европейских женщин и их детские воспоминания о Второй мировой войне» [3]. Многочисленные сходные воспоминания были опубликованы, например, в газете «Судьба», печатном органе Международного союза бывших малолетних узников фашизма[16], а также записаны историками [4], социологами [5].

Таким образом, наблюдаются явные противоречия в том, как презентуется материал, касающийся принудительного труда, в тексте и в изображении и/или в одном тексте: если в обобщающей части в общих словах упомянуты страдания подневольных работников, то при описании частных случаев акцент сделан на проблемы в связи с бомбардировками союзников, дискриминацией (имевшей место или мнимой, как в случае службы в рядах Советской армии после освобождения) по возвращении на родину, а также всячески подчеркивается ценность обучения, полученного в неволе, что полностью соответствует содержанию агитационных плакатов времен Второй мировой войны, распространяемых на оккупированной территории. Их отличали ярко-позитивные лозунги (например, «Работа в Германской семье доставляет радость! Посудите сами, как хорошо ей здесь живется и чему только она не может тут научиться!», «В Германии мне очень хорошо» и так далее) и изображения молодых, довольных, улыбающихся лиц. Образ будущего, который создают эти плакаты (в первую очередь для молодежи), чаще всего касается профессионального самоопределения: «выбрать любую специальность», «работать по своей специальности», «с приобретенными знаниями» и др. (рис. 1).

Советские плакаты того же периода времени отражают единственно возможную оценку происходящего: страдание на лицах, изображение лагерного номера и слово «рабство», которое имеет однозначно негативную коннотацию в любой культуре и полностью отражает происходящее (рис. 2).

Аналогией агитационным плакатам Второй мировой войны выглядит изображение, созданное для объявления о мероприятии, организованном Финкенвердерским обществом: коллаж, в котором объединены фотоизображения девочки с лагерным номером на груди, лицо которой

[16] Газета «Судьба» — Мы ещё живы!

выражает негативные эмоции (что вполне соотносится с советскими плакатами этой тематики того времени), и пожилой улыбающейся женщины (как будто с немецких агитационных плакатов); поверх изображений наложена графическая сетка с изображением плана верфи (рис. 3). Таким образом, обесцениваются чувства и страдания несовершеннолетней узницы, которые она перенесла и которые не покидают ее до сих пор (что подтверждает ранее приведенный рассказ): ее улыбка не имеет никакого отношения к принудительному труду и ее пребыванию в лагере. Также нарушено право на использование фотоизображения: о его использовании ей сообщают постфактум: «Я думаю, что интерес жителей Финкенвердер к нашему мероприятию был вызван и благодаря фотографии, которую мы получили от Вас и которую мы использовали в объявлении»[17].

Архив концлагеря, который пожелал иметь оригинал фотографии девочки с лагерным номером, хранившийся с 1945 по 2002 год в семейном архиве, не оформив акта приемки-передачи и не ведя никакого учета ее использования (хотя снимок был поставлен на архивный учет с присвоением номера хранения), что явно нарушает как законодательство, так и этические нормы. При этом сотрудником архива утверждалось, что принудительные работы в районе Финкенвердер «не имели никакого отношения к концентрационному лагерю, т. к. работа была организована немецким бюро по трудоустройству»[18].

Практика манипуляций с изображениями очевидна и на примере голландского издания «Ребенок в военное время. 13 европейских женщин и их детские воспоминания о Второй мировой войне». Фотография, которая была размещена на «немецкой» обложке, на приглашении на презентацию книги, состоявшейся 19 апреля 2007 года в Доме Анны Франк в Амстердаме (рис. 4), размещена на обратной стороне; свастика, которая явно видна на лицевой стороне книги, на приглашении срезана или закрыта другим изображением. Нарядно одетый ребенок на руках матери за торжественно накрытым столом, улыбающиеся добродушные фашисты в белых халатах со свастикой (рис. 5) — не согласуются с содержимым книги (выдержки одной из глав были приведены выше).

Представляется, что и спустя 90 лет актуально высказывание Л. Февра: «А подлинная реальность современной Германии слагается… из различных откликов различных групп и различных индивидуумов на „раздражение“ национал-социализма. Она слагается из целой гаммы отношений к этому режиму: от 95 % принятия до 100 % отказа — и эта подвижная (и живая) совокупность живучих традиций, обрывочных пережитков и реальных

[17] Из письма бывшей несовершеннолетней узницы концлагерей, гетто и других мест принудительного содержания, созданных фашистами в период Второй мировой войны, полученного в 2003 году.

[18] Из личной переписки автора статьи с архивом лагеря Нойенгамме в мае 2025 года.

переживаний никак не умещается под оболочкой официального конформизма» [6, с. 95]. Это может объяснять текущую ситуацию с неоднозначным представлением о практике подневольного труда во время Второй мировой войны.

Очевидно, что, несмотря на решения Нюрнбергского трибунала, принятые 85 лет назад, у потомков бывших узников фашизма и потомков нацистов не может быть единой точки зрения на такое явление, как принудительный труд. Последние будут предпринимать нескончаемые попытки фальсифицировать историю. Задача потомков выживших — публично представлять реальную картину происходившего.

Список литературы

1. Фрайтанг Г. Принудительные работы при национал-социализме: 60 лет спустя // Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа: сборник. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 784.

2. Материалы Нюрнбергского процесса: сборник материалов в 8 томах. Т. 8. М.: Юридическая литература, 1999. С. 792.

3. Landgraf C., Pfirschke R. Kind in oorlogstijd. 13 Europese vrouwen en hun jeugdherinneringen aan WO II. Wormer, 2007. P. 208.

4. Принудительный труд 1939–1945. Опыт международного проекта: сборник статей / отв. ред. Н.П. Тимофеева. Воронеж: Научная книга, 2020. С. 228.

5. Рождественская Е.Ю., Семенова В.В. Женский опыт войны: оккупация, принудительный труд, стигма остарбайтерки // Новое прошлое. 2020. № 4. С. 76–94.

6. Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 630.

Рисунок 1 — Немецкий плакат

Рисунок 2 — Советский плакат

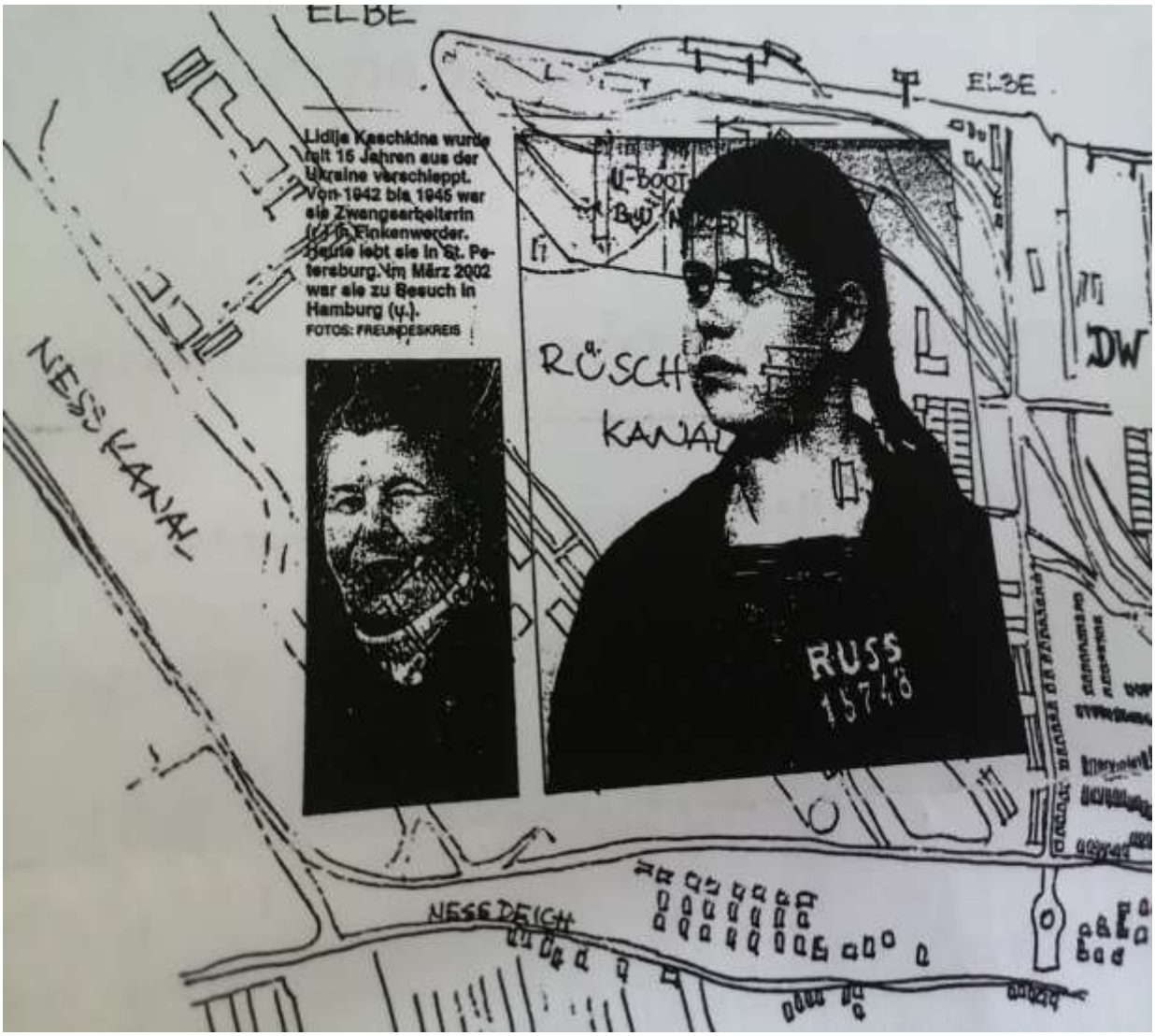

Рисунок 3 — Коллаж в объявлении

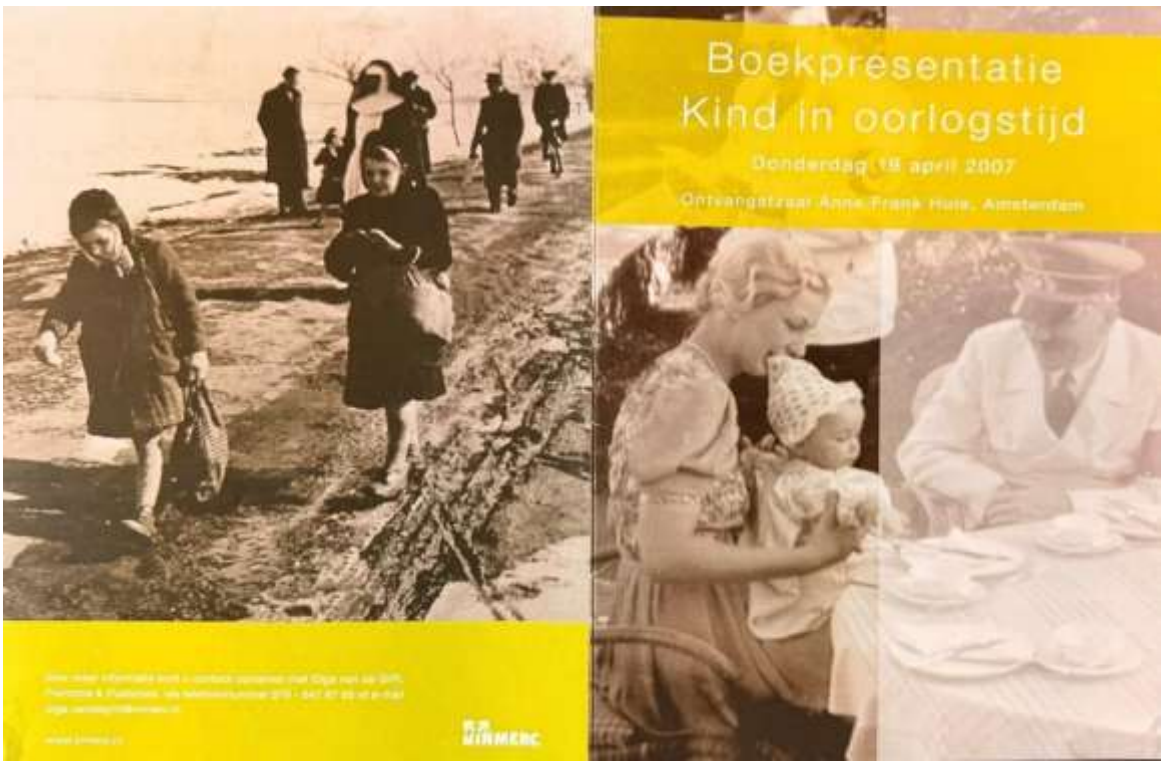

Рисунок 4 — Приглашение на презентацию книги

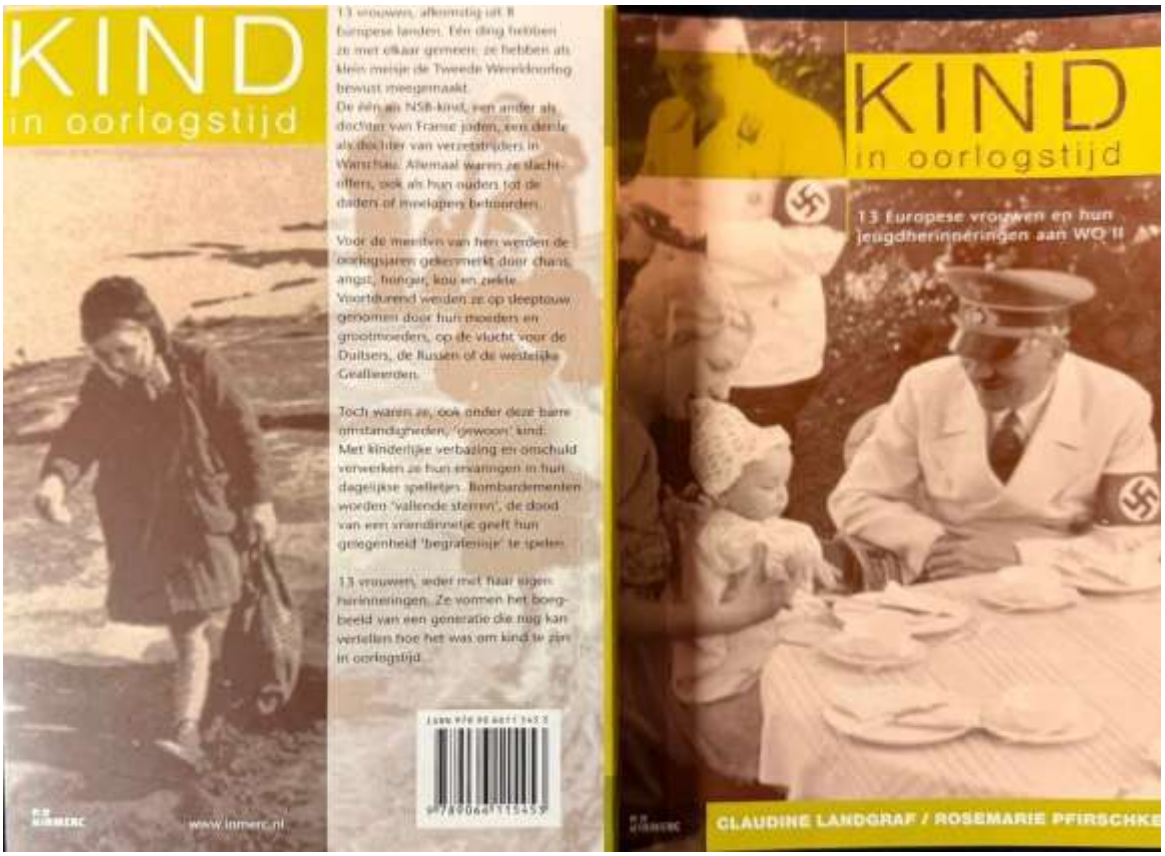

Рисунок 5 — Обложка голландского издания книги

ЛАНКА АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ,
творческая студия ИЛА

ЛАНКА ИЛОНА ЛАЙМОНОВНА,
творческая студия ИЛА

КАМЕРА-ОБВИНИТЕЛЬ: ПОДВИГ ОПЕРАТОРА ВЛАДИМИРА СТРАДИНА

В истории Великой Отечественной войны есть имена, которые не стреляли из винтовок и не водили в атаку полки. Их оружием была кинокамера, а поле боя начиналось за видоискателем. Один из них — Владимир Иванович Страдин, ленинградский кинооператор, чьи кадры на Нюрнбергском процессе стали бесспорным доказательством геноцида мирного населения. Его путь в документальном кино, его работа в блокадном городе и то, ради чего он не опускал камеру под артиллерийским огнём, — это не просто страницы биографии, а урок исторической правды для всех поколений.

От кинохроники к фронтовой съёмке

Владимир Страдин пришёл в кинематограф в 1930-е годы — время бурного расцвета советской документалистики. Его творческой школой стала Ленинградская студия кинохроники («Ленкинохроника»). До войны он работал над сюжетами для журналов «На страже СССР» и «Советское искусство», учился снимать жизнь города в движении, осваивал репортажную съёмку, требующую мгновенной реакции и безупречной точности кадра. Репортажи из Арктики, съёмки в горах Тянь-Шаня — довоенный опыт сформировал в нём тот самый «взгляд исследователя», который позволил позже не просто фиксировать события, а видеть в них глубокую человеческую трагедию. В блокадный Ленинград Страдин вошёл уже сложившимся профессионалом. Именно закалка на «Ленкинохронике» помогла ему в решающий момент не выпустить камеру из рук под свист вражеских снарядов. Его объектив стал инструментом истории.

Организация съёмок в осаждённом городе

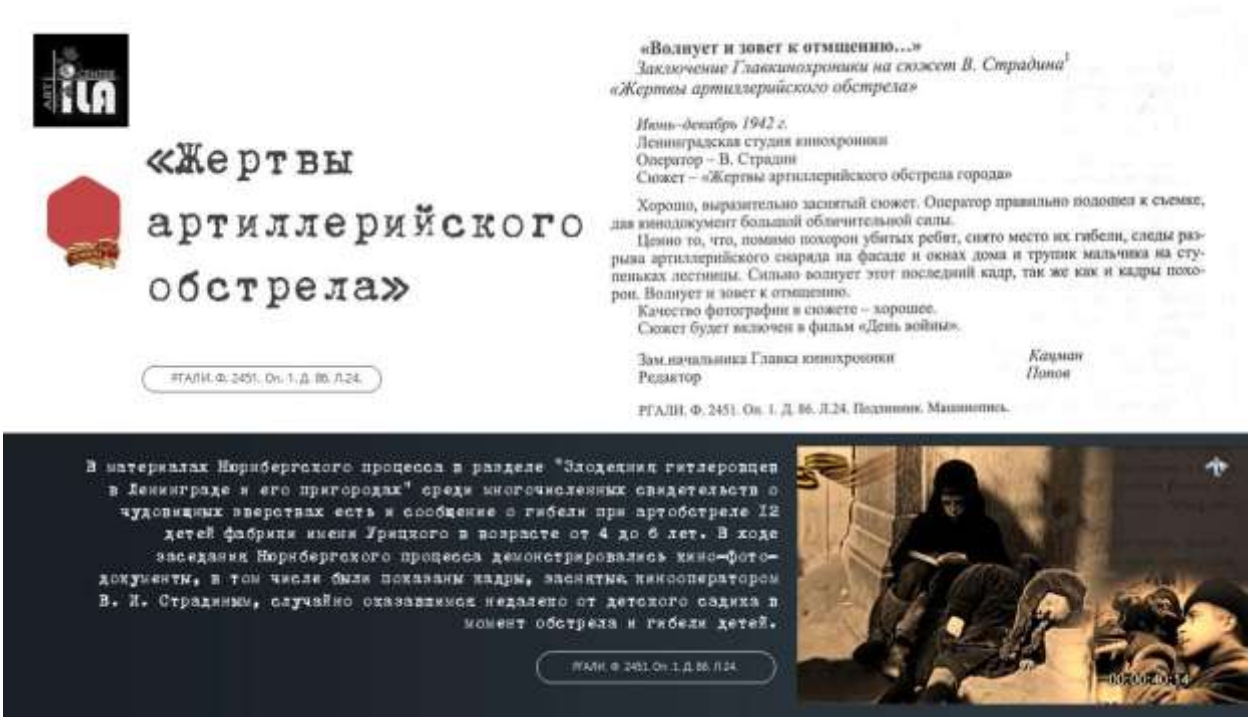
С началом войны кинооператоров Ленинградской студии кинохроники разделили на фронтовые киногруппы — так, чтобы каждая фиксировала свой срез жизни города или фронта. В Северной группе (объединённой Ленинградской и Северо-Западной) с первых дней работал 21 человек. Руководил фронтовой группой опытнейший документалист Иосиф Хмельницкий. Большинство кадров городской жизни сняли Ансельм Богоров и Владимир Страдин. К Балтийскому флоту прикрепили Сергея Фомина. На Карельском перешейке, пока это было возможно, снимали Ефим Учитель, Григорий Донец, Георгий Симонов, Филипп Печул. Попытки прорыва блокады на Невском пятачке запечатлел Анатолий Погорелый.

«Смертные кадры»: хроника гуманитарной катастрофы

С 15 декабря 1941 года — последнего дня, когда студии давали электричество, — и до первой недели января 1942 года жизнь на «Ленкинохронике» замерла. Но операторы, разобравшие камеры и плёнку по домам, продолжали снимать.

Во многом благодаря этим кадрам, добытым «вслепую», мы сегодня можем увидеть хотя бы тени той гуманитарной катастрофы, какой была блокада. В январе 1942 года Ленинградский обком принял решение начать производство фильма «Ленинград в борьбе». В 70 минутах этой картины среди героических и рабочих кадров нашлось место и людскому горю. Именно здесь впервые показали реальности блокады, которые потом назовут «смертными кадрами»: выдача 125 граммов хлеба, бредущие по замёрзшим улицам люди, скважины с водой…

9 мая 1942 года: детский сад под обстрелом

1942 год. Ленинград. Страдин снимает мирный сюжет: группа детского сада вышла на прогулку. Дети идут парами, держась за руки. В этот момент начинается прицельный артиллерийский обстрел. Взрыв прогремел в нескольких десятках метров. Когда пыль осела, оператор продолжал снимать. Он зафиксировал страшный финал: только что улыбавшиеся дети остались лежать на заснеженном тротуаре. Это была не съёмка последствий, а фиксация мгновенного перехода от жизни к смерти. Камера запечатлела неостывший дым разрыва и разбросанные детские вещи. За работу над фильмом «Ленинград в борьбе», куда вошли эти кадры, в 1943 году Владимир Страдин был удостоен Сталинской премии I степени. Высшая награда СССР того времени подтвердила: кадры, снятые им, — это не просто «удачный репортаж», а национальное достояние и неоспоримый документ мученичества города. Всю премию — 100 тысяч рублей — оператор передал на постройку танка «Андрей Жданов».

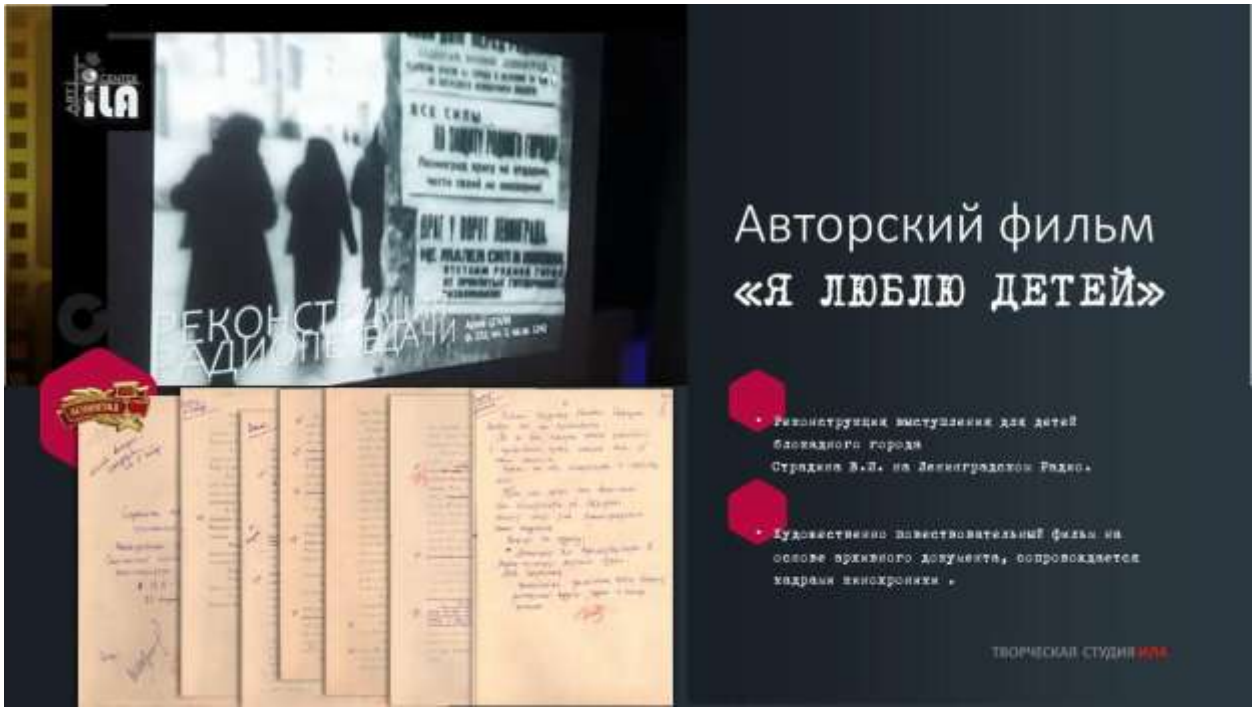
Нюрнбергский трибунал: камера как обвинитель

В материалах Нюрнбергского процесса, в разделе «Злодеяния гитлеровцев в Ленинграде и его пригородах», среди многочисленных свидетельств о чудовищных зверствах есть и сообщение о гибели при артобстреле 12 детей фабрики имени Урицкого в возрасте от 4 до 6 лет. На заседании демонстрировались кино- и фотодокументы, в том числе — кадры, снятые Владимиром Страдиным, случайно оказавшимся недалеко от детского сада в момент обстрела. Советская сторона сформировала специальные монтажные фильмы. В них, среди многих других съёмок, вошли самые тяжёлые кадры Страдина. Обвинитель Лев Смирнов представил их суду как неопровержимый факт методичного убийства мирных граждан. Смирнов подчеркнул: обстрел вёлся в часы пик по жилым кварталам. Видеоряд Страдина сделал этот аргумент абсолютным. Благодаря тому, что в 1942 году кинооператоры не опускали руки под огнём, в 1946 году блокада Ленинграда была признана международным трибуналом как преступление против человечности. Правда, зафиксированная на плёнку, оказалась сильнее любой линии защиты. Камера Страдина в Нюрнберге говорила от лица всех жертв блокады.

Защита исторической правды сегодня

Возвращаясь к теме конференции «Уроки Второй мировой войны: прошлое и настоящее (к 80-летию Нюрнбергского трибунала)», мы обязаны сказать: одной из форм фальсификации истории является попытка представить гибель мирных жителей Ленинграда как «сопутствующий ущерб» от обычных боевых действий. Кадры Владимира Страдина доказывают обратное. Артобстрел 9 мая 1942 года вёлся по жилому сектору Васильевского острова в светлое время суток, когда дети находились на прогулке. Это был акт прицельного террора, зафиксированный оператором в момент совершения. Сопоставление видеоряда Страдина и приказов немецкого командования, изъятых после войны, подтверждает геноцидную природу блокады. Сохранение исторической правды — это не только цифры, но и сопереживание. Трагедия детей с Васильевского острова — это персонифицированная история боли нашего народа. А подвиг Страдина — пример того, как личное мужество одного человека обеспечивает историческую справедливость для целых поколений.

Вместо послесловия: Обращение к детям

На основе архивных документов нашей студией был создан фильм-реконструкция о Владимире Ивановиче Страдине. В основу его сценария легла стенограмма выступления на радио от 23 марта 1943 года — редкий документ, найденный в архиве ЦГАЛИ. В том обращении Владимир Иванович делился с юными друзьями — пионерами и школьниками блокадного Ленинграда — своей радостью: правительство присвоило ему высокое звание лауреата Сталинской премии. А премию он отдал на постройку танка. Оператор вызывал школьников на соревнование — взять к 1 мая обязательство хорошо учиться, помогать дома, заботиться о младших, выполнять общественные поручения. Того, кто лучше всех выполнит это обязательство, Страдин обещал снять для Ленинградского киножурнала. В фильм, о котором идёт речь, вошли кадры жизни города и фронта, снятые Владимиром Ивановичем с июня 1941 по апрель 1945 года. Огромный массив кинохроники, созданный им в самые тяжелые годы блокады, необходимо систематизировать, дать новую жизнь, сохранить память о человеке с камерой в руках и в сердце — с любовью к детям, к ленинградцам, к городу и стране. Эта статья — не просто реконструкция событий 1942 года, это защита правды о геноциде ленинградцев. Мы возвращаем именам погибших детей и имени оператора Страдина их законное место в летописи Нюрнберга, превращая архивную плёнку в щит против любых попыток исказить наше прошлое.

ЛАНШАКОВА СОФЬЯ ДМИТРИЕВНА,
студент
Института промышленного менеджмента, экономики и торговли
Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

ДЕЛО МАРТИНА БОРМАНА НА НЮРНБЕРГСКОМ ПРОЦЕССЕ: СУД В ОТСУТСТВИЕ ОБВИНЯЕМОГО

Актуальность. Нюрнбергский трибунал, начавший работу 20 ноября 1945 г., должен был стать образцом справедливого суда, основанного на правовых нормах и доказательствах, а не на политических мотивах победителей. В это же время перед процессом стояла задача обеспечить привлечение к ответственности высшего руководства нацистского режима. Дело Мартина Бормана демонстрирует столкновение этих двух задач. К моменту начала работы трибунала его судьба оставалась неизвестной, но данный факт не мог стать препятствием и поводом для прекращения дела.

Целью работы является: на примере дела Мартина Бормана оценить, насколько вынесенный Трибуналом приговор соответствовал принципам справедливого правосудия.

Задачи:

- установить положение Бормана в нацистской Германии и основания его привлечения к суду;
- определить правовую основу заочного разбирательства;
- рассмотреть ход судебного процесса;
- оценить приговор с точки зрения основных целей суда.

Методы исследования: обзор, анализ, синтез.

Результаты.

Мартин Борман родился в 1900 г. В 1918-м он был мобилизован, однако в боевых действиях до окончания Первой мировой войны не участвовал. В 1922 г. Борман вступил в одно из отделений фрайкора.

Период с 1927-го (момент вступления в нацистскую партию) по 1945-й стал временем активного карьерного роста Бормана во властных структурах Германии. За эти годы он являлся рядовым членом, начальником Партийной канцелярии и рейхсляйтером НСДАП, депутатом Рейхстага, создателем и управляющим кассой взаимопомощи нацистской партии, начальником штаба заместителя фюрера Рудольфа Гесса, генералом войск СС и СА, членом совета министров по обороне государства, создателем и главой фольксштурма, личным секретарем Адольфа Гитлера.

К концу войны Борман являлся одной из самых влиятельных фигур в стране и входил в число главных военных преступников.

По протоколу встречи представителей обвинения от СССР, США, Франции и Великобритании, прошедшей в Черч Хауз (Лондон) 23 августа 1945 г., Мартин Борман вошел в список из 22 подсудимых, чьи дела выносились на рассмотрение в ходе процесса [1]. По настоянию советской стороны список расширили, в него включили Э. Редера и Г. Фриче. В списке отсутствовали имена людей, чья смерть уже была подтверждена, однако Борман находился в перечне изначально. Список подсудимых опубликовали 29 августа 1945 г.

К началу Нюрнбергского процесса 20 ноября 1945 г. участь Бормана после штурма Берлина была неизвестна. 17 ноября на предварительном заседании представитель обвинения со стороны Великобритании Максвелл-Файф, выступая от имени США, Франции и Великобритании, заявил, что, по известным показаниям, Борман 1 мая 1945 г. с несколькими людьми покинул бункер Гитлера для попытки прорыва из Берлина. Танк, на котором они передвигались, взорвали, а выжившие давали противоречивые показания о судьбе Бормана. Максвелл-Файф считал, что дело Мартина Бормана попадает под статью 12 Лондонского устава. Поскольку Борман мог оставаться в живых и не находился под стражей, по радио в Кёльне и Гамбурге зачитали обвинение, также его напечатали в берлинских газетах. Представитель обвинения от СССР Покровский выразил согласие с позицией Максвелла-Файфа. На основании представленных данных Трибунал принял решение о заочном рассмотрении дела и назначении адвоката для защиты Мартина Бормана [2].

Упомянутая ранее статья 12-я Лондонского устава (примеч. авт.: Устав Международного военного трибунала) предполагала возможность

рассмотрения дел в отсутствии обвиняемых, если местоположение лица неизвестно или если Трибунал посчитает это необходимым [3]. Хотя официальное подписание документа состоялось 8 августа 1945 г., аналогичная норма была заложена еще в «Проекте положения (статуса) о Международном Военном Трибунале» от 2 июля 1945 г. и значилась под номером 33 [4].

Статья 6 Лондонского устава утверждала преступления, которые вошли в юрисдикцию Трибунала: 1) преступления против мира; 2) военные преступления; 3) преступления против человечности. Отсутствие точных данных о статусе обвиняемого не отменяло необходимости разбирательства по его делу, если он обвинялся в указанных преступлениях [3]. Помимо перечисленных пунктов, в список преступлений обвинительного заключения от 6 ноября 1945 г. был добавлен «общий план или заговор» [5].

Можно сделать вывод, что обвинители изначально предполагали, что местоположение некоторых лиц, которые за свои преступления должны были бы предстать перед Трибуналом, могло оказаться неизвестным. Чтобы не допустить ухода от правосудия под предлогом отсутствия и была создана 12 статья.

Из всех обвиняемых Мартин Борман был единственным преступником, которого судили заочно. Его интересы на протяжении всего процесса представлял адвокат — Фридрих Бергольд.

Первое ходатайство о переносе рассмотрения дела было подано на заседании 22 ноября 1945 г. Трибунал отклонил заявление, решив, что у назначенного адвоката будет достаточно времени для подготовки. На практике от Бергольда требовалось не только защита интересов обвиняемого, но и выяснение обстоятельств его исчезновения.

На заседании 29 июня 1946 г. из запланированных свидетелей присутствовал только доктор Г. Клопфер (руководитель отдела конституционного права в НСДАП), от которого адвокат вскоре отказался из-за малого срока работы Герхарда с Борманом. После отклонения очередного ходатайства о переносе дела Фридрих Бергольд называет в качестве следующего свидетеля Эльзу Крюгер — бывшую секретаршу Бормана. Согласно ее письменным показаниям, Борман попрощался с ней 1 мая и сообщил о запланированной попытке прорыва. Позже бежала и Эльза. Уже в новом укрытии она смогла встретить Раттенхубера, который покинул бункер с Борманом и считал его погибшим. После этого заседания Бергольд переходит от стратегии поиска свидетелей к доказательству гибели подсудимого.

На заседании 3 июля Бергольд вызывает Эриха Кемпку, личного водителя Адольфа Гитлера, входившего в группу, совершившую попытку прорыва

вместе с Борманом. Согласно его показаниям, в ночь на 2 мая 1945 г. он встретился с Борманом, Л. Штумпфеггером (врач Гитлера) и В. Науманом (Государственный секретарь) у моста Вайдендаммер. Группа решилась идти дальше, но вскоре танк, около которого шли немцы, взорвали. Кемпка предположил, что в него попали из панцерфауста. Бормана, державшегося за танк рукой, отбросило, а Кемпка, шедший на некотором расстоянии сзади, потерял сознание. После того как Эрих пришел в себя, он больше не встречал Бормана, но был уверен, что тот погиб из-за силы взрыва [6].

Заключительная речь Фридриха Бергольда по делу Бормана состоялась 22 июля. Адвокат вновь ходатайствовал о пересмотре статуса Бормана как подсудимого, ссылаясь на показания Кемпки, которые, по его мнению, не оставляли оснований полагать, что Борман мог покинуть Берлин живым. Трибунал отказал, указав на позднюю стадию процесса. Мартин Борман остался в списке подсудимых.

Стоит отметить, что Фридрих Бергольд на протяжении всего процесса оставался единственным лицом, оспаривающим легитимность заочного процесса. Обвинение и Трибунал считали процедуру законной, а потому все ходатайства адвоката о переносе или отмене дела отклонялись.

1 октября 1946 г. Мартина Бормана признали невиновным по первому пункту обвинительного заключения (планы нацистской партии, заговор), виновным по третьему (военные преступления) и четвертому (преступления против человечности). По второму пункту он не обвинялся (преступления против мира и безопасности человечества). Доказательства смерти, предоставленные адвокатом, Трибунал не признал достаточно убедительными, и Мартина Бормана приговорили к смертной казни через повешение. Трибунал обозначил и то, что если Бормана обнаружат живым, то после его ареста Контрольный совет в Германии, основываясь на 29 статье Лондонского устава, сможет рассмотреть возможности смягчения приговора [7]. Однако необходимости применения данной процедуры не возникло. В 1972 г. во время строительных работ в районе разрушенного в 1945-м Лертерского вокзала (недалеко от места гибели Бормана) были найдены человеческие останки. Позже судебно-медицинские эксперты подтвердили, что одно из тел принадлежит Борману, а второе — Штумпфеггеру. В 1998 г. вывод подтвердился ДНК-экспертизой.

Выводы. Дело Мартина Бормана стало уникальным прецедентом Нюрнбергского процесса. Физическое отсутствие обвиняемого и неизвестность его судьбы создали риск для главных целей Трибунала, то есть организации справедливого и правового суда и обеспечении наказания преступникам. Благодаря гибкости статей Лондонского устава удалось не только провести разбирательство, но и вынести смертный приговор.

Сохранив баланс поставленных задач даже при сложившихся обстоятельствах, Трибунал доказал, что при рассмотрении преступлений такого масштаба, ответственность за которые лежала на руководстве нацистского режима, недопустима любая возможность уклонения от правосудия.

Список литературы

1. Протокол встречи представителей обвинения от СССР, США, Великобритании и Франции на Нюрнбергском процессе, проходившей в Черч Хауз в Лондоне 23 августа. 24 августа 1945 г. // ГА РФ.Ф. 7445. Оп. 2. Д. 6. Л. 203-204. Копия.

2. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том I / Пер. с англ. и сост. С. Мирошниченко; Новочеркасск: Военная литература, 2018. С. 44–46.

3. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XI. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 22 июня 1941 г. и 2 сентября 1945 г. / М-во иностр. дел СССР.М.: Госполитиздат, 1955. С. 165–172.

4. СССР и Нюрнбергский процесс. Неизвестные и малоизвестные страницы истории: сб. документов / науч. редактор и сост. Н.С. Лебедева. М.: МФД, 2012. С. 197–203.

5. Обвинительное заключение. Берлин, 6 октября 1945 г. // ЦГАОР СССР. Ф. 7445. Оп. 1. Ед. хр. 1.

6. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том XVI / пер. с англ. и сост. С. Мирошниченко; Новочеркасск: Военная литература, 2024. С. 252–253, 424–430.

7. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том XXI / пер. с англ. и сост. С. Мирошниченко; Новочеркасск: Военная литература, 2025. С. 643–646.

ЛЕОНТЬЕВА НАДЕЖДА ИЛЬИНИЧНА,
кандидат исторических наук,
научный сотрудник Института российский истории РАН

ДИСКУССИИ О СУЩНОСТИ СПЕЦЛАГЕРЕЙ НКВД/МВД СССР В ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

История специальных лагерей НКВД/МВД СССР, существовавших на территории Восточной Германии в период с мая 1945 г. по март 1950 г., имеет обширную зарубежную историографию, демонстрирующую различные подходы к оценке этого явления в контексте советской оккупационной политики в Германии в первые послевоенные годы.

Определение сущности спецлагерей, оценка их исторической роли в истории советской зоны оккупации Германии (СЗО) остаются спорными и по сей день, несмотря на большой прогресс в изучении самых разных аспектов их истории, достигнутый за последние четверть века. Их историческая классификация и оценка характеризуются противоположными точками зрения: одна часть исследователей рассматривает их прежде всего как инструмент денацификации, аналогичный лагерям для интернированных, существовавшим в этот же период, хотя и менее продолжительное время (в основном, до 1948 г.) в западных зонах оккупации Германии. Другая видит в них прежде всего проявление своего рода экспорта советских репрессивных практик на территорию Германии, инструмент проведения довольно жесткой советизации (сталинизации).

В рамках изучения советской «лагерной» политики в СЗО наиболее острые историографические дискуссии вызывает следующий аспект, который в значительной степени и определяет оценку сущности спецлагерей: кем был представлен их основной, «немецкий», контингент — были ли это в большей степени рядовые или номинальные члены НСДАП, или же существенная часть заключенных действительно представляла собой если не прямых участников

преступлений периода нацизма, то явных бенефициаров и приверженцев нацистского режима?

Своего рода источниковый прорыв в изучении истории спецлагерей, ставший возможным в середине 1990-х гг. благодаря открытию ряда важных документальных комплексов (главным образом, фонда Отдела спецлагерей, хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации) и тесной работе в кооперации российских и немецких исследователей и архивистов, конечно, позволил в некоторой степени ответить на эти дискуссионные вопросы, так как стали возможными фундированные исследования на эту тему. В 1998 году, как результат совместного российско-немецкого исследовательского проекта, увидело свет двухтомное издание на немецком языке «Советские спецлагеря в Германии» (1-й том — исследовательские статьи, 2-й — переведенные с русского на немецкий отобранные, аннотированные и исторически контекстуализированные документы из российских архивов) [1]. Они были призваны в первую очередь ответить на следующие исследовательские вопросы: если наибольшую группу интернированных составляли функционеры НСДАП, играла ли роль в их аресте степень их вовлеченности? Когда, как и в каких масштабах противники оккупационной власти содержались в специальных лагерях? Прямо затрагивался вопрос о нацистском прошлом интернированных. Так, например, в ряде статей были проанализированы различные выборки биографий заключенных в спецлагерях Бухенвальд, Баутцен и Заксенхаузен. Обобщенный ответ относительно нацистского прошлого можно сформулировать в следующем виде: да, некоторые были членами НСДАП, но в основном занимали незначительные партийные должности. Однако эти общие выводы подтверждались лишь конкретными эмпирическими данными по отдельным лагерям.

Вышедшая в 2010 г. монография историка Б. Грайнер об истории спецлагерей, претендовавшая на звание первого комплексного исследования данной темы, хотя и представляет собой определенный научный интерес, особенно в части подробного рассмотрения большого пласта мемуарных источников, вызвала критику у многих зарубежных исследователей из-за предлагаемой в ней упрощенной интерпретации спецлагерей как «сталинских концлагерей», не имевших ничего общего с политикой денацификации [2].

Ряд других современных исследований дал важные результаты в понимании советской «лагерной» политики в СЗО. Они выявили более тонкую картину лагерного общества и подчеркнули многофункциональность системы спецлагерей в целом, а также отдельных лагерей. Так, было показано, что подавляющее большинство заключенных спецлагерей были старше 45 лет, в то время как доля несовершеннолетних составляла значительно менее десяти процентов; около 70 % составляли члены НСДАП и различных

нацистских (гражданских) организации; около 12 % — служащие полиции, юстиции органов государственной безопасности; около 15 % — «прочие сотрудники нацистского режима», военнослужащие и члены «Вервольфа». Множественность функций лагерей отражалась в наличии различных групп содержащихся там заключенных: не осужденные интернированные, осужденные советским военным трибуналом, военнопленные, советские граждане и граждане некоторых других европейских государств. Эта многогранность также проявлялась в различных мотивах арестов и помещения в спецлагеря на разных этапах их истории [3, 4]. Другие исследования были посвящены изучению практик судебного преследования в Восточной Германии и вынесения приговоров советскими военными трибуналами, связи между ними и мерами по интернированию (среди них важнейшее — [5]).

Заслуживающей особого внимания среди современных работ по истории спецлагерей представляется монография австралийского историка, профессора Университета Нового Южного Уэльса Эндрю Битти [6]. Так, при подробном рассмотрении истории спецлагерей в контексте союзной политики интернирования и денацификации, он показывает, что, с одной стороны, между практиками арестов и интернирования в советской и западных зонах оккупации было немало общих черт (в частности, сочетание стремления к наказанию нацистских преступников с арестами потенциальных оппонентов новых оккупационных властей). С другой стороны, в границах СЗО категории граждан, подвергавшихся аресту и помещению в спецлагеря, были сформулированы более широко и менее конкретно, а условия содержания арестованных были более жесткими. В целом, как подчеркивает Э. Битти, существенное отличие советских спецлагерей от лагерей для интернирования в западных зонах оккупации состояло в том, что они, являясь такими же по типологии лагерями для интернирования, как и союзнические лагеря, являлись при этом одним из инструментов «сталинизации» СЗО. Их деятельность представляла собой «попытку сделать практику внесудебных арестов средством уничтожения нацизма».

Таким образом, кратко рассмотрев наиболее значимые исследования современной зарубежной историографии по истории спецлагерей, можно сделать вывод о том, что, несмотря на различия в интерпретациях, большинство историков сходятся во мнении о том, что советское интернирование следует рассматривать в контексте различных целей: первоначального намерения обеспечения безопасности оккупационной зоны, отчасти — вывоза необходимой рабочей силы, а также мер, направленных на построение новой модели государства и общества в Восточной Германии, сопровождаемых сталинским пониманием политики денацификации и, как одного из ее инструментов, — интернирования.

Список литературы

1. Sowjetische Speziallager in Deutschland 1945 bis 1950 / hg. von S. Mironenko, L. Niethammer, A. von Plato. Berlin: Akademie Verlag, 1998. Band 1: Studien und Berichte; Band 2: Sowjetische Dokumente zur Lagerpolitik.

2. Greiner B. Verdrängter Terror. Geschichte und Wahrnehmung sowjetischer Speziallager in Deutschland. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2010.

3. Todesurteile sowjetischer Militärtribunale gegen Deutsche (1944–1947). Eine historische-biographische Studie / hg. von A. Weigelt u.a. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 2015.

4. Zwischen Entnazifizierung und Besatzungspolitik. Die sowjetischen Speziallager 1945–1950 im Kontext / hg. von J. Landau und E. Heitzer. Göttingen: Wallstein Verlag, 2021.

5. Sowjetische Militärtribunale / hg. von A. Hilger, u.a. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag, 2003. Band 2: Die Verurteilung deutscher Zivilisten. 1945–1955.

6. Beattie A. H. Allied Internment Camps in Occupied Germany: Extrajudicial Detention in the Name of Denazification, 1945–1950. Cambridge: Cambridge University Press, 2021.

МАКСИМОВ АРТЁМ АЛЕКСАНДРОВИЧ,
курсант
Военной академии материально-технического обеспечения
имени генерала армии А.В. Хрулёва

РОЛЬ ФРОНТОВЫХ ПИСЕМ В ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Историческая память о Великой Отечественной войне представляет собой сложный многослойный феномен. Наряду с официальными нарративами, мемориалами и учебниками огромное значение имеют источники личного происхождения. Среди них особое место занимают фронтовые письма — «треугольники», которые солдаты отправляли родным. Эти хрупкие листки бумаги, пропитанные потом, порохом и тоской по дому, выполняют уникальную историческую функцию: они сохраняют не хронологию сражений, а живую душу человека на войне [1].

С точки зрения источниковедения, фронтовая эпистолярия относится к эго-документам — текстам, где автор пишет о себе от первого лица. Их ценность в том, что они фиксируют субъективную реальность, а именно она в конечном счёте и составляет суть личной памяти [2]. В отличие от мемуаров, написанных спустя годы под влиянием позднейших идеологических клише, письма создаются «по горячим следам» и лишены ретроспективной ретуши. Это делает их одним из самых достоверных источников для реконструкции психологического состояния фронтовика.

Каким же образом фронтовые письма формируют и транслируют историческую память? Исследователи выделяют несколько механизмов. Во-первых, письма выполняют функцию персонализации: за сухими цифрами потерь и названиями городов они открывают конкретную судьбу, переживания, надежды [3]. Во-вторых, они создают эмоциональный мост между поколениями: когда сегодняшний молодой человек читает строки,

написанные своим ровесником из 1943 года, война перестаёт быть абстракцией. В-третьих, письма служат документальным свидетельством для профессиональных историков, позволяя верифицировать или оспаривать официальные версии событий. Однако работать с этими источниками необходимо осторожно. Подавляющее большинство писем проходило военную цензуру. Солдаты знали, что их текст могут прочитать посторонние, и часто избегали негативных оценок, подробностей о расположении части и истинных настроений. Рождался специфический язык — клишированный, но от этого не менее искренний в своей защитной функции [4]. Фразы «жив-здоров», «чего и вам желаю», «кушаю хорошо» становились ритуальными формулами, позволявшими обойти запреты и одновременно успокоить близких.

Эти механизмы наглядно прослеживаются при анализе фронтового письма, написанного братом моей бабушки 19 февраля под городом Познань. Приведу его полный текст с сохранением авторской орфографии и пунктуации:

«Здравствуйте дорогие родные: мамочка, Наденька, тетя Ксения! Шлю Вам горячий Фронтовой привет! Сообщаю, что я жив здоров, чего от всей души и Вам желаю. Живу я хорошо. Терпенье начинает лопаться. Когда же увижу снова моих родных жителей Ленинграда. Вот уже сегодня 19 февраля. Погода стоит теплая. Вчера снег стаял, а сегодня снова выпал. А я мечтал вернуться, когда растает снег. Оказывается, нет — не выйдет. Когда я, Наденька, смотрю на эту Познань, на этот город, хотя и восточный, но все же европейский со всеми его буржуазными пережитками, то у меня сжимается сердце. Что это значит, „европейская культура“? Наденька! Я думаю, что ты меня понимаешь. Все-таки война меня многому научила и многое показала. Да, действительно, наша Родина самая чистая. Ну об этом хватит. Пару слов о себе. Кушаю, что душе угодно, выпить тоже бывает. Только это нисколько не радует. Как бы мне сейчас хотелось увидеться и поговорить с Вами, посмотреть на Ленинград. Да, лучше города не найдешь» [5].

Что несёт в себе этот документ с точки зрения исторической памяти? Прежде всего, он разрушает миф о «солдате-роботе», лишённом рефлексии. Автор открыто признаёт: «Терпенье начинает лопаться». Это не героический пафос, а усталость живого человека, который считает дни и мечтает вернуться домой. Важнейший фрагмент — сравнение «европейской культуры» и «буржуазных пережитков» с чистотой Родины. Автор приходит к патриотическому выводу не из газет, а из личного наблюдения: он увидел Европу своими глазами, и она его разочаровала. «Наша Родина самая чистая» — это не пропаганда, а выстраданное убеждение. Для формирования исторической памяти такие строки бесценны: они показывают, что защита Отечества осмысливалась солдатами не как слепое выполнение приказа, а как осознанный нравственный выбор [6]. Кроме того, письмо фиксирует «географию памяти»:

Ленинград здесь не просто героический город, а конкретное место, где живут «родные жители», где свой снег, свои улицы. Эта привязка к малой родине превращает абстрактную войну в личную историю. Наконец, обращает на себя внимание адресация письма: оно обращено к женщинам — матери, Наденьке, тёте Ксении. В тылу такие письма читали вслух, перечитывали по многу раз, передавали соседям.

В современном мире возрастает роль фронтовых писем как важнейшего источника для изучения военной антропологии. Оцифровка архивных фондов и такие проекты, как «Память народа», делают эти источники доступными для широкой аудитории. Молодёжь может напрямую обратиться к голосам прошлого и увидеть, что чувствовали их сверстники, оказавшиеся в горниле войны [4]. Это мощный инструмент противодействия фальсификации истории.

Итак, фронтовые письма формируют историческую память тремя основными способами: во-первых, они переводят коллективную травму на язык личного переживания; во-вторых, они служат документальным архивом, удерживающим нас от мифологизации; в-третьих, они создают эмоциональную эмпатию, без которой подлинное поминовение невозможно.

Список литературы

1. Акатьева С.А. Письма периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. как исторический источник (по материалам государственного архива общественно-политической документации Курганской области) // Зыряновские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2010. С. 145–146.

2. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. С. 48.

3. Нагурная С.В., Яловицына С.Э. Воспоминания о войне и фронтовые письма в формировании исторической памяти // Военно-исторический журнал. 2025. № 9. С. 116.

4. Маркова О. Письма с фронта как документ военной эпохи // Военная социология. М., 2020. С. 61.

5. Личный архив семьи Максимовых.

6. Перрон Ю.В. Информационные возможности личных писем участников Великой Отечественной войны как исторического источника // Великая Отечественная война в истории народов Поволжья. Чебоксары, 2024. С. 413–414.

МЕДВЕДЕВ МАКСИМ ВАЛЕРЬЕВИЧ,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела научно-исследовательских работ
и прикладных исследований Федерального исследовательского центра
Южного научного центра РАН

ПРЕСТУПНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЛЮФТВАФФЕ НА ТЕРРИТОРИИ ДОНА И ДОНБАССА В 1941–1942 гг.

Великая Отечественная война является одной из ключевых тем в исторических исследованиях. Среди множества изучаемых проблем особое внимание привлекает использование авиации в воздушных боях. Важно отметить, что еще на Вашингтонской конференции в 1922 г. были разработаны «Правила войны», которые в 1923 г. были приняты и дополнены новыми нормами в Гааге, включая принципы, касающиеся ведения войны в воздухе. В нескольких статьях документа указывалось, что воздушные бомбардировки, направленные на терроризирование гражданского населения, уничтожение частной собственности, не являющиеся военной целью, запрещены [1].

В начале Второй мировой войны страны-участницы старались придерживаться этих соглашений, хотя мирные жители всё равно стали жертвами бомбардировок. Жизнь и имущество населения в прифронтовых районах подвергались многочисленным угрозам, прежде всего из-за действий противников, использующих авиацию и артиллерию. Например, 10 октября 1941 г. в результате бомбардировки Ворошиловграда со стороны люфтваффе погибли 49 чел., около 100 чел. были ранены [2].

Летом 1942 г. советское военное командование рассматривало эвакуацию как одну из своих главных задач. Генеральный штаб рекомендовал Южному фронту: «8-го отойти … по восточному берегу р. Красная до р. Северский Донец, где прочно закрепиться… Выгода этого рубежа… дает нам возможность удерживать Лисичанский обвод и подготовить эвакуацию серии промышленных

селений и городов, кроме того, к Лисичанску мы подводим железную дорогу, которая будет готова 12.7, что дает нам возможность вывести свыше 2500 вагонов, 117 паровозов и другого ценного оборудования» [3].

Советские войска покидали шахтерские города. 9 июля командование Южного фронта сообщало о бомбардировках шахты имени Крупской в Первомайске с использованием групп по 5 самолетов. Немецкая авиация наносила удары по железнодорожным и промышленным объектам. В Ворошиловграде были атакованы подготовленные к отправке эшелоны с оборудованием и людьми завода имени Октябрьской революции. Советский горный инженер К.И. Поченков описывал последние дни пребывания советских войск в Донбассе: «Мы покинули г. Ворошиловград. От Ворошиловграда до Краснодона ехали спокойно. На всем пути беспрерывным потоком движутся войска и рабочие... На всем пути до Новошахтинска лежат расстрелянные с самолетов автомашины. Таких насчитали около 16 штук. Путь более свободный, но по нему движутся массы людей. Решили ехать вечером в г. Несветай, так как колонны рабочих идут беспрерывно. На пути валяются дымящиеся автомашины и трупы людей» [3].

В июле 1942 г., прикрывая отход войск Южного фронта, 56-я армия генерал-майора А.И. Рыжова заняла оборону на Ростовском рубеже. С 21 по 24 июля на подступах к городу и его улицах шли ожесточенные бои с противником, имеющим численно превосходящие силы. Немецкие войска продолжали наступление, прорвав оборону западнее Ростова, охватив город и продвигаясь к переправам через Дон. Во время бомбардировок множество гражданских лиц погибло. К примеру, 20 июля 1942 г. в Ростове погибло около 2,5 тысяч людей в результате удара по гостинице «Интернационал». Укрывшиеся в подвале жители соседних домов, сотрудники близлежащих учреждений и постояльцы погибли при обрушении здания [4].

На город Фролово в Сталинградской области и находящуюся там станцию Арчеда с 22 июля 1942 г. по 28 января 1943 г. было совершено 62 авиационных налета. Особенно разрушительными были бомбардировки Сталинграда: в период с 23 по 29 августа 1942 г. погибло 71 тысяча мирных жителей и не менее 142 тысяч человек получили ранения различной степени тяжести. За несколько дней три района города — Ерманский, Дзержинский и Ворошиловский — выгорели на 60–90 %. Массированные бомбардировки продолжались осенью 1942 г., когда Сталинград оказался в эпицентре битвы [5].

Ростов-на-Дону подвергался самым сильным бомбардировкам перед второй оккупацией, в конце июня и июле 1942 г., особенно в центре города и на переправах через Дон. Свидетели отмечали: «Бомбежка была такой интенсивной, что 11 июля в Ростове была объявлена последняя тревога,

и впоследствии ее уже не прекращали». По данным областных комиссий, созданных после освобождения советских территорий от оккупантов, в Ростовской области в результате бомбардировок погибли 7737 чел., в то время как в Ворошиловградской области — 3517 чел. [2].

Таким образом, в Сталинградской области большинство потерь связано с погибшими и ранеными в результате бомбардировок, проводимых германской авиацией, а также с угоном местных жителей в Германию, часть из которых вернулась после войны. В то же время на Дону и в Донбассе основной причиной гибели населения стали карательные действия нацистских оккупантов. Восстановление населения и восстановление разрушенной экономики стали серьезными вызовами для послевоенного развития этих регионов.

Благодарность:

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-78-00229, https://rscf.ru/project/25-78-00229/.

Список литературы

1. Берилло И.В. Крупнейшие воздушные бомбардировки городов периода Второй мировой войны // Научные труды магистрантов и аспирантов Нижневарт. гос. ун-та. Выпуск 13. Нижневартовск: Изд-во НВГУ, 2016. С. 18–20.

2. Кринко Е.Ф. Красная армия и население в боевых операциях начального периода Великой Отечественной войны в Донбассе и на Нижнем Дону: основные формы и практики взаимодействия // Новейшая история России. 2014. Т. 14, № 3. С. 581–582.

3. Агапов В.Л. Угольная промышленность Ворошиловградской и Ростовской областей в октябре 1941 г. — июле 1942 г. // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2022. № 3 (82). С. 91–106.

4. Центр документации новейшей истории Ростовской области // Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 12. Л. 13.

5. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Медведев М.В. Большая излучина Дона — место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.). Ростов-на-Дону: Южный научный центр РАН, 2016. С. 331.

МЕТЛУШКО ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА,
кандидат филологических наук, доцент,
руководитель лаборатории по изучению дискурса памяти
Белорусского государственного университета иностранных языков

СПОСОБЫ ОБРАЩЕНИЯ К ПРОШЛОМУ НА ВОЕННЫХ АГИТАЦИОННЫХ ПЛАКАТАХ 1941–1945 гг.

Агитационный плакат представляет собой популярный жанр массовой коммуникации, важное средство пропаганды и популяризации идей. *Плакат* определяется как «большой цветной рисунок с кратким текстом, вывешиваемый на улице или в общественном помещении с целью объявления о чем-нибудь или рекламы» [1].

Устойчивый интерес к плакату подтверждается как созданием новых плакатов, так и репринтами советских, их адаптацией к актуальным реалиям. В то время как одни видят в наполнении советских плакатов новыми смыслами коммерческую эксплуатацию истории, неэтичное обращение с прошлым, другие обращают внимание на прецедентность феномена, т. е. апелляцию посредством плакатов к визуальным знакам и текстам, известным и понятным большинству лингвокультурного сообщества. Последнее позволяет рассматривать агитационный плакат не только как способ реализации *информирующей, воздействующей, воспитательной, идеологической, мобилизационной, терапевтической* и пр. функций, но и исследовать его как источник сведений о коллективно значимых реалиях прошлого.

Рассмотрим способы обращения к прошлому на примере военных агитационных плакатов 1941–1945 гг. Первый военный агитационный плакат этого периода назывался «Беспощадно разгромим и уничтожим врага!», был создан объединением художников «Кукрыниксы» в первый день Великой Отечественной войны и разошелся многотысячным тиражом уже 24 июня 1941 г. В последующем будет создано около 5000 военных плакатов, которые

издавались многотысячными тиражами. Известно, что в период Великой Отечественной войны созданием плакатов занимались коллективы из выдающихся художников (Д. Моор, В. Дени, В. Иванов, И. Тоидзе) и писателей (С. Маршак, С. Михалков, Д. Бедный, К. Симонов и мн. др.), которые в кратчайшие сроки создавали не просто текстовый и визуальный ряд, но учитывали культурную и прочие составляющие многонационального советского государства, сражающегося с нацистской армией.

Военные агитационные плакаты соответствовали всем жанровым канонам: «изображение должно быть броским и восприниматься «на ходу», поскольку плакаты вывешивались на улице или в общественных местах; на плакате не должно быть много текста, его можно прочитать быстро и понять его идею» [2, с. 89].

Если первый агитационный плакат был молниеносной реакцией на начало Великой Отечественной войны, то в последующем плакатисты обращались и к *героическому прошлому советского народа* (например, изображение богатырей с картины В. Васнецова «Богатыри», стоящими за воинами советской армии); и к *табуированному, замалчиваемому религиозному наследию* (например, на плакате слова Сталина обрамлены иллюстрациями военных действий и известных персоналий, среди которых А. Невский, канонизированный РПЦ в 1547 г. Популярность его образа в военном агитационном плакате связана с выходом в 1938 г. фильма «Александр Невский», где князь показан вне религиозного контекста. Также на плакате Илья Муромец — канонизированный в 1643 г.); и к *опыту иностранной плакатной сатиры*, позаимствовав европейское изображение Наполеона в карикатурном образе Малыша Бони.

В результате дискурс-анализа 1000 военных плакатов нами были отобраны те, что имеют визуальное и/или вербальное обращение к довоенным событиям и персоналиям. Удовлетворяет заявленному требованию (выявлено 11 % плакатов (110 единиц)). Приняв отобранные для исследования обращений к прошлому плакаты за 100 %, нами была проведена их типология. Установлено, что обращение к историческим и мифологическим персоналиям существенно преобладает (представлены на 99 % плакатов) над апелляцией к историческим событиям (1 %). Полагаем, что обозначенная диспропорция — преобладание обращений к персоналиям, нежели к событиям — обусловлена рядом причин. Во-первых, визуальная и текстовая лаконичность плаката позволяет считывать и узнавать одну или несколько персон быстрее, нежели многофигурную сцену с детализированным ландшафтом некоторого события. Во-вторых, изображение событий сопровождается актуализацией не только героического, но и неудобного прошлого. Единственным выявленным нами исключением из описанного стало неоднократное обращение в плакатах к Бородинской битве, несмотря на то, что в итоге Москва была сдана

французской армии. В-третьих, преобладанию персоналий над историческими событиями способствует и персонализация долга, т. е. плакат быстро дает пример для подражания, актуализируя преемственность. В-четвертых, идеологическая причина — потребность в актуализации вертикали власти в военное время.

В упомянутых немногочисленных плакатах, содержащих вербальное или визуальное обращение к историческим событиям, получили воплощение Великая Октябрьская революция, Первая мировая война, Отечественная война (1812) и Битва на Чудском озере. Например, плакат «Били, бьем и будем бить!» был создан в 1941 г. и позаимствовал лозунг из песни «Не скосить нас саблей острой» (1937). Его главная задача — показать, что разгром нацистской Германии — это историческая закономерность, а не задача текущего момента. Общим для военных плакатов является их прагмалингвистическая задача — не только информировать, а побуждать адресата к немедленному действию, что реализовано посредством многочисленных обращений к глаголам действия «бить», «отомстить», «умножить» и пр.

Военный плакат
«Били, бьем и будем бить».
М. Оболенский, З. Докторов. 1941 г.

Военный плакат
«Во имя Родины вперед, богатыри».
И. Тоидзе, П. Пискунов. 1943 г.

В зависимости от социально значимой идеи, которую реализуют исторические персоналии и мифологические персонажи на военных агитационных плакатах, выделяют плакаты, содержащие изображающие «*образов-идеалов из прошлого, голосов из прошлого, гостей из прошлого, образов-трансформеров*» [3]. Установлено, что наиболее частотно на военных агитационных плакатах воплощается образ исторической личности, описываемый как *образ-идеал из прошлого* — представлен в 66 % практического материала исследования. Историческая личность предстает героем, чей опыт имеет особое значение. Авторы обращаются к историческим фактам из жизни персоналий, акцентируют внимание на достижениях и успехах. Так, *вербализованный вариант* образа-идеала из прошлого представлен на плакате «Били, бьем и будем бить!», содержащем не только указание на отдельную историческую личность и его заслуги («*1241 Александр Невский бил псов рыцарей Ливонского ордена*»), но и на собирательные образы коллективного «мы» («*1760 били Фридриха II и взяли ключи Берлина*»).

Обращение к *образу-идеалу из прошлого* представлено как вербально, так и невербально. Например, плакат «Во имя Родины вперед, богатыри!» содержит образ богатыря с мечом в руке, действиям которого вторит солдат. Лексема «богатыри» в обращении как к непосредственно богатырям, так и к советским солдатам позволяет создать историческую параллель. Реализация прагмалингвистических задач на подобных плакатах возможна только с опорой на коллективные представления о богатырях, способность массового адресата восстановить скрытый нарратив.

Плакаты, содержащие *образ-идеал из прошлого*, обращались не только к воинам, но и к труженикам тыла. Так, в 1944 г. появился плакат «Восстановим», на котором Л.Н. Толстой представлен аналогично образу на картине И. Репина «Пахарь. Л.Н. Толстой на пашне». Главный замысел и картины, и военного агитационного плаката — показать не графа и известного писателя, а трудящегося человека.

24 % исследованных плакатов актуализируют риторический опыт исторической личности — *голос из прошлого.* «Авторитетность деятеля прошлого подчеркивает значимость принадлежащих ему высказываний. Цитируемая фраза звучит как голос из прошлого, актуализирующий вопросы, решение которых требуется в настоящем» [3, с. 524]. Наиболее частотно актуализирована в исследованных военных агитационных плакатах цитата, приписываемая А. Невскому: «Кто с мечом к нам войдет, тот от меча и погибнет», но имеющая библейскую этимологию (Евангелии от Матфея 26:52: «Все, взявшие меч, мечом погибнут»); а также цитата, приписываемая на военных плакатах А.В. Суворову: «Бей, коли, гони, бери в полон!».

Примечательно, что помимо цитат знаменитых полководцев, приводятся слова И.В. Сталина из знаменитой речи 7 ноября 1941 г., в которой был «утвержден» пантеон героев национального мифа: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!» [4]. Подобное обращение к высказываниям знаменитых полководцев, дополняемое словами И.В. Сталина, создает историческую параллель, ставя их в один ряд прославленных героев. Более того, обозначенное уподобление получает отражение не только на вербальном, но и на визуальном уровне. Выявлены военные плакаты, содержащие не только цитаты А. Невского, но и изображения в максимально уподобленном военном обмундировании А. Невского и И.В. Сталина, что совершалось для переноса адресатом представлений об А. Невском на современника.

Плакаты, содержащие обращения исторических личностей к современникам, объединены в группу плакатов *гость из прошлого*. «Оживление» гостя из прошлого влияет на имидж и восприятие современников, которым советуют, вдохновляют, сочувствуют. Так, *гости из прошлого* вовлекаются в решение актуальных задач, становясь причастными к изменениям в развитии общества в настоящем. Например, А.В. Суворов, богатырь изображены на плакате радующимися достижениям своих потомков. При этом общим для плакатов данной группы является назидательно-контролирующая позиция предков по отношению к современникам.

Военный плакат
«В богатырских подвигах внучат
вижу дедовскую славу!».
Д. Шмаринов. 1942 г.

Военный плакат «Наполеон потерпел
поражение. То же будет
и с зазнавшимся Гитлером!».
Кукрыниксы, Е. Повлоцкая. 1941 г.

Военные агитационные плакаты, содержащие изображения исторических персоналий в современных обстоятельствах и новых ролях, создают *образ-трансформер* персоналий. Наиболее характерно подобное обращение к антигероям. Например, «перенос» Наполеона в виде тени А. Гитлера на сатирическом плакате был направлен на проведение параллели об объединяющем их военном проигрыше. Во избежание возможной интерпретативной вариативности образы-трансформеры сопровождаются текстом, например: «Наполеон потерпел поражение, то же будет и с зазнавшимся Гитлером!»

Таким образом, проведенное исследование позволяет заключить, что военный агитационный плакат выступает источником для изучения прецедентных феноменов, коллективно разделяемых представлений, знаний, оценок прошлого. Обращение к историческим личностям на военном плакате не сводится только к упомянутому в речи И.В. Сталина перечню героев (А. Невский, Д. Донской, М. Кутузов и др.), но включает и иных многочисленных личностей (А. Пушкин, Л.Н. Толстой, Б. Хмельницкий, В.И. Ленин и др.).

Для военного агитационного плаката характерно превалирование обращений к образам исторических личностей, нежели к историческим событиям, что обусловлено как жанровым каноном плаката, его визуальной и текстовой лаконичностью, так и вариативностью интерпретаций событийных изображений. Перечень событий, актуализированных на военном агитационном плакате, лимитирован и включает события Первой мировой войны, Октябрьской революции, Отечественной войны 1812 г. и Ледового побоища.

Многочисленные обращения к историческим личностям сводятся к 4 способам их представления: *образ-идеал из прошлого, голос из прошлого, гость из прошлого, образ-трансформер*. Обращение посредством военного агитационного плаката к образу исторического деятеля представляет его как субъект социального воздействия, благодаря которому возможно достижение желаемого результата в текущий момент времени.

Список литературы

1. Большой словарь иностранных слов // Gufo.me [сайт]. URL: https://gufo.me/dict/foreign_words (дата обращения: 10.03.2026).

2. Селезнева Л.В., Ма Ц., Ли С. Советские плакаты как источник прецедентных феноменов // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 3 (42). С. 88–100.

3. Герасимчик И.А. Особенности обращения к образу исторической личности в рекламной коммуникации. СПб.: Медиалингвистика, 2025. С. 522–526.

4. Речь Народного комиссара обороны товарища И.В. Сталина на параде Красной Армии 7 ноября 1941 года на Красной площади в Москве. М.: Воениздат, 1941. 4 с.

ПОПРАВКО ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА,
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры военно-политической работы в войсках (силах)
Военной академии материально-технического обеспечения
имени генерала армии А.В. Хрулёва

ИСТОРИЧЕСКИЙ РЕВИЗИОНИЗМ КАК ЧАСТЬ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В БЫВШИХ СТРАНАХ СЭВ И ОВД: МЕТОДЫ, СОДЕРЖАНИЕ, РЕЗУЛЬТАТЫ

Отказ от той части прошлого, которое связано с СССР, характерен для политической ситуации на постсоветском и постсоциалистическом пространстве. Почему на постсоветском и постсоциалистическом пространстве ничего не хотят слышать о тех, кого ранее считали героями? Можно ли считать связанными процессы «декоммунизации» и реабилитации фашизма? Или они просто совпали по времени?

Территориальные границы исследования. Страны пространства постсоветского — бывшие республики в составе СССР, и постсоциалистического — страны-члены Совета экономической взаимопомощи и Организации Варшавского договора.

Объектом исследования стали политические процессы на постсоветском и постсоциалистическом пространстве.

Предмет исследования — проявления исторического ревизионизма в отношении фашизма и нацизма в теории (в том числе в науке) и политической практике государств бывшего СССР, СЭВ и ОВД.

Влиятельным направлением в современной историографии Европы и Америки является «политика памяти». Её связывают с работами Пьера Нора — французского историка, автора концепции «мест памяти». Основное её определение говорит о том, что «политика памяти» — это набор приёмов

и методов, с помощью которых находящиеся у власти политические силы, используя административные и финансовые ресурсы, стремятся утвердить определённые интерпретации исторических событий как доминирующие.

Хотя «политику памяти» как феномен историографии чаще связывают с работами П. Нора [1, с. 17–148], истоки «политики памяти» как политической практики связывают с Германией, или, с учётом времени возникновения (когда на карте мира Германий было две), — с Западной Германией, ФРГ. В начале 1980-х гг. канцлер ФРГ Г. Коль предложил «морально-политический поворот» для формирования более «позитивного» «нового» немецкого патриотизма. Предлагалось скорректировать подход к теме ответственности за преступления нацизма, который сформировался в 1960–1970-х гг., когда у власти в ФРГ были социал-демократы, проводилась активная дефашизация Западной Германии [2, с. 79; 3, с. 5]. Эти политические идеи опирались на работы историка Э. Нольте [см.: 4; 5].

В 1960-х гг. против Э. Нольте выступили студенты, устроившие бойкот его занятий в Университете Филиппа в Марбурге, а в 1986–1987 гг. его концепцию активно оспаривали историки (Х. Моммзен, Э. Йеккель, Р. Аугштайн), но профессиональное сообщество историков в Британии и США признало «Фашизм в его эпоху» («The Three Faces of Fascism») выдающимся произведением историографии [6; 7]. В 1986–1987 гг. публикации Э. Нольте, М. Штюрмера и иных последователей этой концепции привели к «спору историков» (нем. Historikerstreit) о причинах возникновения нацизма и Второй Мировой войны [7]. В ходе дискуссий возник термин «историческая политика» (нем. Geschichtspolitik), который использовали оппоненты предлагавшейся концепции (т. е. термин имел явно критический характер).

Позиция сторонников Э. Нольте заключалась в том, что: 1) не было никакой моральной разницы между преступлениями СССР (сталинские репрессии) и преступлениями нацистской Германии (аргумент «сами виноваты»); 2) нацисты действовали из страха перед тем, что СССР может сделать с Германией (аргумент «превентивной войны»); 3) нет никакой моральной разницы между политикой союзников в отношении Германии в 1944–1945 гг. и геноцидом против евреев, цыган и т. п. (аргумент «сами такие», «а судьи кто»). Эти тезисы нарушали общеизвестные правила аргументации, установленные формальной логикой, а также повторяли штампы нацистской пропаганды 1930–1945-х гг., что и отмечали противники «исторической политики» [8].

После объединения Германии пропаганда в духе идей Э. Нольте и его последователей становится официальной позицией властей ФРГ, которая активно внедряется в учебную литературу и общественное сознание. Термину «историческая политика» начинают придавать нейтральную (право каждого

народа на гордость своим прошлым) и положительную коннотацию (никто не имеет права бесконечно травмировать и стигматизировать народ за ошибки прошлых поколений, в результате все сторонники дефашизации объявляются моральными абьюзерами).

В странах Восточной и Центральной Европы после «бархатных революций» конца 1980–1990-х гг. к власти приходят политические группы, которые берут на вооружение «историческую политику» и трансформируют её в «политику памяти». Только теперь объектом стигматизации выступает «советское» прошлое — отрицается наличие собственных политических групп, которые были союзниками СССР во Второй Мировой войне, а возникновение просоветских режимов трактуется исключительно как оккупация и насилие.

Выше упоминалось, что основатель «политики памяти» Пьер Нора сформулировал концепцию «мест памяти» как материального и эмоционального (духовного) единства, влияющего на индивидуальную и коллективную идентичность. Изъятие любого элемента «места памяти» нарушает его функцию [1, с. 20, 25–28]. «Политика памяти» как политическая практика в постсоветском и постсоциалистическом пространстве предполагает разрушение старых «мест памяти» и активное создание «новых».

В 2004 г. польские интеллектуалы М. Чихоцкий, Д. Карлович, Д. Гавин и социолог З. Краснодембский инициировали проведение в жизнь «новой исторической политики» (polityka historyczna) с целью утверждения «здорового» патриотизма и противодействия «искажениям» польской истории как внутри страны, так и за рубежом. Из профессиональных историков единственным, кто их поддержал, стал А. Новак. В отличие от Германии, в Польше термин «историческая политика» был самоназванием [9, с. 6–23; 10, с. 45, 61].

Г.Г. Почепцов — украинский специалист в области коммуникативных технологий и информационных войн — так описал соотношение в них тактики и стратегии: «Нужен не столько факт, сколько интерпретация. Факт — это тактическая информация, интерпретация — стратегическая… Школьники получают стратегические знания, хотя они вроде и из истории, но они являются действительно стратегическими, так как позволяют интерпретировать не только прошлое, но и настоящее» [11]. «Каждая смена эпох, режимов выносит на поверхность не столько новое будущее, сколько новое прошлое. … Долгая война, — а Украина вошла в такой период, — обязательно требует соответствующей поддержки на двух фронтах: среди военных и среди собственного населения. Долгая война вытащила старые лозунги войны идей, поскольку по-другому ее объяснить нельзя» [12]. В работе Г.Г. Почепцова «Управление будущим» (2019 г.) контроль за прошлым

предстаёт стратегической задачей социального управления [13]. Рассуждения Г.Г. Почепцова повторяют основные методы «политики памяти»: табуирование тем и источников; фальсификация и мифологизация эмпирических фактов; отрицание и/или релятивизация установленной фактографии.

Результаты «политики памяти» в странах Центральной и Восточной Европы и постсоветского пространства.

17 декабря 2015 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Резолюцию 70/139 «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости» [14]. Против голосовали 4 государства, в том числе США и Украина. Воздержались 49 стран, в том числе страны постсоциалистического пространства: Албания, Болгария, Хорватия, Чехия, Эстония, Грузия, Германия, Венгрия, Латвия, Литва, Черногория, Северная Македония, Польша, Румыния, Словакия, Словения. Через 10 лет, 15 декабря 2025 г., на Генеральной Ассамблее ООН голосование по Резолюции 80/192 «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости» уже имело иные результаты: «за» проголосовали 119 стран, против — 51, воздержались — 10 [15; 16].

На национальном уровне, как результат «политики памяти», реабилитация фашизма приобретает разнообразные формы.

1) Декриминализация нацистских режимов и их пособников.

В 2006 г. Верховный суд Венгрии принял решение о реабилитации Ласло Криштофа, участвовавшего в убийстве Э. Шагвари и казнённого по итогам публичного процесса 1959 г. Спустя 47 лет расстрел Шагвари в кафе был признан исполнением служебного долга и самообороной. Тамаш Крауш, профессор истории Университета Э. Лоранда (Будапешт), в статье для «The Guardian» отметил, что посткоммунистическое изображение Шагвари «отражает более широкую тенденцию по всей Восточной и Центральной Европе реабилитировать тех, кто сотрудничал с нацистами и довоенными фашистами, и привлечь к уголовной ответственности тех, кто им сопротивлялся» [17]. Фактическому посмертному осуждению Шагвари и реабилитации его убийцы предшествовало переименование улиц и перенос памятника в Парк статуй.

В Югославии решением Государственной комиссии по установлению преступлений оккупантов и их пособников 8 июня 1945 г. Милан Недич был

признан военным преступником. В 1992 г. была предпринята первая попытка реабилитации, инициированная Сербским движением обновления Вуки Драшковича. В 2008 г. начался очередной судебный процесс по реабилитации генерала М. Недича. Рассмотрение дела длилось с перерывами до 23 апреля 2019 г. и завершилось отказом в реабилитации. Значительная часть сербского общества сегодня воспринимает Милана Недича «не как преступника, а как патриота, пошедшего на сотрудничество с оккупантами ради блага сербского народа» [18, с. 110–117; 19, с. 136–155].

На постсоветском пространстве аналогичные процессы имеют место не только на Украине. 24 ноября 2020 г. Указом № 456 Президента Республики Казахстан К.-Ж. Токаева создана Государственная комиссия по полной реабилитации жертв политических репрессий (документ утратил силу Указом Президента Республики Казахстан от 22 января 2024 г. № 438) [20]. Член Госкомиссии Б. Абдыгалиулы заявил, что на повестке дня вопрос о реабилитации бойцов Туркестанского легиона (одного из вооружённых формирований Вермахта, создававшегося из казахов, туркменов, узбеков, киргизов, каракалпаков, турок, башкир, уйгуров и т. д.): они «направили оружие против соотечественников из-за того, что попали в плен», у них «не было выбора», и «каждый случай надо рассмотреть индивидуально» [21].

2) Перемещение и ликвидация советских памятников и замена их новыми.

В контексте концепции «мест памяти» П. Нора, памятник — не только скульптура, но и место, и эмоции — память о линейках, праздниках, душевном подъёме и гордости и т. д. Перенос памятников («т. к. они уместнее на кладбище») лишает их статуса «места памяти», формирует пространственный и эмоциональный вакуум, который подлежит заполнению иным содержанием. Показательна в этом смысле история памятника И.Д. Черняховскому. 22 апреля 2015 г. 69-летний житель Ольштына Владислав Калудзинский был задержан по обвинению «в надругательстве над памятным местом» за то, что сбил молотком доску с памятника генералу И.Д. Черняховскому в Пененжно. 4 марта 2016 г. суд не только признал эти действия правомерными, но и присудил Калудзинскому денежную компенсацию в размере 5000 злотых (около 1,1 тыс. евро). 17 сентября 2015 г. памятник И.Д. Черняховскому в Пененжно был демонтирован. Институт Национальной памяти Польши выразил благодарность властям Пененжно за их позицию [22; 23].

8 мая 1998 г. в Лестене торжественно перезахоронили останки латышских легионеров СС. На мемориал затратили из госбюджета около 400 тыс. $. На церемонии присутствовали депутаты Сейма. 16 марта в Латвии ежегодно проходят шествия и мероприятия, посвящённые латышскому легиону «Ваффен СС», который на Нюрнбергском процессе был признан преступной

организацией. Шествие начинается отпеванием в Домском соборе и заканчивается пением военных песен у памятника Свободы [24; 25]. Наличие сопротивления этой практике привело к исключению в 1999 г. 16 марта из числа официальных дат Латвии.

3) Переименование населённых пунктов и иных объектов. Генерал-майор С.Г. Поплавский в 1945 г. командовал 1-й армией Войска Польского (в составе войск 1-го Белорусского фронта) в период проведения Висло-Одерской, Восточно-Померанской и Берлинской операций. Он был одним из героев социалистической Польши, его именем называли корабль, улицу. Согласно официальной странице Института национальной памяти Польши, улица Станислава Поплавского в г. Гданьске Поморского воеводства должна сменить своё название (рекомендация 2017 г.). «Предложение» реализовано: в настоящее время улица носит название Варшавских повстанцев.

4) Принятие дискриминационных законов в отношении тех национальных и языковых групп, которые стигматизируются как потомки «советских оккупантов». Украина с конца 1991 г. переживала процессы конструирования нового «прошлого». В 2006 г. создан Украинский институт национальной памяти (УИНП). С 2014 г. директором института является В. Вятрович. Одним из практических результатов работы УИНП стало признание главнокомандующего УПА Р. Шухевича Героем Украины. Сотрудники УИНП стали инициаторами в 2015 г. пакета законов о «декоммунизации». При президенте В. Зеленском на Украине приняты Законы: 25 апреля 2019 г. «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного»; 16 января 2020 г. «О полном общем среднем образовании». Русскоговорящие дети смогут учиться на родном языке до 5 класса, после чего не менее 80 % обучения должно осуществляться на государственном (украинском) языке.

Процессы декоммунизации на постсоветском и постсоциалистическом пространстве системно увязаны с историческим ревизионизмом, проявляющимся в реабилитации фашизма, его декриминализации и попытке изменения представлений о прошлом в угоду политической конъюнктуре. Противодействие этому, согласно статье 67.1 Конституции Российской Федерации, является государственной политикой и личным долгом каждого гражданина.

Список литературы

1. Нора П., Озуф М., Пюимеж де Ж., Винок М. Франция-память / пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. 325 с.

2. Смирнов В.А. Роль политических элит в формировании исторической политики в странах Прибалтики // Балтийский регион. 2015. № 2 (24). С. 78–97.

3. Бехтерев С.Л. Нюрнбергский процесс и проблема формирования исторической памяти: историко-правовой аспект // Нюрнбергский процесс и его влияние на формирование международной уголовной юстиции: история и современность: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 80-летию со дня начала работы первого в истории Междунар. военного трибунала в Нюрнберге. Ижевск: Удмуртский университет, 2025. С. 3–18.

4. Нольте Э. Фашизм в его эпохе. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 568 с.

5. Nolte E. The Three Faces of Fascism. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1966. XI, 561 p.

6. Випперман В. Европейский фашизм в сравнении 1922–1982. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 239 с.

7. Шеррер Ю. Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти // Перспективы [Электронный ресурс]. 2010. 24 февраля. URL: https://www.perspektivy.info/book/otnoshenije_k_istorii_v_germanii_i_francii_prorabotka_proshlogo_istoricheskaja_politika_politika_pamati_2010-02-24.htm (дата обращения: 10.05.2026).

8. Evans R. J. In Hitler's Shadow: West German Historians and the Attempt to Escape from the Nazi Past. New York: Pantheon Books, 1989. X, 196 p.

9. Миллер А.И. Россия: Власть и история // Pro et Contra. 2009. № 3–4: Историческая политика. С. 6–23.

10. Траба Р. Польские споры об истории в XXI веке // Pro et Contra. 2009. № 3–4: Историческая политика. С. 43–64.

11. Почепцов Г.Г. Информационные факторы усиления и ослабления военного действия. URL: http://psyfactor.org/psyops/infowar52.htm (дата обращения: 10.05.2026).

12. Почепцов Г.Г. Пропаганда и память: конструирование прошлого и настоящего. URL: https://sb.psyfactor.org/lib/propaganda74.htm (дата обращения: 10.05.2026).

13. Почепцов Г.Г. Управление будущим. Харьков: Фолио, 2019. URL: https://4etalka.ru/dokumentalnaya_literatura_main/publitsistika/579974/fulltext.htm (дата обращения: 10.05.2026).

14. Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости. Резолюция 70/139 принята Генеральной Ассамблеей ООН 17 декабря 2015 г. URL: https://docs.un.org/ru/A/RES/70/139 (дата обращения: 10.05.2026).

15. Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости. Резолюция 80/192, принятая Генеральной Ассамблеей 15 декабря 2025 г. URL: https://digitallibrary.un.org/record/4098200?ln=en&v=pdf#files (дата обращения: 10.05.2026).

16. О принятии Генеральной Ассамблеей ООН резолюции о борьбе с героизацией нацизма // Министерство иностранных дел РФ [сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2066265/ (дата обращения: 10.05.2026).

17. Krausz T. The Rewriting of Our History. URL: https://www.almendron.com/tribuna/the-rewriting-of-our-history/ (дата обращения: 10.05.2026).

18. Белов С.И. Реабилитация нацистского режима, его сторонников и пособников в европейском кинематографе: текущее состояние и новые тренды в развитии политики памяти // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. № 21 (1). С. 110–117.

19. Тимофеев А.Ю. Корни исторического ревизионизма и сохранение исторической памяти о гражданской войне 1941–1945 гг. в современной Сербии // Вестник Московского университета. 2020. № 5. С. 136–150.

20. О Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий. Указ Президента Республики Казахстан от 24 ноября 2020 г. № 456 (утратил силу Указом Президента Республики Казахстан от 22 января 2024 г. № 438) // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2000000456 (дата обращения: 10.05.2026).

21. Аксёнов С. Нацизм вслед за Украиной пришел в Казахстан // Свободная пресса [Электронный ресурс]. 2021. 11 июня. URL: https://svpressa.ru/politic/article/300940/ (дата обращения: 10.05.2026).

22. Поляк, демонтировавший доску с памятника Черняховскому в Пененжно, получил 1100 евро // Новый Калининград [Электронный ресурс]. 2016. 5 марта. URL: https://www.newkaliningrad.ru/news/briefs/politics/8550056-polyak-demontirovavshiy-dosku-s-pamyatnika-chernyakhovskomu-v-penenzhno-poluchil-1100-evro-.html (дата обращения: 10.05.2026).

23. Прокуратура Бранево закрыла дело об осквернении памятника Черняховскому [Электронный ресурс]. URL: https://kgd.ru/news/polsha/item/45158-prokuratura-branevo-zakryla-delo-ob-oskvernenii-pamyatnika-chernyahovskomu (дата обращения: 10.05.2026).

24. Вся Латвия увидит, что в стране возникла древняя святыня // PRAVDA.RU [Электронный ресурс]. 2003. 27 сентября. URL: https://www.pravda.ru/world/38653-latviya/ (дата обращения: 10.05.2026).

25. Об участии Латышского легиона СС в военных преступлениях в 1941–1945 гг. и попытках пересмотра в Латвии приговора Нюрнбергского трибунала (справочная информация) // Министерство иностранных дел РФ [сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1665200/ (дата обращения: 10.05.2026).

ПРИЩЕПА АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ,
кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого;
научный сотрудник отдела «Институт истории обороны и блокады Ленинграда» Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ И СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ КАК ОСНОВА ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ

После окончания Великой Отечественной войны официальная политика советского руководства не придавала особого значения сохранению исторической памяти о трагических событиях 1941–1945 годов. Власть стремилась забыть о прошедшем времени. Несмотря на то, что указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1945 г. 9 мая был официально объявлен Праздником Победы [1], первые годы его отмечали достаточно скромно. Так, в 1945 г. мероприятия ограничились официальной частью и салютом, а сам Парад Победы состоялся лишь 24 июня. В последующие два года парады не проводили. С 24 декабря 1947 г. в связи с введением нового постановления Президиума Верховного Совета СССР день Победы переведен в разряд рабочих дней [2], но проводились торжественные собрания, митинги, концерты, праздничные гуляния, возложение венков и салюты, а рабочий день был сокращённым. Таким образом, вне зависимости от конкретных причин, общая тенденция свидетельствовала о том, что вплоть до прихода к власти Л.И. Брежнева сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне не входило в число приоритетных направлений государственной политики Советского Союза.

В настоящее время понятие «поколение» занимает важное место в социально-гуманитарных науках и патриотическом воспитании молодежи. Оно может выступать не только в роли демографических и статистических показателей,

но и является неотъемлемым компонентом исторических процессов. На протяжении многих лет воспоминания о времени 1941–1945 гг. бережно хранили и оберегали на государственном уровне. Сохраняя историческую преемственность, мы формируем базу знаний, определяя единое государственное, историческое и патриотическое наследие.

Трагические события прошлых лет в первые послевоенные годы являлись национальной частью памяти нашей страны, но уже в 1960–1970-е гг. произошли качественные изменения в системе государственной поддержки по сохранению собственной идентичности. Чаще всего советских граждан призывали трудиться на благо государства, так же как это делали их предки в годы войны, повышать производительность труда и нормы производства, отдаваться полностью труду, перенося все невзгоды и тяготы.

После распада СССР в 1991 г. историческое наследие событий о Великой Отечественной войне трансформировалось в духовную и культурную идентичность российского народа. Естественно, формировалось «новое» поколение, которое ограниченно знало о событиях прошлого.

Старшее поколение является основным носителем исторической памяти, тем самым обеспечивая связь между участниками военных и послевоенных лет и молодыми людьми. В мае 1995 г. был принят Федеральный закон от 19 мая 1995 г. N 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», который включал в себя 9 статей, направленных на увековечивание памяти павших героев [3].

Сегодня в России национальная память неразрывно связана с культурными и историческими событиями, подчеркивая связь прошлого и настоящего [4]. Разработано большое количество проектов, благодаря которым историческая память занимает центральное место в патриотическом воспитании молодежи. К данным инициативам можно отнести следующие проекты:

- проведение научных конференций с участием молодёжи и образовательных семинаров, в рамках которых молодое поколение рассказало бы историю своей семьи [5, с. 240–243];
- приглашение молодежи к организации и участию в торжественно-траурных мероприятиях, митингах, возложении цветов [6, с. 288–290];
- активное вовлечение молодежи к участию в различных тематических конкурсах, культурных и патриотических мероприятиях и т. д. [7, с. 104–106].

В заключительной части отметим, что при организации образовательной деятельности следует как можно активнее привлекать молодежь к участию в патриотических мероприятиях, представленных выше. Естественно, это

будет важно не только для собственного их личностного роста, но и для активной социализации в общество. При этом воспитание и формирование духовно-нравственных и профессионально-компетентных будущих специалистов следует развивать как в период образовательной деятельности, так и в период внеучебной и воспитательной деятельности [8, с. 186–190]. Однако процесс воспитания необходимо выстраивать путем непрерывного взаимодействия государственных и муниципальных структур с применением эффективных методик профессиональной подготовки и активной социализации.

Список литературы

1. Об объявлении 9 мая Праздником Победы. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1945 г. // Гарант [Электронный ресурс]. 2026. URL: https://base.garant.ru/198106/ (дата обращения: 11.05.2026).

2. Об объявлении 1 января нерабочим днём. Указ Президиума ВС СССР от 23.12.1947 № 111/53 // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. / под ред. к. ю. н. Мандельштам Ю.И. Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1956.

3. Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной Войне 1941–1945 годов. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. N 80-ФЗ // Гарант [Электронный ресурс]. 2026. URL: https://base.garant.ru/1518946/ (дата обращения: 12.05.2026).

4. Жуков В.В., Павлов Е.Н. Особенности формирования патриотизма под влиянием традиционных ценностей: историко-педагогический аспект // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. 2024. № 04 (93). URL: https://scipress.ru/pedagogy/articles/osobennosti-formirovaniya-patriotizma-pod-vliyaniem-traditsionnykh-tsennostej-istoriko-pedagogicheskij-aspekt.html (дата обращения: 04.05.2026).

5. Шульженко М.Э. Патриотическое воспитание современной молодежи // Молодой ученый. 2017. № 47 (181). С. 240–243. URL: https://moluch.ru/archive/181/46664 (дата обращения: 16.05.2026).

6. Тимошина Л.Г. Организация проведения дней воинской славы как активная форма патриотического воспитания обучающихся // Молодой ученый. 2023. № 3 (450). С. 288–290. URL: https://moluch.ru/archive/450/99053 (дата обращения: 10.05.2026).

7. Долгова Н.В. Участие молодежи в научных мероприятиях как способ повышения качества подготовки специалистов // Мир науки, культуры, образования. 2008. № 3 (10). С. 104–106. EDN JUJLMN.

8. Тома Ж.В. Профессиональное воспитание студентов в условиях вузовской среды // Современные наукоемкие технологии. 2022. № 3. С. 186–190. EDN GHGAKO.

РЯБКОВ АНДРЕЙ МАРКОВИЧ,
научный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге;
научный сотрудник Президентской академии РАНХиГС

ФАЛЬСИФИКАЦИИ В ХОДЕ ОЦЕНКИ УЩЕРБА, НАНЕСЕННОГО ЛЕНИНГРАДУ В 1941–1944 гг.

С первых дней войны ущерб, нанесенный городу с воздуха, фиксировался в ежедневных сводках МПВО, что продолжалось до сентября 1944 г. Дополнительно с января 1942 г. учет разрушений и потерь по городу Ленинграду, вызванных условиями военного времени, стала вести Плановая комиссия исполкома Ленгорсовета. С начала лета 1943 г. эта обязанность перешла к «Городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям города Ленинграда» (отв. секретарь т. Куприянова). И сводки МПВО, и материалы работы комиссии за 1943–1949 гг. отложились в фондах Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб., фонды № 4886 и № 8557).

Если просуммировать количество снарядов, падение которых ежесуточно фиксировали объектовые службы МПВО за годы войны, и сравнить сумму с «каноническим» числом «148 478», увековеченным в виде бронзовых табличек на Исаакиевском соборе и Аничковом мосту, окажется, что «сумма» меньше «числа» в 2,3 раза. Разумеется, «пропустить» 80 тысяч снарядов службы МПВО никак не могли. Существуют также итоговые таблицы за различные периоды блокады, в которых посуточно и порайонно указано количество зарегистрированных падений фугасных и зажигательных бомб, артснарядов, убитых и раненых, причем поражения от бомб учтены отдельно, от снарядов — отдельно. В ходе такого посуточного учета к концу января 1944 г. службами МПВО было зарегистрировано падение на город 64 239 снарядов.

Но уже в апреле 1944 года выступавший на пленуме горкома ВКП(б) председатель Ленгорисполкома Петр Сергеевич Попков доложил, что за весь период войны на Ленинград было сброшено 5000 фугасных бомб, более 100 000 зажигательных бомб и более 150 000 снарядов[19]. В то же время в отчетности МПВО говорилось о 4640 фугасных бомбах, 70 тысячах зажигательных бомб и, как было указано выше, о 64 тысячах снарядов.

Почему Петр Сергеевич допустил такую вольность и тем самым внес сомнение и относительно других чисел, озвученных в его докладе и перешедших затем в историографию?

Десять лет назад у меня не было ответа на этот вопрос. Пять лет назад некий свет забрезжил, поскольку в материалах того же ЦГА нашелся информационный бюллетень политуправления Ленфронта от 2 февраля 1944 года. В бюллетене, в частности, упомянут факт опроса фельдфебеля 910-го полка особого назначения (действовал в районе Стрельны), который указал, что 3 или 5 ноября 1943 года командующий группой армий Север фельдмаршал Кюхлер, поздравляя полк с двухлетней годовщиной пребывания под Ленинградом, отметил, что часть за этот период выпустила около 150 тысяч снарядов.

Неужели заявление немецкого фельдфебеля перевесило в глазах П.С. Попкова ежедневный героический труд бойцов МПВО? Получается, что «ради красного словца» председатель Ленгорисполкома вынудил руководство МПВО в течение 1944 года «переделать» и помесячную статистику артобстрелов? За подробностями можно обратиться к публикации в Петербургском историческом журнале за 2019 год, здесь же рассмотрен в табличной форме алгоритм получения из «меньшего» числа «большего».

Еще одним объяснением может стать предположение, что П.С. Попков знал о работе МПВО что-то такое, что не помешало ему пойти на подлог. Но, с другой стороны, почему увеличению подверглось только количество снарядов и зажигательных бомб? Почему также «кратно» не было увеличено количество фугасных бомб?

На помощь может прийти второй комплекс документов, а именно материалы работы комиссии, касающиеся ущерба, нанесенного предприятиям и гражданам.

[19] Ленинград выстоял! // Материалы пленума Ленинградского горкома ВКП(б) и общегородского собрания партийного актива Ленинградской организации ВКП(б). Апрель 1944 г. Сборник документов / Отв. составитель А.М. Рябков. Санкт-Петербург: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2024. С. 108.

Алгоритм изменения статистической отчетности МПВО о количестве артиллерийских снарядов (АС), выброшенных противником по Ленинграду в 1941–1944 гг.

	М-ц	Кол-во АС из посуточных сводок МПВО периода блокады: **А**	Кол-во АС из отчета МПВО от 02.1945 ЦГА СПб. 4886.12.2.202 **Б**	**А х 2 — Б =**	По годам
	9	2182	5364	-1000	
	10	3295	7590	-1000	
	11	5115	11230	-1000	
1941	12	2485	5970	-1000	-4000
	1	1015	2696	-666	
	2	2053	4771	-665	
	3	3355	7380	-670	
	4	2901	6469	-667	
	5	3410	6820	0	
	6	2728	6125	-669	
	7	1856	4375	-663	
	8	442	1550	-666	
	9	609	1884	-666	
	10	1128	2921	-665	
	11	804	2274	-666	
1942	12	703	2743	-1337	-8000
	1	2203	5010	-604	
	2	2557	5777	-663	
	3	1632	3930	-666	
	4	2391	5451	-669	
	5	2689	6044	-666	
	6	1026	2718	-666	
	7	3448	6962	-66	
	8	2579	5829	-671	
	9	5364	11394	-666	
	10	1699	4070	-672	
	11	2609	5883	-665	
1943	12	1220	3766	-1326	
1944	1	741	1482	0	-8000
		64239	148478	-20000	-20000

64239 x 2 + 20000 = 148478

Как и следует ожидать, при сличении данных из сводок МПВО и актов фиксации ущерба из материалов Городской комиссии периодически возникают несоответствия. Возьмем, к примеру, две расположенных недалеко друг от друга фабрики — «Равенство» и «Советская Звезда». По «Советской Звезде» (ЦГА.Ф. 8557. Оп. 2. Д. 7. Л. 178) в материалах комиссии указано: всего за период военных действий до 1 ноября 1943 г. было зафиксировано до 350 попаданий. Сводки же МПВО гласят: за всю войну по объекту отмечено 29 попаданий, а по всем адресам на Лифляндской улице — 94. Очевидно, при таком разбросе данных есть лишь два варианта: либо службы МПВО работали «плохо», либо приписку осуществило руководство комбината «Советская Звезда» при составлении акта с некими не вполне ясными целями.

По фабрике «Равенство» картина иная: сводки МПВО до 1 мая 1943 года отмечают 252 снарядных попадания и 10 бомб, а в материалах комиссии говорится о 12 бомбах и 201 попадании. То есть в случае с фабрикой «Равенство» службы МПВО работали значительно точнее.

Есть акты, почти синонимичные сводкам: фабрика Бебеля (3 снаряда в обоих случаях). Кожзавод им. Коминтерна — даты обстрелов из акта точно совпадают с приведенными в сводках, но без указания количества попаданий; очень близки данные по фабрике «Пролетарская Победа» № 2, заводу им. Егорова.

А вот по Карбюраторному заводу в актах комиссии отсутствует 8 случаев поражения за 1941 г., 4 случая за 1942–1943 гг., и, с другой стороны, 5 актированных случаев за 1942–1943 гг. не отображены в сводках. Акты по Шинному заводу дважды указывают на попадания в такие дни, когда, по сводкам МПВО, обстрелов города вовсе не производилось. И так далее.

Единственным вариантом внести ясность видится сделать сплошную сверку сводок МПВО и актов комиссии и оценить порядок расхождения. Но такая работа требует значительного ресурса.

И вот здесь хотелось бы задать вопрос: а следует ли вообще заниматься подобными расследованиями? Ведь даже и двух снарядов, от разрывов которых произошла массовая гибель детей на Роменской улице (5 сентября 1941 г.) и на 13-й линии (завода им. Урицкого 9 мая 1942 года), достаточно, чтобы навсегда заклеймить врага.

Мы имеем дело с «сакральным числом», вторым после «900 блокадных дней». «900 дней» — помнят все, но знают, что было этих дней 872. Так и с количеством снарядов. Число 148 478 — очевидный «конструкт», но что предложить взамен? Очевидно, следует опираться на данные штаба МПВО (64 239), параллельно проводя уточнения до последней, допускаемой состоянием документов, возможности.

Следующий блок документов комиссии — акты ущерба, нанесенного гражданам (ЦГА СПб. Ф. 8557 Оп. 6. Д.1–1016). Я намеренно не стану останавливаться подробно на их разборе, упомяну лишь, что иногда отдельные малосознательные граждане указывали совершенно фантастические суммы ущерба и количества утраченного имущества. По таким актам можно провести целое исследование о степени имущественного неравенства граждан СССР. К тому же такие «акты» смотрятся особенно цинично на фоне основной массы заявлений, общий тон которых — «не нужно денег, только отомстите, пожалуйста, фашистам за смерть дочери, сына, брата».

К слову, в апрельских докладах на пленуме 1944 г. ни у Жданова, ни у Попкова нет слов «убит» или «ранен», хотя подсчет жертв обстрелов и бомбардировок велся ежедневно. Всего МПВО учло 24 914 раненых и 7225 убитых. И, разумеется, это была капля в море среди умерших голодной смертью.

В зону ответственности служб МПВО в период «смертного времени», конечно, входил учет найденных на улицах, и собрано было, судя по сводкам, не менее 9,5 тысяч человек, но главная трагедия разыгралась в домохозяйствах.

Учету поименных потерь среди гражданского населения посвящен самый важный, на мой взгляд, блок документов фонда ЦГА СПб. № 8557. Это 44 дела из описи 6, с № 1022 по № 1065 общим объемом 14 183 страницы (не листа). В них собраны сведения о 441 тысяче жертв блокады.

Следует обратить внимание на 44-й том (фактически у него отдельная нумерация). Лист использования этого тома исписан сверху донизу, тогда как в остальных томах было 2–5 росписей исследователей. Судя по записям, в основном том 44 брали для выставок. Чем же он примечателен? Примечателен он тем, что на обороте каждой второй страницы имеется отметка следующего содержания: «Такого-то числа по такому-то адресу от вражеского артснаряда погибло мужчин..., женщин..., детей... Установить фамилии погибших ввиду обезображенности трупов не удалось».

Если сличить адреса и даты со сводками МПВО, окажется, что совпадение полное, за исключением количества жертв. Служба МПВО, как правило, вовсе не фиксировала пострадавших по приведенным адресам или указывала раненых, иногда — отдельных убитых. В деле же (ЦГА СПб. Ф. 8557 Оп. 6 Д.1065, том 79/11) мы встречаем десятки, сотни обезображенных до неразличимости трупов.

ЦГА СПб. Ф. 8557 Оп. 6 Д.1065 (том 79/11)

№ листа (оборот)	Убито/умерло			Причина смерти
	мужчин	женщин	детей	
4	5	12	7	
6	17	без указания пола и возраста		
8	25	без указания пола и возраста		
10	6	10	4	
12	10	17	3	
14	4	6	4	
16	3	9	6	
18	9	13	3	
21	2	13	2	
22	6	5	5	
24	5	8	6	бомбы
26	1	13	7	бомбы
28	4	4	10	бомбы
30	4	5	10	бомбы
32	4	18	2	бомбы
34	6	6	6	бомбы

№ листа (оборот)	Убито/умерло			Причина смерти
	мужчин	женщин	детей	
74	5	10	10	
76	4	10	5	
78	6	14	5	
80	5	10	3	
82	3	6	4	бомбы
84	32	59	69	дистрофия
86	48	67	85	дистрофия
88	23	85	72	дистрофия
90	9	82	99	дистрофия
92	13	85	132	дистрофия
94	8	82	120	дистрофия
96	59	73	48	дистрофия
98	50	70	60	дистрофия
100	30	15	7	дистрофия
102	60	90	70	дистрофия
104	52	93	55	дистрофия

№ листа (оборот)	Убито/умерло			Причина смерти
	мужчин	женщин	детей	
36	12	6	7	бомбы
38	9	9	6	бомбы
40	3	7	7	бомбы
42		14	5	бомбы
44	71	без указания пола и возраста		бомбы
46	4	18	2	
48		12	3	
50	7	10	5	
52	5	12	8	
54	9	10	1	
56	8	5	7	
58	10	5	10	
60	3	7	8	
62	11	7	4	
64	4	8	5	
66	40			
68	5	8	5	
70	5	11	9	
72		15	5	

№ листа (оборот)	Убито/умерло			Причина смерти
	мужчин	женщин	детей	
106	24	58	68	дистрофия
108	31	67	82	дистрофия
110	43	59	98	дистрофия
112	40	70	60	дистрофия
114	40	70	50	дистрофия
116	4	5	3	АО
118	5	10	4	бомбы
120	2	8	2	бомбы
122	5	10	7	АО
124	3	5	5	АО
126	2	8	2	АО
128	7	5	5	АО
130	8	10	10	бомбы
132	10	20	10	бомбы
134	2	9	3	бомбы
136	8	11	9	бомбы
138	3	4	6	бомбы
Итого:	961	1583	1440	

Всего 3984 человека

Чьими руками был создан и по чьему приказу появился этот запредельный по циничности «документ», мне в свое время выяснить не удалось — может быть, другим исследователям улыбнется удача. Но в любом случае очень бы хотелось, чтобы экспонирование данного дела, если оно необходимо, велось бы с должными оговорками.

И очень бы хотелось, чтобы придуманные кем-то цифры не заслонили память о настоящих жертвах, в том числе и безымянных, ведь даже 64 тысячи снарядов, обрушенных на город, — это чрезвычайно много, и 441 тысяча учтенных потерь в 1944–1945 гг. — это, наверное, даже не половина тех, кто погиб в то страшное время.

САВИН АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
заведующий сектором истории общественно-политического развития
Института истории Сибирского отделения РАН

ИНСТИТУТ УПОЛНОМОЧЕННЫХ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТОВ ПРИ СОВЕТЕ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ/СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР: МЕЖДУ ТРАДИЦИЕЙ И НОВАЦИЕЙ (1943–1948 гг.)

В ходе Великой Отечественной войны советская власть признала за наиболее крупными религиозными организациями право на определенное место в обществе и государстве. Для реализации религиозной политики были созданы новые административные органы: Совет по делам Русской Православной церкви при Совете народных комиссаров/Совете министров СССР (1943–1965) и Совет по делам религиозных культов при Совете народных комиссаров/Совете министров СССР (1944–1965). Оба Совета были преемниками трех предыдущих специальных органов, отвечавших за выработку и реализацию религиозной политики: Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б)–ВКП(б), более известной как Антирелигиозная комиссия при ЦК (1922–1929), Постоянной центральной комиссии по вопросам культов при ВЦИК (1929–1934) и Постоянной центральной комиссии по вопросам культов при ЦИК СССР (1934–1938). Роль, сфера компетенции и влиятельность вышеперечисленных органов были разными и, соответственно, изменялись в зависимости от того значения, которое руководство Коммунистической партии и советского государства придавало взаимоотношениям с религиозными организациями на данном конкретном этапе.

Комиссия по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б)–ВКП(б) занимала среди всех «антирелигиозных» органов советского государства особое место, поскольку несла фактически единоличную ответственность перед руководством коммунистической партии за выработку и осуществление церковной политики в СССР, за эффективную борьбу с религиозными организациями и их «вредной» идеологией, за координацию деятельности в этой сфере различных партийных и государственных органов. Сфера компетенции ее преемниц — Центральной комиссии по вопросам культов при ВЦИК и Постоянной комиссии по вопросам культов при ЦИК СССР — была гораздо уже и скромнее. На эти две комиссии возлагались обязанности общего руководства и наблюдения за проведением в жизнь политики партии и правительства в области применения законов о культах на всей территории РСФСР/СССР, осуществление разработки проектов законодательных актов, связанных с культами, дача экспертных заключений, систематизация соответствующих законодательных актов и постановлений, общий учет религиозных объединений, рассмотрение жалоб верующих на нарушение законодательства о культах. Все центральные и местные органы были обязаны предоставлять комиссиям по их требованиям материалы, связанные с культами. На деле же обе комиссии фактический являлись «жалобными» учреждениями, их главной функцией было реагирование на ходатайства верующих. Как показывала практика, зачастую авторитета комиссий было недостаточно, чтобы добиться претворения их решений в жизнь: местные органы власти, не говоря уже об органах ОГПУ–НКВД, могли позволить себе проигнорировать то или иное решение комиссий, принятое в защиту прав верующих.

Первоначальной задачей Совета по делам Русской Православной церкви и Совета по делам религиозных культов являлась реализация сталинского «нового курса» в церковно-государственных отношениях, проводившегося с 1943 г. Главной институциональной новацией, в отличие от трех предыдущих комиссий, стало создание аппаратов Советов на местах: в каждой области и крае от каждого Совета назначалось по уполномоченному, задачи которых заключались в учете и контроле за деятельностью как легальных, так и нелегальных объединений верующих и клира. Уполномоченные Советов на местах также подчинялись председателю областного (краевого) исполкома, осуществляя свою деятельность от его имени. Центральные аппараты Советов отвечали за руководство уполномоченными на местах, контролировали руководство конфессий, осуществляли надзор за церковными учебными заведениями и прессой, готовили проекты соответствующих законодательных актов и тому подобное [1, С. 141–169].

Следующая новация в деятельности Советов заключалась в реализации нового курса церковно-государственной политики. Если в 1920–1930-е гг. власти активно организовывали расколы внутри церквей всех деноминаций,

последовательно поддерживали любые разногласия между верующими и делали все, чтобы воспрепятствовать объединению религиозных организаций, то теперь усилия Советов были направлены на объединение верующих в рамках крупных всесоюзных церковных организаций. Любой раскол в религиозных организациях, в отличие от довоенного времени, теперь не только не поощрялся, но пресекался и строго преследовался как «антисоветский».

В результате уже в августе 1944 г. председатель Совета по делам Русской Православной церкви Г.Г. Карпов в своей докладной записке И.В. Сталину писал о том, что «вопрос о ликвидации обновленческой церкви вполне назрел, Совет находит возможным ускорить процесс окончательного ее распада»[20]. Аналогичная задача была параллельно решена Советом по делам религиозных культов. В ноябре 1945 г. председатель Совета И.В. Полянский рапортовал первому заместителю председателя СНК СССР В.М. Молотову об объединении в 1944 г. «в соответствии с намеченным планом ранее существовавших отдельно и самостоятельно союза баптистов с союзом евангельских христиан в один союз с одним объединенным советом во главе», к которому в 1945 г., «также в прямом соответствии с заранее намеченным Советом планом», присоединились христиане евангельской веры («пятидесятники») и существовавшие ранее самостоятельно союзы евангельских христиан и баптистов Литвы, Латвии, Эстонии. Как констатировал Полянский, «Все эти мероприятия, направленные к укрупнению Союза евангельских христиан и баптистов, стоящего твердо на патриотических позициях, являются положительными; они дают возможность еще более эффективно регулировать все процессы, происходящие среди сектантов» [2, с. 20–21]. Таким образом, начиная с середины 1940-х гг., проводником государственной политики стало служить само церковное руководство, готовое платить эту цену за выживание и легальное существование религиозных структур.

Еще одна новация в деятельности Советов и их уполномоченных на местах заключалась в оказании содействия верующим и духовенству, в первую очередь Русской Православной церкви, в восстановлении церковных структур, регистрации церквей и молитвенных домов. Необычность актуальной ситуации после четверти века гонений на религиозные организации привела к тому, что как религиозные организации, так и органы власти на местах действовали в первые годы сталинского «конкордата» в условиях амбивалентности.

С одной стороны, непонимание новой политики в отношении религиозных организаций выливалось в грубость, запугивание, оскорбление чувств

[20] Российский Государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 5. Д. 60. Л. 65–67.

верующих, негативное отношение к инициативам по открытию церквей. С другой стороны, нередко органы власти на местах демонстрировали готовность пойти на полное удовлетворение пожеланий верующих и духовенства. Сами Советы пытались выработать некий средний путь, уйти от крайностей и задать новые рамочные условия в рамках «конкордата». От местного руководства требовалось не препятствовать верующим в подготовке документов для регистрации религиозных общин, рекомендовалось не задерживать высылку таких заявлений в облисполком. Политически вредным было признано варварское отношение к бездействующим церковным зданиям. Запрещались любые действия в отношении действующих церквей без санкции исполкомов [3, с. 292–516]. Подобная ситуация амбивалентности сохранялась до конца 1948 г., после чего возобновление политики, направленной на замораживание религиозной деятельности в целом, сняло эту проблему.

Список литературы

1. Одинцов М.И., Чумаченко Т.А. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР и Московская патриархия: эпоха взаимодействия и противостояния 1943–1965. СПб.: Российское объединение исследователей религии, 2013. 384 с.

2. Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1940–1980-е годы: религиозные диссиденты. Документы и материалы / сост. и науч. ред. А.И. Савин. Новосибирск: Посох, 2015. 559 с.

3. Советское государство и Русская Православная Церковь в Сибири (1920–1953). Документы и материалы / отв. ред. А.И. Савин, Д.Г. Симонов, протоиерей Игорь Затолокин. Новосибирск, 2023. 520 с.

САК КСЕНИЯ ВАСИЛЬЕВНА,
кандидат исторических наук, научный сотрудник
отдела новой и новейшей истории Института всеобщей истории РАН

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА: ЖЕНСКАЯ МЕДИЦИНА НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ РСФСР

Сегодня активно обсуждают проблемы геноцида советского народа и обнародуют все новые факты о массовых преступлениях нацистов против мирных советских граждан. Однако гендерно-маркированные преступления до сих пор остаются на периферии научного знания. Это существенный пробел, поскольку гендерные отношения являются для общества базовыми. Гендерный подход дает возможность рассматривать женщину не только как жертву, но и ее тело как «поле боя» и ресурс выживания. Особенно рельефно дискриминация женщин проявилась в организации женской медицины в оккупации. Исследовать эту проблему дают возможность документы Наркомздрава СССР и РСФСР, которые хранятся в Государственном архиве Российской Федерации.

В довоенный период в Германии материнство выступало главной социальной функцией женщины. Аборты были запрещены. Однако в 1933 г. был принят Закон о предотвращении рождения потомства с наследственными заболеваниями. Изначально этот закон не предусматривал принудительные аборты и стерилизацию по национальному принципу, однако известно, что такие случаи были во время войны, например, в женском концлагере Равенсбрюк. Летом 1943 г. в Германии разрешили делать аборты остарбайтерам.

Советский Союз до войны признавал за женщинами равные права с мужчинами, но не считал их свободными в вопросах материнства. В 1936 г. было принято постановление о запрещении абортов и помощи беременным и многодетным семьям. Оно имело общие черты с немецким законом, однако

если в Германии аборты в случае заболеваний родителей делали принудительно, то в Советском Союзе заболевание было причиной, по которой аборт разрешался. Разрешения давали специальные абортные комиссии. Принудительных абортов и стерилизации в Советском Союзе не было. Также благодаря этому постановлению до войны ускоренными темпами повсеместно открывались женские медицинские учреждения. Однако к 1941 г. сохранялся дефицит женских врачей, амбулаторий и стационаров, а также оборудования.

Начало Великой Отечественной войны внесло серьезные изменения в советский гендерный порядок. Женщины заняли мужские социальные и профессиональные ниши. При этом их потребности отходили на второй план. Даже среди акушеров и гинекологов существовало мнение, что женская медицина — это медицина мирного времени. Около 50 % женских врачей были мобилизованы в Красную армию. На базе консультаций и роддомов работали госпитали. Сельские роддома были практически полностью закрыты.

Еще более сложное положение было в прифронтовой полосе. Спешно и зачастую неорганизованно эвакуировались в советский тыл медицинские учреждения вместе с персоналом и оборудованием. Роженицам оказывали помощь в подвалах под бомбежками и обстрелами. В этот период врачи отмечали рост поступлений женщин с кровотечениями, выкидышами и преждевременными родами, вызванными стрессом.

Нацистская пропаганда на оккупированных территориях обещала, что «новый порядок» принесет свободу женщинам, порабощенным большевиками, даст им не только образование и достойную работу, но и счастье материнства. С позиции сегодняшнего дня нам, конечно, хорошо известно, что в действительности ничего подобного не было.

Медицинские учреждения в оккупации подчинялись Отделам здравоохранения, а те, в свою очередь, гарнизонным врачам вермахта. То есть формально медицинская сфера была под контролем «нового порядка». Однако, что касается женских больниц, то далеко не всегда их посещали представители городской или военной власти. Не было специальных указаний по сбору статистики по гинекологическим заболеваниям, абортам, родам, материнской и детской смертности. По свидетельствам врачей, вся отчетность преимущественно сводилась к сведениям о доходах от медицинских услуг.

Врачебные консультации, анализы, медицинские манипуляции и даже роды — всё было платно. Аборт стоил дороже всего — 300 рублей, это выше одной средней зарплаты женщины за месяц в оккупации, если она вообще ее получала. Интересно, что столько же стоил нелегальный аборт в тылу. Большинство женщин не имело возможности платить за медицинские услуги.

Но поскольку строгий контроль отсутствовал, врачи предоставляли малоимущим льготы.

Условия амбулаторий и стационаров не соответствовали санитарным нормам. Городская администрация не заботилась о ремонте. В помещениях было холодно, часто не работало электричество, канализация, не хватало воды. Также женские больницы не обеспечивались инвентарем и лекарствами. Положение спасали врачи, которые все это сохранили в хаосе первых дней оккупации. Именно это стало той базой, которая позволила оказывать помощь пациенткам вплоть до изгнания немцев.

Экстремальные условия выживания крайне негативно сказались на состоянии здоровья всего населения. Однако у женщин были свои особенности, в частности, использование своего тела как ресурса выживания. При отсутствии контрацепции это приводило к распространению венерических заболеваний и нежелательным беременностям. Кроме того, многие женщины травмировались, инфицировались и беременели в результате сексуального насилия.

Чаще всего врачи фиксировали у женщин отсутствие менструации, которое объясняли недоеданием и психической травмой, а также выпадение половых органов от тяжелой физической работы. Общее ослабление организма приводило к росту гинекологических воспалительных заболеваний и онкологии, которые практически не лечились и в конечном счете приводили к смерти.

Однако гинекологические заболевания давали женщинам некоторые преимущества, чтобы выжить. Такие диагнозы позволяли получить освобождение от работ на оборонительных укреплениях. Так как женские больницы редко посещали представители местной власти, под видом больных в них могли укрываться еврейки и партизанки. Женщинам ставились ложные диагнозы и даже проводились необязательные малые гинекологические операции, чтобы избежать принудительных работ в Германии. Иногда здоровые женщины обращались к врачам за справками о венерической болезни, т. к. они уберегали их от домогательств и насилия со стороны немцев. Некоторые врачи давали такие справки за деньги.

Венерические заболевания в оккупации представляли собой огромную проблему. Гонорея и сифилис, по выражению одного врача, «расцвели пышным цветом». Болели не только женщины, но и дети, которые заражались бытовым путем. Венерология была единственным направлением репродуктивной медицины, за которым оккупационные власти осуществляли систематический надзор. Важно отметить, что объектом заботы в данном случае выступала боеспособность солдат, а не женское здоровье. Целенаправленно в городах открывались вендиспансеры, больных женщин

обеспечивали антибиотиками и минимальным питанием. Однако лечение носило преимущественно принудительный характер, зараженных определяли по контактам с заболевшими солдатами.

Добровольно женщины при появлении у них симптомов венерических заболеваний не спешили обращаться за медицинской помощью. Очевидно, что их останавливал не только страх стигматизации или отсутствие денег. Из советской пропаганды многие знали, что немцы расстреливают венерических больных. Такие данные есть и в документах ЧГК. Однако в материалах Наркомздрава нет ни одного факта, который подтверждал бы эти сведения.

Сеть родильных домов при «новом порядке» значительно сократилась. В сельской местности акушерские пункты были закрыты практически полностью. Крестьянки могли обращаться за экстренной медицинской помощью только в госпитали стоявших рядом частей вермахта. Часто женщины в родах не могли попасть в стационар просто потому, что не было транспорта. Кроме того, в комендантский час даже роженицам запрещалось выходить на улицу. В этих обстоятельствах многие роженицы выбирали домашние роды. Для советской медицинской практики это было негативным явлением. Но в условиях оккупации врачи в домашних родах видели источник дополнительного дохода. В документах есть свидетельства, что акушерки даже уговаривали женщин не рожать в больнице, чтобы на этом заработать. Это приводило к росту осложнений, после которых женщин привозили под утро в больницу с давно отошедшими водами, внутриутробной гибелью плода или без сознания от большой потери крови.

Вместе с тем в условиях оккупации рождаемость была очень низкой. Многие делали аборты. Материалы НКЗ СССР говорят о том, что женщин делать аборты никто не принуждал, это был их собственный выбор. Врачи не получали никаких специальных указаний от здравотделов. Полагались они на советские инструкции. Так же, как и до войны, в оккупации работали абортные комиссии из русских врачей. Немецкие суды по наследственным делам о здоровье или их подобие на оккупированной территории РСФСР не работали. Чаще всего врачи не препятствовали желанию женщины сделать аборт, и поэтому показания к этой операции в некоторых городах были расширены. Много было и нелегальных абортов, которые не контролировались и не расследовались. Факты принудительных абортов или стерилизации по материалам, присланным в НКЗ СССР и РСФСР, подтверждения не находят.

Беременные женщины были самой незащищенной категорией взрослого мирного населения в оккупации, и дело не только в крайне низком качестве медицинской помощи. Беременность давала возможность избежать трудовой мобилизации в Германию, однако даже на поздних сроках не уберегала

от арестов, тюремного заключения, расстрелов. Подвергались беременные женщины и сексуальному насилию. Как известно из документов, иногда именно изнасилование становилось причиной преждевременных родов и смерти. Однако эти чудовищные факты не были отражены в материалах, присланных врачами в Москву.

Таким образом, сама по себе война крайне негативно отразилась на женском здоровье. Женская медицина находилась в кризисе. Игнорирование гинекологических заболеваний и аборты стали доминирующей репродуктивной стратегией женщин во время войны не только в оккупации, но и в советском тылу. Однако в оккупации это усугублялось крайней жестокостью захватчиков, отношением к населению как к «унтерменшам», сексуальным насилием, бытовой разрухой и голодом. Несомненно, нацистская идеология влияла на столь тяжелое положение. Однако материалы НКЗ СССР и РСФСР говорят о том, что расовая теория на оккупированной территории не трансформировалась в последовательную политику по подавлению рождаемости, но тяжелейшие условия оккупации неизбежно к этому приводили. С биоэтической точки зрения все это, несомненно, являлось преступлением против материнства и детства. Состояние акушерско-гинекологического обслуживания на захваченных территориях РСФСР свидетельствует о том, что это был не антинатализм, а тотальное безразличие. Работа женских амбулаторий и стационаров в этот период оказалась возможной исключительно благодаря советским врачам и уцелевшей во время боев советской инфраструктуре.

САЛИМУРЗАЕВ ТИМУР МУРАДОВИЧ,
главный специалист аппарата муниципального совета депутатов
МО Смольнинское

ОРГАНИЗАЦИЯ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРГАНАМИ ПОДДЕРЖКИ МУЗЕЕВ И МУЗЕЙНЫХ РАБОТНИКОВ В БЛОКАДНЫЙ ПЕРИОД

Организация партийно-государственными органами поддержки музеев в блокадный период имела важное значение как для сохранности фондов, так и для сохранения жизни музейных работников.

Продовольственное обеспечение в годы блокады было серьезной проблемой для всех жителей Ленинграда. При этом, как известно, продовольственные карточки, которые выдавали ленинградцам, имели разный статус. Рабочие и военные получали более качественное продовольственное обеспечение, чем работники сферы культуры. Многие директора музеев в период блокады старались под разными предлогами повысить категорию продкарточки для своих сотрудников, чтобы обеспечить функционирование музеев и спасти ценные кадры. Иногда это удавалось, иногда нет. Так, к примеру, деятельность директора Ленинградского филиала музея В.И. Ленина В.В. Бедина основывалась на тесном взаимодействии с партийно-государственными органами. В период блокады перед музейными работниками была поставлена задача по сбору, систематизации и сохранению материалов, связанных с обороной Ленинграда. С января по сентябрь дирекция музея приобрела 783 единицы различных материалов, документов и наглядных экспонатов, которые раскрывали обстановку в Ленинграде в дни войны. Экспонаты также показывали роль партийной организации Ленинграда и всех ленинградцев в обороне города. Для проведения работы по сбору и унификации материала директор музея инициировал создание штата в составе 5 человек и возобновил работу фотолаборатории [8, л. 4]. Всё перечисленное стало возможным благодаря активному взаимодействию дирекции музея с партийно-государственными органами. Это сотрудничество позволило

создать и сохранить музейные фонды. Увеличение штата позволило спасти жизнь работникам музея в условиях военного времени, поскольку они оказывались в коллективе и могли получать зарплату, а следовательно, приобретать продовольственные карточки.

К 25-летию Октябрьской революции (7 ноября 1942 г.) горком ВКП(б) принял решение о возобновлении работы музея В.И. Ленина. Большой вклад для воплощения данного решения в жизнь внес директор музея В.В. Бедин и его работники, которые продолжали работать в вечерние и ночные часы [9, л. 4]. Но в то же время это задание от партии позволило увеличить штат сотрудников (до 75 человек), открыть лепной и графический цеха, создать дополнительно четыре отдела, увеличив их общее количество с 3 до 7, а главное — получить продовольственные карточки 1 категории [8, л. 5]. Бедин В.В. неоднократно просил оказать помощь музейным работникам. В справке о состоянии ленинских квартир на имя зам. председателя Ленсовета П.Г. Лазугтина он поднимал продовольственный вопрос. «Работники Музея В.И. Ленина, особенно ведущая группа научных работников, экскурсоводы и другие категории, требуют высокой квалификации и высшего образования, а следовательно, и соответствующего снабжения. Прошу приравнять работников Музея к работникам выставки „Героическая оборона Ленинграда“ по линии продовольственного снабжения и промтоварных карточек… Прошу Вашего решения по затронутым вопросам», — писал В. Бедин [10, л. 7]. И ему в очередной раз удалось добиться положительного результата. Бюро Ленгоркомитета ВКП(б) приняло положительное решение по выдаче продовольственных и промтоварных карточек работникам Музея В.И. Ленина, приравняв их к работникам выставки «Героическая оборона Ленинграда» [11, л. 22].

А в докладной записке В.В. Бедина за № 0186 от 26 сентября 1944 г. тов. Попкову (Председателю Ленгорсовета депутатов трудящихся) поднимался вопрос об экстренных мерах для ликвидации сырости и необходимости организации отопления в филиалах Музея — в шести исторических квартирах-музеях В.И. Ленина (площадь всех квартир составляла 700 кв. м.). Эта просьба также была удовлетворена. По указанию Ленгорсовета для отопления было выделено 60 куб. метров дров [10, л. 9]. В 1944 г. Бюро Ленгоркома ВКП(б) обязало Фрунзенский райком изыскать средства и возможности для проведения капитального ремонта квартиры в переулке Ильича, дом 7, где проживал В.И. Ленин [11, л. 22].

В 1944 г. в рамках подготовки к открытию Музея В.И. Ленина для посетителей Ленгорком обязал начальника строительного управления Ленгорисполкома в месячный срок произвести необходимый ремонт внутренних помещений Мраморного дворца, восстановить пароотопительную систему и отремонтировать крышу [11, л. 21]. Кроме того, для проведения ремонтных

работ направлялась рабочая сила, Музей В.И. Ленина обеспечивался всеми материалами, необходимыми для восстановления экспозиции и производства ремонтных работ, для отопления здания Мраморного дворца выделялся уголь, а самому музею была подарена грузовая машина [11, л. 22].

В связи с четырёхлетней консервацией фондов музея в условиях военно-блокадного времени одним из первичных мероприятий в деле восстановления музея на 1944–1945 гг. стало собирание всех материалов и ценностей музея, хранившихся во время войны в различных местах. С началом Великой Отечественной войны вся экспозиция музея была снята и укрыта. Подлинные документы и наиболее ценные экспонаты, в том числе и живопись, были эвакуированы в г. Тюмень в количестве 48 ящиков и пяти тюков [12, л. 7].

В 1944 году музею были возвращены 55 ящиков материалов экспозиции, находящихся на особом хранении города, а в январе 1945 г., благодаря помощи и заботам Ленинградского городского комитета ВКП(б), все эвакуированные в г. Тюмень ценности музея были возвращены и переданы музею в полном порядке [12, л. 7]. В результате большой напряженной работы всего коллектива музея экспозиция музея была не только полностью восстановлена, но и значительно улучшена [12, л. 9].

Степень поддержки и помощи партийно-государственных органов зависела и от проявления инициативы, настойчивости и силы воли директоров музеев. Так, в архиве Музея Революции сохранилось письмо директора музея С.Д. Павловой, написанное в Ленсовет в самый тяжелый период блокады, с просьбой о замене продовольственных карточек для музейных сотрудников с категории служащего на категорию рабочего. Она отмечала, что сотрудники Музея Революции были настолько слабы, что не могли вести пропагандистскую и научную работу [7, с. 104]. Но в условиях сурового военного времени просьба удовлетворена не была. В приказах по музею за военный период числятся фамилии 17 умерших. Однако директором музея С.Д. Павловой были предприняты дополнительные меры, чтобы спасти работников музея. В июне 1942 г. она была вызвана в Москву к наркому просвещения Потемкину. В результате встречи С.Д. Павлова рассказала о том, что были исчерпаны все возможности для поддержания жизни музейных работников: они сдирали с лип кору, сушили, толкли и пекли на олифе из этой массы лепешки, а также использовали столярный клей для студня. Потемкин дал указание помочь музею продовольствием и посоветовал обратиться в Музей Революции СССР [7, с. 104]. Павлову в Музее Революции СССР горячо встретил ветеран партии Г.И. Петровский. Он пригласил её в кабинет, задал массу вопросов о борьбе и жизни ленинградцев, с уверенностью сказал: «Я знаю, они выстоят». А затем подвел её к сейфу с семенами, открыл его и с каждого мешочка отсыпал семена капусты, репы, моркови, брюквы.

Передавая их, Г.П. Петровский дал напутствие: «Обязательно посадите около Зимнего» [7, с. 104]. Там, где росли цветы, в годы блокады музейные работники вырастят брюкву, капусту и другие овощи и не раз вспомнят с благодарностью инициатора этой помощи в голодное время.

Партийно-государственные органы на любом клочке земли, где это было возможно, инициировали создание огородов. В итоге люди стали выращивать овощи сами. Так, к примеру, в Академии Художеств активным организатором этого дела стал архитектор, блокадный ректор ВАХ (с марта 1942 г.) — Виктор Фёдорович Твелькмейер [5, с. 353]. В должности директора музея ВАХ, а после и ректора ВАХ, им было сделано все возможное для спасения жизни работников Академии и их семей. А.А. Белогруд даже назвала его добрым волшебником и рассказала о главном «чуде» ректора: «По инициативе Виктора Фёдоровича сотрудники разбили огород в Круглом саду. Разобрали старую отмостку, очистили землю от наслоений битых скульптур и камня. Огородную землю тачками возили из Соловьевского сада...». Заведующий научной библиотекой Русского музея В.В. Алексеева также вспоминала: «...Весной 1942 года раскопали под огород наш садик перед главным зданием. Участки были крошечные. Однажды, роясь на своей гряде, я услышала, будто рядом кто-то тихонько мурлычет. Оглянулась, прислушалась, но кругом было тихо, и я поняла, что душа моя мурлычет. Это было как-то так неожиданно, странно, что я даже всплакнула. И трудно представить, конечно, радость первого нашего урожая!» [5, с. 353]. Или Эрмитажники в Дзержинский райком ВКП(б) 23 мая 1942 г. сообщали: «... 50 % площади Висячего сада засеяно турнепсом, свеклой, морковью, укропом, шпинатом и луком-батуном. Для посева использовались семена, полученные через райзо... Оставшуюся земельную площадь предположено использовать под капусту, брюкву, свеклу и картофель...» [2, с. 146].

Ещё одной формой поддержки музейных работников со стороны партийно-государственных органов стали общественные столовые для работников культуры и науки [1, с. 118]. Некоторым ценным сотрудникам также выдавали отдельный, повышенный паек. Так, тот же Г.Е. Лебедев писал: «Обедать в Большой драматический театр хожу вместе с М.В. Фармаковским...» [1, с. 114], «...обрадовался известию о получении литературного питания: я отнесен в группу профессоров; следовательно — сахар, следовательно — масло» [1, с. 121].

Столовые превратились в сосредоточение общественной жизни. Здесь собирались многие сотрудники академических учреждений, обменивались информацией, обсуждали научные проблемы. Здесь всегда можно было получить горячий кипяток, обед и 125 гр. хлеба (которые тогда выдавались по карточкам), для многих сотрудников музеев это была единственная пища [4, с. 171].

Существенной формой поддержки партийно-государственными органами музейных работников были открытые при музеях стационары, которые спасли жизнь многим работникам. Истощенные сотрудники музеев в течение 8–10 дней получали трехразовое питание, медицинские препараты и процедуры [5, с. 351]. Так, 24 января в Эрмитаж пришел приказ из Смольного о том, что городские организации приняли решение создать на его базе лечебный пункт для дистрофиков (стационар). Стационарный пункт был создан «…для сохранения здоровья работников 5 музеев»: Эрмитажа, Музея В.И. Ленина, Музея Революции, Русского музея и Музея этнографии. Второй стационар для музейных работников функционировал в Музее города на набережной Красного Флота (Английской) [5, с. 351]. Такой же лечебный пункт был открыт в Академии художеств [6, с. 98].

Общественные мероприятия, организованные партийно-государственными органами, стали еще одной формой поддержки для музейных работников. Во-первых, это показывало музейным специалистам значимость их работы. Во-вторых, не раз признательные слушатели, солдаты и другие благодарили и делились едой, что в тяжелые голодные годы также было подспорьем для музейных работников [1, с. 124].

Согласно архивным документам и воспоминаниям музейных работников, одной из самых значимых мер поддержки музейных сотрудников со стороны партийно-государственных органов стало создание служебных жилых помещений (общежитий) непосредственно в зданиях самих музеев. Так, к примеру, в отчете о работе сотрудников ОХМ отмечено, что за второе полугодие 1941 г. в Исаакиевском соборе было оборудовано общежитие для эвакуированных. Музейные сотрудники ОХМ на казарменном положении заняли помещение подвалов Исаакиевского собора и получали карточки на хлеб как служащие Ленинграда (с конца ноября 1941 г. по таким карточкам давали 125 граммов хлеба) [13, л. 12]. А.И. Зеленова вспоминала: «Все сотрудники — хранители музеев — с первого же дня своего прибытия из пригородов были приказом по Управлению дворцов и парков Ленинграда переведены на казарменный режим. Домой отлучались редко, а у многих и не было своего дома в Ленинграде, так как жили они в пригородах» [3, с. 90].

Таким образом, в годы войны и блокады партийно-государственные органы Ленинграда и страны оказывали музеям и их работникам многоплановую поддержку, которая имела жизненно важное значение как для конкретных людей, так и для спасения уникальных коллекций ленинградских музеев.

Список литературы

1. Балтун П.К. Русский музей — эвакуация, блокада, восстановление. М.: Изобразительное искусство, 1981.

2. Варшавский С.П., Рест Б. Подвиг Эрмитажа: документальная повесть. Л.: Лениздат, 1985.174 с.

3. Зеленова А.И. Статьи, воспоминания, письма. СПб.: Типография «Наука», 2006.

4. Из истории Кунсткамеры, 1941–1945 / Рос. академ. наук. Музей антропологиии этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера); сост. К.Н. Володина. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого, 2003. 319 с.

5. Петров Г.Ф. Миг вечности: музеи Санкт-Петербурга в потоке времени. СПб.: Логос, 2005. 430 с.

6. Подвиг века. Художники, скульпторы, архитекторы, искусствоведы в годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда: воспоминания, дневники, письма, очерки, литературные записи / авт.-сост. Н.Н. Палерная. Л.: Лениздат, 1969. 391 с.

7. Смирнов А.П. Государственный музей Революции в годы Великой Отечественной войны // Государственный музей политической истории России: 90 лет в пространстве истории и политики. 1919–2009: материалы научной конференции, посвященной юбилею Государственного музея политической истории России / под ред. А.М. Кулегина. СПб.: Норма, 2010. С. 100–108.

8. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 3605. Оп. 1. Д. 112.

9. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 3605. Оп. 1. Д. 115.

10. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 3605. Оп. 1. Д. 130.

11. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 3605. Оп. 1. Д. 134.

12. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 3605. Оп. 1. Д. 145.

13. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. 330. Оп. 1. Д. 79.

ФЕДОРЕНКО АНГЕЛИНА АНДРЕЕВНА,
студент
Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: ВЛИЯНИЕ НА МОЛОДЕЖЬ И ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В условиях глобализации и цифровизации общества вопросы сохранения исторической памяти приобретают особую значимость. События Второй мировой войны, несмотря на временной разрыв (более 80 лет с её начала), продолжают оказывать влияние на политические процессы, культурную сферу и систему образования. Цель данной работы — исследовать механизмы передачи знаний о войне молодому поколению, оценить их эффективность и выявить существующие проблемы. Актуальность темы обусловлена необходимостью формирования у молодёжи гражданской идентичности и гуманистических ценностей на основе осмысления трагического опыта прошлого.

Передача знаний о войне осуществляется через разнообразные каналы, каждый из которых обладает специфическими возможностями воздействия.

Школьное образование выступает основным институтом систематизации знаний. В рамках курса истории учащиеся знакомятся с ключевыми событиями, анализируют причины и последствия войны, изучают роль антигитлеровской коалиции. Особое внимание уделяется преступлениям нацизма, что способствует формированию критического отношения к идеологии ксенофобии [1].

Не менее значимую роль играет семейная память. Личные истории, сохранившиеся в архивах (письма, фотографии, дневники), создают эмоциональную связь с прошлым. Такие нарративы позволяют воспринимать исторические события не как абстрактные факты, а как часть семейной биографии. Например, акция «Бессмертный полк» демонстрирует, как личная

память интегрируется в общенациональный контекст: миллионы молодых людей несут портреты родственников-участников войны, тем самым осознавая свою причастность к истории страны [2].

Культурно-просветительские учреждения (музеи, мемориалы) дополняют формальное образование эмоционально насыщенным опытом. Посещение Музея Победы в Москве или Пискарёвского мемориального кладбища в Санкт-Петербурге позволяет прочувствовать масштаб трагедии через визуальные и символические образы.

Художественная литература и кинематограф оказывают мощное эмоциональное воздействие. Произведения, такие как «Блокадная книга» А. Адамовича и Д. Гранина или фильм «А зори здесь тихие», раскрывают человеческий аспект войны, показывая её влияние на судьбы отдельных людей. Это способствует развитию эмпатии и пониманию ценности мира [3].

Цифровые технологии и социальные сети открывают новые возможности для трансляции исторической памяти, но одновременно создают риски. Платформы вроде YouTube и Telegram могут как распространять достоверные сведения, так и способствовать распространению мифов. Поэтому особую важность приобретает развитие медиаграмотности среди молодёжи.

Сохранение памяти о войне выполняет ряд воспитательных функций. Во-первых, оно способствует формированию гражданской идентичности. Осознание вклада своего народа в Победу укрепляет чувство патриотизма и ответственности за будущее страны. Во-вторых, знание о преступлениях нацизма (Холокост, массовые расстрелы, концлагеря) воспитывает нетерпимость к экстремизму и расовой ненависти. В-третьих, понимание масштабов человеческих жертв помогает ценить мирное время и критически относиться к романтизации войны.

Практические формы взаимодействия с историей, такие как волонтёрские проекты по уходу за воинскими захоронениями, усиливают этот эффект. Участвуя в подобных инициативах, молодые люди не только сохраняют память, но и осознают личную ответственность за её передачу следующим поколениям [4].

Образовательная система выполняет несколько ключевых функций в этом процессе. Во-первых, она обеспечивает систематизацию знаний, предлагая структурированное изложение событий. Во-вторых, развивает критическое мышление через анализ источников и сопоставление различных точек зрения. В-третьих, способствует эмоциональному вовлечению, используя интерактивные методы: встречи с ветеранами, экскурсии, реконструкции событий.

Современные технологии расширяют возможности образования. Например, VR-экскурсии позволяют «перенестись» в блокадный Ленинград или на поле боя, создавая эффект присутствия. Это усиливает запоминание материала и способствует глубокому осмыслению истории [5].

Несмотря на многообразие каналов трансляции, существует ряд проблем. Во-первых, фальсификация истории, которая проявляется в попытках преуменьшить роль СССР в победе над нацизмом или уравнять нацизм и коммунизм. Во-вторых, информационный шум в социальных сетях, где фейки и мемы могут искажать восприятие войны. В-третьих, отдалённость событий: для современной молодёжи война — это далёкое прошлое, что снижает личную вовлечённость. Наконец, формальный подход к изучению истории, сводящийся к заучиванию дат, не способствует осмыслению её уроков.

Примером негативного влияния этих факторов являются случаи использования нацистской символики, что свидетельствует о недостатке знаний и критического осмысления темы [6].

Для укрепления исторической памяти необходимо:

1. Актуализировать образовательные программы, включив в них больше интерактивных элементов: дебаты, проектную деятельность, квесты.

2. Использовать цифровые технологии для создания образовательных игр, VR-экскурсий и онлайн-архивов. Проект «Дорога памяти», например, предоставляет доступ к миллионам документов и фотографий, позволяя молодёжи находить сведения о своих родственниках [7].

3. Поддерживать диалог поколений через организацию встреч с ветеранами и историками, запись их воспоминаний.

4. Развивать медиаграмотность, обучая молодёжь отличать достоверную информацию от фальсификаций.

5. Укреплять международное сотрудничество для формирования объективной картины событий.

Историческая память о Второй мировой войне — это не просто совокупность фактов, а важный инструмент воспитания ответственных и сознательных граждан. Эффективная трансляция знаний требует комплексного подхода, объединяющего усилия семьи, образовательных учреждений, культурных институтов и цифровых технологий. Только так можно сохранить правду о войне и передать её будущим поколениям.

Список литературы

1. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования. Приказ Минпросвещения от 31.05.2021 № 287 (в ред. от 18.06.2025) // Гарант [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/401433920/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/?ysclid=mqdq1bamyr728128240 (дата обращения: 01.05.2026).

2. Бессмертный полк: официальный сайт акции [Электронный ресурс]. URL: www.polkrf.ru (дата обращения 01.05.2026).

3. Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. М.: Азбука, 2019. С. 768.

4. Методические рекомендации по организации волонтёрской деятельности в сфере сохранения исторической памяти. М.: Министерство просвещения РФ, 2022.

5. Исследование «Применение VR-технологий в школьном образовании». М.: НИУ ВШЭ, 2023.

6. Доклад «Фальсификация истории Второй мировой войны в цифровом пространстве». М.: Российское историческое общество, 2022.

7. Дорога памяти: официальный сайт проекта [Электронный ресурс]. URL: www.doroga.mil.ru (дата обращения: 01.05.2026).

ХЕЙЛИК ОКСАНА НИКОЛАЕВНА,
заведующий музеем, преподаватель Санкт-Петербургского
Лицея № 280 имени М.Ю. Лермонтова

КАРАУЛОВ МИХАИЛ ВИКТОРОВИЧ,
сотрудник музея «Путь поколений»
Санкт-Петербургского Лицея № 280 имени М.Ю. Лермонтова

УРОКИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПОДВИГ ПЕДАГОГОВ И УЧАЩИХСЯ ШКОЛЫ № 280 В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ. К 80-ЛЕТИЮ НЮРНБЕРГСКОГО ТРИБУНАЛА

Введение

В современных условиях актуализируется проблема сохранения исторической памяти о преступлениях фашизма. Исследование деятельности школы № 280 в годы блокады Ленинграда позволяет осмыслить уроки Второй мировой войны и значение Нюрнбергского трибунала в борьбе с идеологией нацизма.

Образовательное учреждение: лицей № 280 имени М.Ю. Лермонтова располагается в двух исторически значимых зданиях на Лермонтовском проспекте. Здание Училищного дома имени М.Ю. Лермонтова (дом 52), построенное в 1907 году, непрерывно осуществляет образовательную деятельность на протяжении почти 120 лет. В годы блокады школа № 280 стала одним из центров спасения детей Ленинского района.

В здании на Лермонтовском проспекте, дом 54 (ныне главный учебный корпус лицея), в предвоенные годы и во время блокады находилась воинская часть, на территории которой были жилые помещения, где проживали семьи военнослужащих и гражданские лица.

Условия работы школы

6 сентября 1941 года на город упали первые бомбы. За время блокады было сброшено более 74 тысяч бомб. Воздушная тревога звучала 642 раза, а обстрелы происходили почти каждый день. Первый артобстрел Ленинграда был произведен фашистами 4 сентября 1941 года, последний — 22 января 1944 года. Самый долгий обстрел длился более 13 часов подряд...

Территория, на которой расположены здания нашего лицея, была определена фашистами как наиболее приоритетная цель для уничтожения. На картах вермахта такие участки были выделены красными линиями и им присвоены номера. Кварталы № 242 и № 289 были обозначены как место расположения военных складов, пожарной охраны и казармы военнослужащих. Никакого упоминания, что в квартале в основном расположены жилые дома и районная школа, нет!

Из сводок Штаба МПВО (Местной Противовоздушной Обороны) Ленинграда только за один месяц осени 1941 года видна интенсивность обстрелов и бомбардировок квартала, где находилась действующая школа.

11 октября 1941 года: «12-я Красноармейская, фабрика имени Воскова — 3 зажигательных бомбы. Пожар склада готовых изделий. 23:15 — 2 автонасоса, 4 ГПК и пожарная команда фабрики. 23:15–23:35 Пожар ликвидирован. Лермонтовский пр. д. 41/43, склады военведа, 32 зажигательных бомбы. Горела крыша склада. 23:15 — 3 автонасоса, ГПК и воинская часть. 23:20–23:40 Пожар ликвидирован. Проспект Огородникова, дом 3 — „Гознак“, 28 зажигательных бомб. Горела крыша жилого корпуса и одного цеха. 23:15 — пожарные команды и посты объекта. 23:15–23:30 Пожар ликвидирован. Лермонтовский пр., д. 51, 53, 55 — 55 зажигательных бомб. Пожар чердачных перекрытий жилых домов.

23:15 — 1 автонасос, 4 ГПК и 3 автонасоса ГПК. 23:20–24:00 Пожар ликвидирован. Лермонтовский пр., д. 54 — 75 зажигательных бомб на территории военных казарм, горел чердак жилого дома. 23:20 — 1 автонасос УПК 13. 23:25–00:10 Пожар ликвидирован».

14 октября 1941 года: «11 Красноармейская, дом 28 — 2 фугасные бомбы. Частичное разрушение крыши и стены трамвайной линейной подстанции, поврежден трансформатор. 19:25 — Бригада Лентрамвая, бригада Ленэнерго.

19:30 Работы по восстановлению продолжаются. Также фугасные бомбы попали в дома 49 и 51 по Лермонтовскому проспекту».

1 ноября 1941 года: «Лермонтовский пр. 54, 1 артснаряд — в жилой дом. Разрушены 3 квартиры. Пострадавших: ранено — 7 чел., убито — 14 чел. 13:05 Отделение МСК 3 участка. Группы самозащиты дома. 13:15–13:35 Пострадавшим оказана помощь».

11 ноября 1941 года: «На подстанции „Лермонтовская“ пробита снарядом стена, разбиты приборы и релейная защита, поврежден трансформатор, вытекло 3,5 тонн масла».

За сухими строчками архивных документов — судьбы и жизни жителей Ленинграда. В таких условиях продолжала работать школа. Мы проводим исследование, результатом которого будет полная картина разрушений от обстрелов за годы блокады, списки погибших при артобстрелах жителей лицейских домов, погибших учеников нашей школы.

Деятельность учебного заведения проходила в экстремальных условиях: постоянные артобстрелы и бомбардировки, необходимость тушения зажигательных бомб и устранения разрушений, нехватка продовольствия, отсутствие отопления, нехватка дров.

Деятельность педагогического коллектива и учеников

Многие школы закрылись, разрушены здания, коммуникации не работали. Часть детей удалось эвакуировать до начала блокады, остальные разделили со взрослыми все тяготы осажденного Ленинграда. Об этом времени оставил воспоминания очевидец, житель блокадного города Юрий Ефимович Давыдов (ему было 13 лет в 1941 году): «Мы жили на Нарвском проспекте, наша школа не работала. Было очень холодно и голодно, мы почти не ходили, даже по квартире. Зимой 1941–1942 года к нам в квартиру постучалась изможденная женщина и сказала: „Надо ходить в школу у Балтийского вокзала. Там дают еду“. Это спасло мою жизнь… Летом мы не учились, но ходили в школу, там было организовано горячее питание». Школа у Балтийского вокзала — это средняя школа № 280. Она работала всю блокадную зиму. На 8 мая 1942 года в школе насчитывалось 562 ученика (ЦГА СПб. Ф. 4900. Оп. 1. Д. 77. Л. 6).

Для детей блокадного города обучение в школе — это шанс выжить. Они сидели на уроках в пальто, в холодных классах, по несколько человек за столом. Но школьники получали постоянное горячее питание. Так удалось пережить самую страшную зиму. Дети не только учились, но и помогали взрослым: тушили пожары, дежурили во время тревог, сбрасывали зажигательные бомбы. При школе создали Отряд Местной Противовоздушной обороны (МПВО). С сентября 1941 года его возглавила и организовала защиту

зданий от вражеских зажигательных бомб и последствий артобстрелов Беднякова Валентина Константиновна, учитель литературы.

Первое награждение учрежденной Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 декабря 1942 года медалью «За оборону Ленинграда» состоялось 3 июня 1943 года на торжественном собрании в Смольном. Там были вручены награды и сотрудникам нашей школы: Прокофьевой Александре Ивановне — директору, Беляевой Евгении Григорьевне — завучу, Семеновой Клавдии Дмитриевне — учителю, Ворониной Олимпиаде Михайловне — уборщице, Зайцевой Фионе Ивановне — уборщице.

А уже 19 ноября 1943 года вручение медалей «За оборону Ленинграда» рабочим и служащим предприятий и учреждений Ленинского района состоялось в актовом зале школы № 280 (ЦГА СПб. Ф. Р-7384 Оп. 38 Д. 891-2. Л. 274). Среди награжденных учителя и нашей школы: Беднякова Валентина Константиновна, Богданова Надежда Михайловна, Рюмина Ольга Федоровна, Рукавишникова Зоя Васильевна, Попова Клавдия Дмитриевна, Шеманаева Ольга Михайловна, Михайлова Клавдия Васильевна, Демина Наталья Алексеевна, Новикова Ксения Михайловна, Сибирякова Людмила Ивановна и другие. Также медали получили многие ученицы школы.

В условиях постоянных обстрелов и голода педагогический коллектив проявил исключительный героизм. Мы собираем материалы о каждом педагоге, работавшем в школе № 280 в тяжелые годы блокады, и о каждом ученике.

Музейная работа как способ сохранения памяти

Школьный музей «Путь поколений» Санкт-Петербургского Лицея № 280 имени М.Ю. Лермонтова ведет активную воспитательную и исследовательскую работу по сохранению и восстановлению истории педагогов и выпускников образовательного учреждения. Особое внимание уделяется работе школы во время блокады Ленинграда, которая работала и спасала жизни сотен детей Ленинского района, собрав школьников из закрытых учебных заведений. Сведения о жизни в экстремальных условиях, постоянных обстрелов, бомбардировок, голода и холода мы собираем в первую очередь из рассекреченных архивных документов, исследовательских публикаций и воспоминаний участников событий. При этом важным является сопоставление сведений из рассказов ветеранов и архивных данных — именно это позволяет, не искажая истины, восстановить наиболее полную и достоверную историю школьной жизни в условиях геноцида.

27 января 2026 года в музее «Путь поколений» открыта экспозиция, посвященная подвигу учителей и учеников школы в годы блокады Ленинграда — **«Блокадная комната».** Воссоздана атмосфера убежища в цокольном этаже здания.

Экспозиция включает в себя: подлинные предметы блокадного периода, документальные материалы, интерактивные элементы, звуковое сопровождение.

Помещение действительно служило убежищем во время блокады — это придаёт экспозиции особую историческую ценность. В воспоминаниях блокадных учителей есть рассказ о том, как при начале бомбежек все, кто не был задействован на тушении зажигалок на крышах, спускались в цокольный этаж, где наиболее безопасно. А недавно посетившая музей Людмила Александровна Хитрина из Казани (девочкой жившая в первый год блокады на Лермонтовском, 54) рассказала, что именно в эти помещения она с мамой и бегала при объявлении воздушной тревоги. Такие встречи детей и очевидцев событий в музее особенно важны, и мы приглашаем наших ветеранов, проводим совместные мероприятия, производим видеозапись.

Экспонаты — в основном подлинные предметы, пережившие блокадные годы, и предметы, принесенные учениками, сотрудниками и выпускниками школы. Так, один из стеллажей содержит документы семьи сотрудницы лицея. Это подлинники трех наградных удостоверений и медалей «За оборону Ленинграда», подлинники писем с фронта. О каждом участнике обороны Ленинграда, чьи документы представлены в экспозиции, собрана информация; при проведении экскурсии проводится рассказ о его жизни и судьбе.

Важным элементом музейной экспозиции является звуковое сопровождение. При проведении экскурсий и мероприятий звучат звуки блокадного города: ленинградский метроном, объявление воздушной тревоги, звуки артиллерийского обстрела, отбой воздушной тревоги. При этом каждый посетитель получает информацию, поясняющую происхождение и смысл звукового сопровождения. Например, кто и зачем придумал использовать для оповещения населения звуки метронома, что значило для жителей наличие системы оповещения и как она работала.

На основе коллекции макетов военной техники периода Великой Отечественной войны, переданной музею мастером Вадимом Николаевичем Кушиным из города Новоржев Псковской области, старшеклассниками проведена исследовательская работа и созданы презентационные материалы. Собраны материалы о танках, самоходных орудиях и военных грузовиках разных периодов войны. Новый раздел экспозиции посвящен памяти Неустроевой Розы Львовны, проработавшей в школе около сорока лет. Юной девушкой она ушла на фронт и воевала в танковой бригаде, защищая Ленинград. Получив тяжелейшее ранение, она посвятила всю свою жизнь работе в школе № 280, где преподавала иностранные языки, занималась патриотическим воспитанием детей.

Также создана экспозиция, позволяющая посетителям не просто увидеть экспонаты или почитать документы, но и подержать в руках настоящие предметы или макеты предметов, которыми пользовались школьники блокадного времени. Трудно представить, что девочки-школьницы под руководством учительницы литературы стояли на крыше здания и сбрасывали горящие бомбы… Сейчас мало кто знает, как выглядела зажигательная бомба и как её тушить. На стене музея представлены брошюра 1940 года и плакат о тушении зажигательных бомб, макет такой бомбы, ящик с песком и клещи. Каждый посетитель, прочитав инструкцию, может взять в руки клещи и повторить действия своих сверстников блокадного времени.

Данная музейная экспозиция позволяет лицеистам погрузиться в атмосферу блокадного времени, прикоснуться к предметам быта, услышать звуки блокадного города. У детей есть возможность попробовать себя в роли экскурсовода, под руководством сотрудников музея принять участие в исследовании и создании новых музейных элементов.

Научно-просветительская деятельность

Музей осуществляет комплексную работу: проведение образовательных экскурсий, организация встреч с ветеранами, ведение исследовательской деятельности, создание мультимедийных материалов.

Заключение

Опыт работы школы № 280 в годы блокады является ярким примером стойкости ленинградцев в борьбе с фашизмом. Изучение истории своего учебного заведения имеет важное значение для противодействия попыткам фальсификации истории и сохранения памяти о преступлениях нацизма.

Список литературы

1. Аниконов П.А. Артиллерийские обстрелы Ленинграда. 1941 год. Санкт-Петербург: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2023. 688 с.

2. Железный дождь над Ленинградом. Артобстрелы и авианалёты в документах МПВО НКВД, воспоминаниях, дневниках очевидцев и фотографиях 1941–1944 гг. / сост. Иринчеев Б.К. Выборг: Военный музей Карельского перешейка, 2022. 616 с.

3. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА Спб. Ф. Р-4901, Ф. 4900, Ф. Р-7384).

4. Давыдов Ю.Е. Записки о блокадном Ленинграде. 2-е изд., перераб. Санкт-Петербург: Медпресса, 2010. 64 с.

5. Дневник блокадного учителя: воспоминания, документы, исследования / сост. В.М. Ковальчук. СПб.: Издательство СПбГУ, 2019. 416 с.

6. Материалы музея «Путь поколений» Лицея № 280 имени М.Ю. Лермонтова.

Фото СПБ ГБУ «Лицей № 280 имени М.Ю. Лермонтова»

Посещение музея «Путь поколений» лицеистами 3 «Б» класса 27 января 2026 г.

Экспозиция музея «Блокадная комната», воссозданная в реальном помещении убежища школы № 280 во время блокады Ленинграда

Лицеисты 10 классов лицея Мартяхин Максим и Кузнецов Андрей
в процессе подготовки видео-экскурсии для экспозиции музея
«Военная техника Великой Отечественной войны»

Ученица школы № 280 1945–1955 гг. Валентина Владимировна Вазнер,
пережившая блокаду Ленинграда и посещавшая военную комендатуру
в здании на Лермонтовском пр., д. 54, ныне корпус лицея № 280

Встреча в музее юных экскурсоводов и их родителей
с Людмилой Александровной Хитриной, которая во время блокады Ленинграда во время артобстрелов вместе с мамой укрывалась в убежище на Лермонтовском пр., д. 52, где сейчас находится музей «Путь поколений»

Выпускник 1970 года школы № 280 города Ленинграда —
Игорь Кириллович Курдин, капитан 1 ранга,
председатель Санкт-Петербургского клуба моряков-подводников
Флота России, потомственный подводник.

В памятные дни снятия Блокады Ленинграда Игорь Кириллович провел экскурсию по отсекам подводной лодки для лицеистов 8 «А» на территории уникального музея Военно-Морской славы Российской Федерации в Кронштадте

Научное издание

Уроки Второй мировой войны: прошлое и настоящее (к 80-летию Нюрнбергского трибунала)

Сборник материалов
международной научно-практической конференции

г. Санкт-Петербург, 14–16 мая 2026

Корректор *О.А. Гильфанова*
Верстка *Ю.Н. Сафонкина*
Главный редактор *В.М. Коровин*

Издательство «Наукоемкие технологии»
ООО «Корпорация «Интел Групп»
https://publishing.intelgr.com
E-mail: publishing@intelgr.com
Тел.: +7 (812) 945-50-63
Интернет-магазин издательства
https://shop.intelgr.com/

Подписано в печать 07.07.2026.
Формат 60×84/16
Объем 8,375 п.л.
Тираж 150 экз.

ISBN 978-5-00271-152-9